

prose_counter
sf_social

Альберт Санчес
Пиньоль

В пьянящей тишине

АЛЬБЕРТ САНЧЕС ПИНЬОЛЬ — Родился в Барселоне в 1965 г. Ученый-антрополог. «В пьянящей тишине» — его литературный дебют. Международный бестселлер! Переведен на 28 языков Больше 100 недель в топ-десятке самых читаемых книг Европы.

На богом забытый остров в Антарктике приезжает новый метеоролог. И обнаруживает, что его предшественник бесследно исчез. Единственный обитатель острова — смотритель маяка — молчит, явно что-то скрывая. Но вот наступает ночь... Первая в череде безумных ночей! Он должен выжить. Не сойти с ума. И понять, что это за странное существо, с которым столкнула его судьба? Отвратительный монстр? Или самая прекрасная и желанная в мире женщина?

Бережущие душу размышления о нашем страхе перед неведомым.

Эль Паис (Мадрид)

Сумасшедшая книга... Пришелец из мира, лежащего далеко за пределами того, что принято называть литературой.

Ле Монд (Париж)

Те, кому «Алхимик» Коэльо показался слишком «плоским», найдут в романе Пиньоля притчу, смысл которой никто не будет преподносить читателю на блюдечке...

Штутгартер Нахрихтен (Штутгарт)

Искусно выстроенная история двух островитян, которые были вынуждены избавиться от балласта европейской цивилизации... Пиньоль выбирает такой ритм повествования, что читатель просто не успевает перевести дух!

Шпигель (Гамбург)

ru
sa

Нина

Аврова-Раабен

prose_contemporary

Albert
Sanchez
Pinol

La Pell Freda

ca
ca

USER

FictionBook Editor Release 2.6.6
04.07.2013
FBD-682914-BB31-E64C-B7A2-057B-439A-33E844
1.0

ver. 1.0: OCR и создание FB2 — USER.

Пиньоль, Альберт Санчес. В пьянящей тишине
ООО ТД „Издательство Мир книги“
М.
2006
5-486-00793-0

ББК 84(4Исп) П 32 Перевод с каталонского языка — Нина Аврова Раабен Художник И. Тарачков Пиньоль, Альберт Санчес. В пьянящей тишине Перевод с каталонского — Нина Аврова Раабен. — М.: ООО ТД „Издательство Мир книги“, 2006. — 224 с. ББК 84(4Исп) Albert Sanchez Pinol La pell freda © Albert Sanchez Pinol, 2002 All rights reserved © Нина Аврова Раабен, перевод, 2006 © ООО ТД „Издательство Мир книги“, 2006 ISBN 5-486-00793-0 Альберт Санчес Пиньоль В ПЬЯНЯЩЕЙ ТИШИНЕ Переводчик Нина Аврова Раабен Редактор Т.В. Редькина Корректоры ЕЛ. Костина, Я.П. Бахолдина Технический редактор С.В. Камыниова Компьютерная вёрстка ООО ТД „Издательство Мир книги“ ООО Торговый дом „Издательство Мир книги“ 111024, Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6 Отдел реализации: (495)974-29-76, 974-29-75; факс: (495) 742-85-79 e-mail: commerce@mirknigi.ru Каталог „Мир Книги“ можно заказать по адресу: 111116, г. Москва а/я 30 „МИР КНИГИ“, тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru Подписано в печать 31.07.2006. Формат 84x108/32. Печать офсетная. Гарнитура „Miniature“. Усл. печ.л. 11,76. Печ.л. 7,0. Тираж 70 000 экз. Заказ № 3691. Отпечатано в ОАО „Тульская типография“ 300600, г. Тула, пр. Ленина. 109.

Альберт Санчес Пиньоль
В пьянящей тишине

Нам никогда не удастся уйти бесконечно далеко от тех, кого мы ненавидим. Можно также предположить, что нам не дано оказаться бесконечно близко к тем, кого мы любим. Когда я поднялся на борт корабля, эта жестокая закономерность уже была мне известна. Однако есть истины, на которых стоит задержать наше внимание, а есть и такие, соприкосновения с которыми следует избегать.

Мы впервые увидели остров на рассвете. Прошло тридцать три дня с тех пор, как дельфины перестали следовать за нашей кормой, и вот уже девятнадцать дней у матросов изо рта вырывались облачка пара. Моряки-шотландцы спасались от холода, натягивая длинные рукавицы по самые локти. Глядя на их задубелую кожу, невольно вспоминались тела моржей. Для моряков из Сенегала это было настоящей пыткой, и капитан разрешал им смазывать щёки и лоб жиром, чтобы защититься от стужи. Жир таял на их лицах. Глаза слезились, но никто не жаловался.

— Вон он, ваш остров. Взгляните, у кромки горизонта, — сказал мне капитан.

Я ничего не мог разглядеть. Только всегдашнее холодное море в обрамлении серых облаков вдали. Хотя мы давно плыли в южных широтах, наш путь не был оживлён видами причудливых и грозных форм антарктических айсбергов. Ни одной ледяной горы, ни следа плавающих великанов, этих величественных порождений природы. Мы испытывали все неудобства плавания в антарктических водах, но были лишены удовольствия созерцать величие этих краёв. Итак, мой приют будет там, у самого края ледяной границы, за которую никогда не будет дано заступить. Капитан протянул мне подзорную трубу. А теперь, видите ваш остров? Вы его видите? Да, я его наконец разглядел. Кусок земли в ожерелье белой пены, расплюснутый серыми махинами океана и неба. И больше ничего. Мне пришлось ждать ещё час. По мере того как мы приближались к острову, его очертания становились всё яснее.

Так вот каким было моё будущее пристанище: кусок земли в форме латинской буквы «L», расстояние от одного до другого конца которого едва ли превышало полтора километра. На северной окраине виднелись гранитные скалы, на которых высился маяк. Его силуэт, напомиавший колокольню, главенствовал над островом. В нём не было никакого особого величия, но незначительные размеры острова придавали ему значимость поистине мегалитического сооружения. На юге, на сгибе буквы «L», было ещё одно возвышение, на котором виднелся дом метеоролога. А следовательно, мой. Эти сооружения располагались на двух концах узкой долины, заросшей влаголюбивыми растениями. Деревья тесно прижимались друг к другу, словно стадные животные, пытающиеся укрыться за телами своих сородичей. Стволы прятались среди мха, который поднимался здесь до колен, — явление необычное. Мох. Его поросль казалась плотнее, чем зелёные изгороди в саду. Пятна мха расплзались по коре деревьев, точно язвы прокажённого, — синие, лиловые и чёрные.

Остров был окружён множеством мелких скал. Бросить якорь на расстоянии менее трёхсот метров от единственной песчаной бухты перед домом было задачей совершенно невыполнимой. Поэтому меня самого и мои пожитки погрузили в шлюпку — иного выхода не оставалось. Решение капитана проводить меня до берега следовало считать чистой любезностью. В его обязанности это не входило. Однако во время долгого путешествия между нами зародилась некая взаимная привязанность, какая порой возникает между мужчинами разных поколений. Его жизнь началась где-то в портовых районах Гамбурга, но потом он сумел получить датское подданство. Самыми примечательными в его внешности были глаза. Когда он смотрел на человека, весь остальной мир для него переставал существовать. Он классифицировал людей, словно энтомолог — насекомых, и оценивал ситуации с точностью эксперта. Из-за этого некоторые считали его жестоким. Мне же кажется, что внешняя суровость была его способом проводить в жизнь те идеалы терпимости, которые он тщательно скрывал в тайниках своей души. Этот человек никогда бы не признался открыто в своей любви к ближнему, но именно ею были продиктованы все его действия. Со мной он всегда обращался с любезностью палача, исполняющего чужой приказ. Он был готов сделать для меня всё, что было в его силах. Но кто я для него, в конце концов? Человек, которому до зрелости оставался путь длиннее того, что отделял его от юности, получивший направление на крошечный остров, открытый жестоким полярным ветрам. Мне предстояло провести там двенадцать месяцев в одиночестве, вдали от цивилизации, выполняя однообразную и столь же незначительную работу: отмечать силу ветра

и фиксировать, с какой частотой он дует в том или ином направлении. Эта служба была регламентирована международными договорами в области мореплавания. Естественно, за такую работу хорошо платили. Однако никто не согласился бы жить в такой дали ради денег. Капитан, я и восемь моряков на четырёх шлюпках подплыли к берегу. Морякам пришлось довольно долго потрудиться, выгружая провизию на целый год, а кроме того, сундуки и тюки с моими вещами. Множество книг. Я предполагал, что у меня будет достаточно свободного времени, и теперь хотел заняться чтением, на которое в последние годы у меня совершенно не оставалось времени. Капитан понял, что разгрузка затягивается, и сказал: «Ну, пошли». Итак, мы двинулись вперёд по песчаному берегу. Тропинка, поднимавшаяся вверх, вела к дому. Предыдущий его жилец потрудился сделать вдоль тропинки перила. Куски дерева, которые море отполировало и, наигравшись, выбросило на берег, были в беспорядке воткнуты в землю. Может, кому-то покажется невероятным, но именно эти перила заставили меня впервые задуматься о человеке, которого предстояло сменить. Это был некий конкретный человек, след воздействия которого на природу сейчас возник перед моими глазами, каким бы незначительным он ни был. Я так подумал о нём, а вслух сказал:

— Странно, что метеоролог нас не встретил. Он должен быть без ума от радости, что приехала смена.

Как это часто случалось во время моего общения с капитаном, едва я произнёс эти слова, мне стало ясно, что говорить их было бессмысленно: он уже знал, что я ему скажу. Мы стояли прямо перед домом. Коническая крыша, покрытая шифером, стены из красного кирпича. Сооружение не отличалось красотой и не вписывалось в пейзаж острова. Где-нибудь в Альпах его можно было принять за приют в горах, скит в лесу или таможенный пост.

Капитан застыл на месте с минутой, которая показалась мне вечностью, с видом человека, чующего опасность. Я стоял рядом и ждал его решений. Рассветный ветер теребил ветки деревьев, которые росли по углам дома и напоминали канадские дубы. Ветер был не слишком холодным, но неприятным. Какая-то странная тревога повисла в воздухе, хотя ничто не говорило об опасности. Пожалуй, нас тревожило не столько то, что открылось перед нашими глазами, сколько то, чего мы не могли увидеть. Куда запропастился метеоролог? Может, он занят своей работой где-то неподалёку? Или отправился на прогулку? Постепенно я стал замечать недобрые предзнаменования. Окна дома небольшие, квадратные, с толстыми стёклами. Деревянные ставни открыты. Они хлопали. Это мне не понравилось. Похоже, вокруг дома, прямо под окнами, когда-то был разбит сад. Его граница отмечена камнями, наполовину закопанными в землю. Растений почти нет, словно по саду прошло стадо слонов, вытоптав их. Капитан сделал привычный жест: поднял подбородок вверх, словно воротничок синего мундира вдруг стал ему немного тесен. Потом толкнул дверь. Она открылась со скрипом. Если бы двери могли говорить, этот скрип означал бы: «Проходите, коль вам угодно, я не отвечаю за последствия». И мы вошли.

То, что мы увидели, было похоже на записи в дневнике исследователя Африки. Казалось, домом овладели полчища тропических термитов, которые сожрали всё живое и перепортили все вещи. Крупные предметы мебели остались нетронутыми. Это была картина не столько разрушения, сколько запустения. Дом состоял из одной-единственной комнаты. Кровать. Возле очага кучка дров. Стол перевернут. Кухонная утварь словно испарилась — сам не знаю, почему этот факт показался мне исполненным глубочайшей тайны. Никаких личных вещей моего предшественника тоже не было видно, исчезли и метеорологические приборы. Но этот разор показался мне скорее результатом какого-то странного помешательства, нежели стихийного бедствия. И хотя дом представлял собой весьма грустное зрелище, там можно было жить. Шум волн явственно доносился до нашего слуха.

— Куда поставить вещи господина инспектора ветров и облаков? — спросил подошедший сенегалец Соу. Морякам удалось наконец перенести багаж с берега к дому.

— Вот сюда, или поставьте здесь, всё равно, — сказал я решительно, чтобы не показать, что его голос, прозвучавший так неожиданно, заставил меня вздрогнуть.

Капитан сорвал на моряках раздражение, которое вызывала у него ситуация:

— Будьте добры, Соу, пусть ребята наведут порядок в этом бедламе.

Пока команда трудилась, расставляя сундуки и вещи на свои места, капитан предложил мне пройти до маяка.

— Может быть, мы найдём вашего предшественника там, — сказал он мне, когда моряки остались далеко позади.

По имевшимся у него сведениям, на маяке тоже кто-то должен был жить. Он не помнил точно, кому принадлежало это сооружение — голландцам, французам или кому-то ещё, но у него был хозяин. Служитель маяка соседствовал с метеорологом, а потому было совсем нетрудно предположить, что они могли в подобных обстоятельствах стать приятелями. Однако это было скорее умозаключение, чем надежда. Такое предположение могло помочь нам найти метеоролога, но никак не объясняло состояние дома. В любом случае, на маяк стоило сходить. Я помню, какое беспокойство владело мной, пока мы преодолевали это короткое расстояние. Конечно, в большой степени его можно было объяснить моим душевным состоянием в тот момент. Кроме того, лес, расстилавшийся перед нами, был совсем не похож на обычный. Тропинка вела прямо к маяку. Иногда она отклонялась, скрывая под коварным мхом ямки в земле или болотистую почву. Сразу за деревьями плескалось море, до нас доносилось его монотонное дыхание. Но хуже всего была как раз тишина. Или, точнее сказать, отсутствие звуков. Ни пения птиц, ни стрёкота насекомых. Множество стволов весьма значительного размера изогнулись под напором ветров. С корабля мне показалось, что лес был очень густым. Вид издали нередко обманчив, когда мы судим о плотности массы людей или растительности, но на этот раз впечатление оказалось верным. Деревья стояли так плотно друг к другу, что порой было невозможно определить, когда два ствола шли от одного и того же корня, а когда поднимались каждый сам по себе. Местами тропинку пересекали мелкие ручейки. Похоже, это была талая вода с горных ледников, а не та, что бьёт из ключей. Перешагнуть через них не стоило труда.

Верхушка маяка открылась нашим глазам неожиданно, вдруг появившись над кронами самых высоких деревьев. Тропинка обрывалась у края леса. Мы увидели голую гранитную скалу, на которой возвышалось сооружение. Океан окружал её с трёх сторон. Во время бурь волны, наверное, яростно бились о камни. Неизвестный строитель поработал здесь на совесть. Округлые, толстые стены, чтобы сдерживать натиск шторма; пять бойниц, как на средневековых башнях, открытых всем ветрам; узкий балкон с перилами, покрытыми ржавчиной; купол со шпилем наверху. Единственной непонятной деталью была странная надстройка на балконе. Брёвна и колья — многие с заострёнными концами — перекрещивались в воздухе. Строительные леса для ремонта фасада? У нас не хватило ни времени, ни желания, чтобы поразмышлять на эту тему.

— Э-ге-гей! — закричал капитан и постучал рукой по железной двери. Никакого ответа не последовало, но этого толчка оказалось достаточно, чтобы убедиться, что дверь оказалась не запертой. Она поражала своей массивностью. Железо толщиной в ладонь скрепляли несколько дюжин свинцовых заклёпок. Дверь была такой тяжёлой, что нам пришлось толкать её вдвоём, чтобы войти. Освещение внутри маяка показалось мне необычным. Дневной свет проникал через узкие проёмы в стенах, словно в старинном соборе. На стенах ещё сохранились следы побелки. Вплотную к каменной кладке располагалась винтовая лестница, которая вела наверх. Насколько мы могли понять, нижний этаж был отведён под склад, где хранились продукты и всякая утварь.

Капитан что-то проворчал себе под нос. Я не расслышал его слов. Он стал решительно подниматься по лестнице. Девяносто шесть ступеней отделяли каменный пол от деревянного настила верхнего этажа. Мы толкнули квадратную крышку люка и оказались внутри. Как мы и предполагали, там было устроено прекрасно оборудованное и тёплое жилище. Печка с коленчатой трубой занимала центральное место в этом круглом пространстве. Только с одной стороны его сферическая форма нарушалась перегородкой, с дверью посередине. Возможно, там была кухня. Ещё одна лестница вела на следующий этаж, где, скорее всего, находился механизм маяка. На этом, впрочем, гармония заканчивалась, потому как все предметы располагались в непостижимом уму порядке, не поддающемся никакой логике.

Вещи были аккуратно разложены на полу возле стен. Всё, что мы обычно расставляем на полках или столах, размещалось здесь ровным слоем. Поверх каждой коробки или ящика обязательно что-нибудь лежало. Например: на ящике с ботинками красовался большой кусок угля. Или вот ещё: цилиндрический бидон для керосина высотой в полметра, полный грязной одежды, сверху придавливала толстая доска. Ни кусок угля, ни доска не закрывали плотно ящик и бидон; во всяком случае, они не скрывали неприятного запаха, который исходил оттуда.

Можно было предположить, что хозяин всех этих вещей боялся, что они упорхнут, как птички, освободившись от земного притяжения, и поэтому придавливал свои сокровища тяжёлыми грузами.

И наконец, кровать. Она была старой, с тонкими железными прутьями над изголовьем. На ней под тремя толстыми одеялами лежал человек.

Вне всякого сомнения, мы его разбудили. Когда мы вошли, его глаза были открыты, но взгляд ничего не выражал. Он смотрел на нас не мигая. Одеяла, словно медвежья шкура, закрывали его до самого носа. Комната казалась чистой, чего нельзя было сказать о хозяине. Картина, открывшаяся перед нашими глазами, свидетельствовала одновременно о его незащищённости, неопрятности и звериных повадках. Под кроватью виднелся ночной горшок, до краёв полный остывшей мочи.

— Добрый день, техник морской сигнализации. Мы привезли сменщика для метеоролога, вашего соседа, — сказал капитан без всякого вступления, указав рукой в сторону дома. — Вы знаете, где его можно найти?

Слова капитана напомнили мне о том, что мы находимся в полутора километрах от бухты, где высадились на берег. Это расстояние показалось мне в тот миг длиннее, чем путь от берегов Европы до этого острова. А ещё я подумал о том, что капитан уедет, и очень скоро.

Рука, покрытая чёрными волосами, попыталась сделать какое-то неопределённое движение. Однако на полпути замерла. Неподвижность человека бесила капитана:

— Вы меня не понимаете? Вы не понимаете языка, на котором я говорю? Вы говорите по-французски? По-голландски?

Но единственным ответом этого субъекта был пристальный взгляд. Он даже не удосужился убрать с лица одеяло.

— Не испытывайте моего терпения! — зарычал капитан и погрозил ему кулаком. — Я выполняю важный коммерческий заказ. И мне нужно ехать дальше! По просьбе навигационной корпорации мне пришлось изменить курс, чтобы завезти сюда этого человека и забрать его предшественника. Вам это ясно? Но метеоролога, который должен быть сейчас на острове, на месте нет. Его нет. Вы можете сообщить мне, где его найти?

Смотритель маяка переводил взгляд с капитана на меня. И ничего не отвечал. Разъярённый, с покрасневшим лицом, капитан пригрозил:

— Я капитан и имею все полномочия, чтобы отдать вас под суд за сокрытие информации, необходимой для охраны имущества и людей! Я в последний раз спрашиваю: где тот метеоролог, который был направлен на остров?

— К сожалению, я не могу ответить на ваш вопрос.

На миг установилась тишина. Мы уже было отчаялись найти способ общения с этим человеком, как он вдруг поразил нас своим акцентом австрийского артиллериста. Капитан, немного успокоившись, сказал более мягко:

— Что ж, это уже лучше. Почему вы не можете мне ответить? Вы поддерживаете связь с метеорологом? Когда вы его видели в последний раз?

Однако субъект снова молчал.

— Встать смирно! — вдруг приказал капитан.

Человек неспешно повиновался. Он откинул одеяло и опустил ноги с кровати. Его мускулистое тело говорило о завидной силе, а движения наводили на мысль о дубе, который оторвался от своих корней, чтобы сделать первые шаги. Человек уселся на кровати и уставился в пол. Он был совершенно голым. И совсем не смущался своей наготы. Однако капитан отвёл взгляд, движимый стыдливостью, которая была чужда смотрителю маяка. Грудь его покрывал плотный ковер волос, которые затем поднимались к плечам подобно дикой растительности. К югу от пупка чаша волос превращалась в настоящие джунгли. Я увидел его член, который, даже невозбуждённый, поражал своими гигантскими размерами. Меня удивило то, что его также покрывали волосы, спускавшиеся почти до крайней плоти. Куда ты пялишься, сказал я себе и перевёл взгляд на лицо смотрителя. Борода древнего столпника, страшно растрёпанная. Похоже, он был из породы людей с густой шевелюрой: волосы у него начинали расти в каких-нибудь двух сантиметрах над бровями, весьма кустистыми. Он восседал на матрасе, положив руки на колени и оттопырив локти. Глаза и нос, концентрируясь на середине лица, оставляли обширное пространство для щёк и монгольских скул. Казалось, наш допрос его совершенно не беспокоил. Я не мог понять, чем было вызвано это поведение: самообладанием или

сонливостью. Однако, присмотревшись, нашёл на его лице след внутреннего напряжения: он делал едва заметные движения губами, как летучая мышь. Это позволило мне разглядеть редкие зубы. Капитан присел на корточки так, что его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от уха зрителя:

— Вы что, сошли с ума? Вы отдаёте себе отчёт в своих действиях? Вы саботируете выполнение международных договорённостей! Как вас зовут?

Человек взглянул на капитана:

— Кого?

— Вас! Я с вами разговариваю! Как ваше имя?

— Батис. Батис Кафф.

Капитан произнёс, чеканя каждое слово:

— Я в последний раз спрашиваю вас, техник морской сигнализации Кафф: где метеоролог?

Человек отвёл взгляд в сторону и после некоторой заминки сказал:

— На ваш вопрос невозможно ответить.

— Он сумасшедший, решительно сумасшедший. — Капитан встал и принялся ходить по комнате взад и вперёд, как тигр в клетке. Не обращая внимания на хозяина, он перебирал вещи с видом сыщика. Когда он зашёл за перегородку, я заметил на полу у кровати книгу. Она была придавлена камнем. Я полистал её и сказал, чтобы сменить тему разговора:

— Мне знакомо это произведение доктора Фрейзера, хотя окончательного мнения так и не сложилось. Не знаю, как оценить «Золотую ветвь»: как чудо человеческого гения или как великолепную пустышку.

— Эта книга не моя, и я не читал её.

Какая странная логика. Он произнёс это так, словно между этими двумя фактами непременно должна была существовать связь. Как бы то ни было, за высказыванием больше ничего не последовало. Мне не удалось разговорить его. Он смотрел на меня с видом сонного приведения, и даже его руки, лежавшие на коленях, не сдвинулись с места.

— Оставьте его в покое! — вмешался капитан, потеряв к нему всякий интерес. — Этот субъект не читал даже устава своей службы. Он мне действует на нервы.

Нам не оставалось ничего другого, как вернуться в дом метеоролога. На полпути капитан вдруг остановился и взял меня за рукав:

— Ближайшая к острову земля — это остров Буве, на который претендуют норвеги; он находится в шестистах морских милях к юго-западу отсюда. — Он помолчал, на мгновение задумавшись, потом продолжил: — Вы уверены, что хотите здесь остаться? Мне это место не нравится. Клочок земли, затерянный в океане, куда редко заходят корабли, — на той же широте, что пустыни Патагонии. Я смогу доказать любой административной комиссии, что ваше место службы не располагало даже минимальными условиями для жизни. Никто вас ни в чём не будет обвинять. Даю вам честное слово.

Мне следовало уехать? Принимая во внимание всё увиденное, — наверное, да. Но в подобных случаях человек порой следует доводам, скрытым от других людей. В тот момент мне не хотелось выглядеть смешным: не для того же я пересёк полмира, чтобы, едва добравшись до цели своего путешествия, отправиться назад.

— Дом метеоролога вполне пригоден для жизни, провизии у меня на целый год, и я не вижу препятствий для выполнения своей работы. Что же до всего остального, то, скорее всего, мой предшественник погиб в результате какого-нибудь несчастного случая. А может быть, покончил с собой, кто знает. Не думаю, что человек, которого мы видели, имеет к этому какое-то отношение. Мне кажется, он представляет опасность лишь для себя самого. Его разум помутился от одиночества, а кроме того, он наверняка боится, что мы обвиним его в исчезновении моего предшественника. Его поведение объяснимо.

Я произнёс эти слова и сам поразился тому, как блестяще мне удалось связать все концы.

Однако при этом я не упомянул о двух вещах: о моих чувствах и предчувствиях. Капитан смотрел на меня глазами змеи, которая гипнотизирует свою жертву. Он слегка покачивался, переступая с ноги на ногу, заложив руки за спину.

— Не волнуйтесь за меня, — продолжал настаивать я.

— Вас привело сюда отчаяние, в этом нет сомнения, — заключил он.

Я с минуту поколебался и ответил ему:

— Кто знает.

На что он сказал:

— Разумеется, вам кто-то причинил боль, и потому вы здесь.

Он развёл руками, как фокусник, демонстрирующий публике, что они пусты; это был жест игрока, который отказывается продолжать партию. Он как бы говорил мне: я сделал всё, что мог.

Мы вернулись в бухту. Восемь моряков с нетерпением ждали приказа вернуться на корабль. Они кожей чувствовали неладное и нервничали без всякой видимой причины. Сенегалец Соу ободряюще похлопал меня по плечу. У него была огромная лысина и необычайной белизны борода. Он подмигнул мне и сказал:

— Не обращай внимания на этих ребят. Они на корабле недавно, а раньше жили на равнинах Шотландии. Кактус Юкатана знает больше морских историй и легенд, чем они. Посмотри, они даже не белые люди, у них красные лица. Всем давно известно, что эта раса живёт, подчиняясь суевериям таверн. Ешь с аппетитом, работай не покладая рук, смотри почаще в зеркало, чтобы не забыть своё лицо, говори вслух сам с собой, чтобы не потерять дар речи, и занимай голову простыми задачами. И всё будет хорошо. В самом деле, что такое один год жизни в сравнении с бесконечным терпением Господа?

Потом они сели в шлюпки и взялись за вёсла. В их взглядах, обращённых на меня, смешалось сострадание и изумление. Они смотрели на меня, как дети, которые впервые в жизни видят страуса, или как мирные граждане, взирающие на повозки с ранеными солдатами. Корабль удалялся со скоростью телеги. Я смотрел на него не отрываясь, пока он не превратился в точку на горизонте. С его исчезновением пришло ощущение невозможной потери. Я почувствовал, как некое подобие железного кольца сжимает мой череп. Было ли это знаком мирской печали, нетерпения, какое испытывают приговорённые к смерти, или обыкновенного страха, я так и не понял.

Ещё некоторое время я постоял на берегу. Бухту, в форме чётко очерченного полумесяца, справа и слева окружали камни вулканического происхождения. У них были острые грани и верхушки, тут и там виднелись дыры, как в зрелом сыре, они казались значительно тяжелее и массивнее, чем были на самом деле. Песок напоминал золу, которая остаётся после курения благовоний, — он был серый и плотный. Маленькие круглые дырочки в нём указывали, где спрятались рачки. Ударяясь о камни, волны бессильно выплёскивались на берег; тонкая плёнка белой пены отмечала границу между морем и землёй. Отливы оставили в песке несколько дюжин отполированных кусков дерева. Были среди них и корни давно умерших деревьев. Морские волны обработали древесину с тщательностью скульптора, сотворив произведения, поражавшие странной красотой. Небо тут и там было окрашено грустными тонами чёрного серебра, местами даже темнее — цвета почерневших старых доспехов. Солнце напоминало маленький апельсин, подвешенный среди вечных облаков, которые нехотя пропустили его лучи. В этих широтах ему не суждено было оказаться в зените. Впрочем, нарисованной мной картине не следует верить. Такой её увидел я. Пейзаж, который видит перед собой человек, обычно является отражением мира, который скрывается в его душе.

2

Бывают моменты, когда человек пытается заключить договор о будущем со своим прошлым. Он уединяется на скале вдаль от чужих глаз в попытке установить связь между сражениями прошлого и крошечной тьмой будущего. В этом смысле я надеялся на то, что время, удалённость от всего мира и возможность задуматься о жизни сотворят чудо. Именно это желание, и только оно, привело меня на остров.

На протяжении остатка того утра, столь далёкого от реальности, я распаковывал баулы, разбирая вещи, расставляя их по местам с тщательностью монаха какого-нибудь светского ордена. В самом деле, разве моя жизнь на острове была чем-либо иным, чем опытом отшельничества? Большая часть книг уместилась на полках, которые достались мне в наследство от предшественника, никаких сведений о котором так и не удалось получить. Затем я принялся выгружать муку, банки консервов, тушёнку, ампулы с обезболивающим средством, тысячи таблеток витамина С, столь необходимого для борьбы с цингой; инструменты для

замеров, которые, к счастью, не повредились при перевозке, журналы для регистрации температуры, два ртутных барометра, три модулятора и аптечку с полным набором лекарств на все случаи жизни. Что касается всякого рода неожиданностей, то, пожалуй, стоит упомянуть о находках из баула 22-Е, где я хранил всевозможные письма и ходатайства.

По ним можно было судить об усилиях, затраченных различными общественными организациями и научными центрами.

Пользуясь моим пребыванием в столь суровых условиях, группа учёных из Киевского университета поручала мне провести опыт в области биологии. По каким-то причинам, суть которых мне не удалось уяснить, географическое положение острова создавало идеальные условия для размножения мелких грызунов. Мне предлагалось разводить карликовых длинношёрстных кроликов сибирской породы, прекрасно приспособленных к этому климату. Если бы эксперимент удался, то корабли, заходившие на остров, могли бы пополнять запасы свежего мяса. Для выполнения задачи я имел в своём распоряжении две книги с огромным количеством схем и рисунков, которые содержали руководство по уходу за длинношёрстыми кроликами. У меня не было с собой ни клетки, ни кроликов — ни длинношёрстных, ни короткошёрстных. Однако я вспомнил, как усмехался корабельный кок всякий раз, когда мы с капитаном выражали своё восхищение, попробовав приготовленное им рагу, которое значилось в меню под названием «Русский кролик под киевским соусом».

Берлинское географическое общество снабдило меня пятнадцатью банками с формалином. В соответствии с прилагаемыми инструкциями мне поручалось заполнить их «автохтонными насекомыми, представляющими большой интерес, но исключительно в том случае, если они будут принадлежать к видам *Hidrometridae Halobates* и *Chironomidae Pontomyia*, которые обитают в водоёмах». С истинно немецкой аккуратностью журнал для заметок был защищён непромокаемым шёлком. На случай если мои лингвистические познания не слишком обширны, текст инструкций прилагался на восьми языках, в том числе на финском и турецком. Строгим готическим шрифтом меня предупреждали о том, что банки с формалином являются собственностью немецкого государства и что «частичное повреждение или полное уничтожение одной или нескольких банок» послужат причиной соответствующих административных санкций. Я испытал большое облегчение, когда обнаружил примечание, составленное в последний момент, которое гласило, что меня, как добровольного научного сотрудника, избавляют от подобной ответственности. Очень любезно с их стороны. К несчастью, ни в одном разделе инструкций не было разъяснено, как выглядят эти *Hidrometridae Halobates* и *Chironomidae Pontomyia*, а также являются они бабочками или жуками. Не уточнялось также, какие из них представляли интерес и почему.

Вдобавок ко всему одно торговое предприятие из Лиона, сотрудничающее с верфью, просило меня оказать им помощь в качестве золотоискателя. К письму прилагался небольшой аппарат для поиска и анализа, а также инструкции к нему. В случае обнаружения золотой жилы с чистой элемента, превышающей шестьдесят пять процентов, — и исключительно в этом случае, — мне поручалось сообщить об открытии «в кратчайшие сроки и конфиденциально». Само собой разумеется. Если мне удастся найти месторождение золота, я незамедлительно отправлюсь в их офис в Лионе, чтобы предприятие оформило свои права на владение им.

Наконец, один католический миссионер в своём письме, написанном витиеватым каллиграфическим почерком, просил меня, чтобы я заполнил «с величайшей тщательностью и терпением святого» анкеты, на вопросы которых должны были отвечать аборигены. «Если принцы племени банту, проживающего на острове, окажутся очень робкими, не отчаивайтесь, — советовал он мне. — Учите их на своём примере и молитесь коленапреклонённо. Это наставит их на путь истинный». Вне всякого сомнения, миссионер не располагал точными сведениями о месте моей службы: вряд ли мне удастся обнаружить здесь какое-нибудь государство банту, будь то королевство или республика. Когда мне осталось распаковать лишь два ящика, я неожиданно наткнулся на этот конверт, их письмо.

Мне бы хотелось сказать здесь, что я разорвал его, не читая. Но не смог этого сделать. Спустя несколько дней я восстановил в памяти последовательность событий. Зачем я вспоминал об этом? Потому что дурацкое письмо взбесило меня настолько, что я не распаковал два последних ящика. Я не узнал, что в них было, и это впоследствии едва не стоило мне жизни. Письмо от моих бывших товарищей по борьбе. Самым отвратительным являлось то, что оно не содержало ничего конкретного. Его авторы позаботились о том, чтобы в нём не было ни

искажений реальности, ни ненужных оскорблений. Они не хотели давать мне повод возненавидеть их, не понимая, что именно это возбуждает во мне ненависть. Больше всего меня вывели из себя их тонкие намёки о необходимости молчания. Они были бы огорчены, если бы в будущем я начал действовать против них теми же методами, которые использовал в прошлом на их стороне. Они, как всегда, подчёркивали своё сожаление по поводу того, что я оставил их ряды, и даже предлагали возможность реабилитации, если я решу вернуться домой. Они и вправду считали причиной моего отказа неутолённые личные амбиции! Естественно, я послал их ко всем чертям со своего острова, удалённого от них на девять тысяч километров. Однако законченным идиотом себя считать не хотелось. Даже в крайнем раздражении я понимал, что проклинал не каких-то конкретных людей, а свои чувства по отношению к прошлому. Я был узником своей памяти, а не этого крошечного острова. Если судьба привела меня сюда, то виной всему было моё участие в политическом движении, которое по странному стечению обстоятельств началось с одного письма, а сейчас заканчивалось другим.

Самые везучие ирландские сироты получали образование в школе Блэкторна, Англичане считали, что они представляли потенциальную опасность и легко могли стать пушечным мясом для повстанцев. Миссия Блэкторна состояла в том, чтобы превратить нас в безопасных и покорных пролетариев. Лучше всего, в моряков. Эта профессия была особенно подходящей, потому что таким образом люди, попавшие под подозрение в неблагонадёжности ещё в момент своего рождения, посылались в открытое море, в ряды английского флота, который представлял собой плавучую тюрьму. Мне тоже была уготована такая судьба, и я превратился в техника морской логистики, заурядного ТМЛ. Правда, мне присваивался первый разряд, согласно диплому, выданному её милосердным величеством. Педагоги Блэкторна, надо отдать им должное, были неплохими специалистами. Они научили нас основам океанографии и метеорологии. А ещё — способам связи. Это было единственным преимуществом английской оккупации: я мог тысячу раз заявлять о своей католической вере, но предпочитал азбуку Морзе латинскому языку. Однако английское высокомерие переходило все границы. Англичане воображают, что могут обращаться с обитателями своих колоний, как с паршивыми псами. И в дополнение к этому требуют верности от псов, которым кидают объедки со своего стола. Они хотели бы, чтобы мы служили на их кораблях, в то время как Ирландия шла бы ко дну. Они бы желали, чтобы мы следили за состоянием атмосферы, в то время как сами отнимали бы у нас наш воздух и нашу землю. Им не приходило в голову, что мы можем восстать против них. Два раза в неделю я ездил из Блэкторна в соседний город, где записался на курсы гельского языка. По правде говоря, сами уроки меня мало интересовали. Они были лишь поводом для того, чтобы выйти на контакт с республиканцами. Мне не никогда не удалось продвинуться далее первых букв. Вместе со мной на курсы ходил паренёк по имени Том. Он страдал неизлечимой болезнью, что, впрочем, не мешало ему быть обладателем самого весёлого характера в школе.

— Из всех чахоточных я самый главный патриот Ирландии, — любил говорить он. И смеялся. На наших куртках была вышита эмблема школы. Мы ездили на велосипедах и выглядели именно так, как должны были выглядеть двое бедных сирот, обучающихся в Блэкторне, которые направлялись на занятия фольклорного кружка. Иногда нас останавливали солдаты, которые нарушали спокойный тон зелёного пейзажа пятнами гусяного помёта своих униформ. Я очень хорошо запомнил одного сержанта с бычьими глазами.

— Стой! По порядку рассчитайсь! Сколько вас, вонючих ирландцев? — вопрошал он, словно не умел считать до двух.

— Мы едем одни, — всегда отвечал ему Том.

Они рыскали в наших рюкзаках, перелистывали тетради для занятий гельским, заставляли нас снять шерстяные шапки, и даже ботинки и необычайно длинные гольфы. И никогда ничего не находили. Но кто-то, наверное, нас выдал. Однажды, когда мы встретились с патрулём, я учуял что-то неладное. Кроме солдат и сержанта с бычьими глазами там был английский офицер. Прямой, как столб, с серыми прозрачными глазами и шёлком в голосе, скрывавшим жестокость права. Одним словом, такой же, как все английские офицеры.

— Стой! По порядку рассчитайсь! Сколько вас, вонючих ирландцев? — повторил свой всегдашний вопрос сержант.

— Мы едем одни, — сказал Том.

— Нет, — сказал офицер. — Есть ещё ваши велосипеды.

Они их тут же разобрали. Внутри полой рамы моего велосипеда нашли письмо. Записку, которую посылали своим товарищам республиканцы, чтобы отменить назначенную ранее подпольную встречу. Этого было достаточно.

На суде был разыгран настоящий спектакль. Белые парики, пурпурная бархатная мантия судьи, трибуна из красного дерева — и вся эта роскошь ради двух мальчишек. Ради того, чтобы снять с судей моральную ответственность за выносимые ими приговоры. Мне здорово повезло, хотя это и было несправедливо. Адвокат, которого наняла школа Блэкторна, построил свою защиту на том, что велосипедов было два, а записка только одна. Таким образом, один из обвиняемых невиновен, вне всякого сомнения. Выбранная им линия защиты являлась, скорее, просьбой о помиловании, дверцей, открытой для благосклонности судьи. И она возымела некоторое действие. В то время Блэкторн считался образцовым коллаборационистским учреждением. Никому не хотелось наносить ущерб его престижу, вынося приговор двоим ученикам. В конце концов, от меня потребовалось только публичное покаяние; судья спросил, каково моё мнение о судьбе Ирландии. Задав вопрос в такой форме, он толкал меня на путь отступничества.

— Я абсолютно убеждён, что Ирландию и Англию до скончания веков будут связывать единые линии избар.

— Вот видите, господин судья. — Адвокату пришлось прибегнуть к импровизации. — Прекрасный ученик Блэкторна, будущий техник морской логистики. Мы не можем допустить, чтобы заблуждения юности прервали его прекрасную карьеру.

Том был непреклонен:

— Я думаю, господин судья, что даже линии избар не могут способствовать присоединению Ирландии к Англии.

Адвокату не оставалось ничего другого, как тщетно настаивать на болезни Тома. Меня приговорили к штрафу, что было чисто формальным наказанием. Тома приговорили к двум годам тюремного заключения в тюрьме Дебурга, где у него обострилось заболевание лёгких, и он погиб. Так ведут себя все тираны цивилизованных стран. Сначала двум праведникам угрожают костром, но потом одного из них вдруг освобождают, симулируя снисхождение, вовсе им не присущее. Я запомнил на всю жизнь, как вёл себя Том на процессе. Он заявил, что велосипед принадлежал ему. Соответственно, он взял вину на себя. Он знал, что погибнет в тюрьме, и после суда набросился на меня. Почему? Потому что своим идиотским ответом я мог вызвать гнев судьи и в этом случае его жертвоприношение оказалось бы напрасным.

— Я самый чахоточный из всех патриотов Ирландии, — заявил он за день до суда, слегка изменив свою коронную фразу. Из-за его хронической болезни я был полезнее для нашего общего дела. Это эмпирическое заключение не могло подвергаться обсуждению. Его тело являлось лишь частью передовой линии фронта, а потому его можно было принести в жертву. Том, как многие другие, считал свою судьбу подобием винтовки; задача состояла лишь в том, чтобы выстрелить прицельно. А в наше время великодушные тоже служило пулей. Я вспоминаю об этих событиях сейчас, по прошествии времени, и вижу двух щенков, у которых ещё слезятся глаза. Но настоящие борцы за идею всегда несколько инфантильны. Нам было по девятнадцать лет.

В год окончания школы Блэкторна я ещё не достиг совершеннолетия, и мне назначили гражданского опекуна. Обычно опекунами становились люди бедные, заинтересованные только в том небольшом пособии, которое выплачивала администрация в обмен на угол для сирот — до того момента, когда те смогут самостоятельно существовать. Судьба улыбнулась мне и на этот раз. Я, безусловно, начал бы самостоятельную жизнь с дипломом ТМЛ, но без моего опекуна я навсегда остался бы тем, кем был по окончании школы, — выпускником Блэкторна. Это была весьма своеобразная личность: франкмасон, астроном, хороший переводчик с русского языка и отвратительный поэт. С первого же дня он почувал мой непокорный характер и прилагал все усилия к тому, чтобы мне не пришлось в голову в один прекрасный день вступить в ряды республиканской армии. Можно ли назвать его коллаборационистом? Отнюдь. Этот человек был из тех патриотов, которые не хотели выдать себя, для которых насилие является чем-то вроде богохульства в светском обществе.

Он запретил мне искать работу до того, как я завершу образование по программе, которую он собственноручно составил. Среди упражнений, которые мне предлагались, были просто странные и весьма странные. В качестве тем сочинения встречались, например, такие: «Основы человеческой глупости, которые объясняют политическую власть императоров, царей, кайзеров

и британского парламентаризма», или «Приведите шесть доводов, в соответствии с которыми бельгийцы недостойны иметь государство, и шесть доводов в пользу создания государства в Квебеке, а затем наоборот», или «Сравните историю империи Мономотапа с каштаном». Однако он никогда напрямую не говорил об Ирландии.

Далеко не все задания были письменными, большинство из них были практическими. Одно из них, например, состояло в том, чтобы просидеть ровно шесть минут и тридцать секунд посреди зелёного луга. На протяжении этого времени я должен был записать все формы жизни внутри небольшого прямоугольника, обозначенного при помощи верёвочек и тесёмочек. Вначале я не замечал ничего кроме травы, но постепенно перед моими глазами возникало неисчислимо множество ползучих, летучих и подземных насекомых. Жизнь кипела повсюду, и ветер тоже был живым, и всё сущее образовывало сложное единство, которое невозможно было описать словами. Вот слова, произнесённые моим опекуном в тот день: «У вас было шесть минут и тридцать секунд, представьте себе тридцать первую секунду и напишите сочинение на тему: „Элементы наблюдаемого прямоугольника, лишённые смысла“. Он никогда не ставил мне „неудовлетворительно“, но, если результат его не устраивал, просто заставлял меня повторить задание. Однако в случае необходимости это могло повторяться до бесконечности. Сочинение стоило мне трёх месяцев размышлений. Я переписывал и переписывал его, пока, наконец, в один прекрасный день не написал лаконичную фразу: „Единственным лишённым всякого смысла элементом является сам прямоугольник“.

Потом наступил черёд сорняков в прямоугольнике. Мне надлежало тщательно прополоть его. Наставник велел отделить сорняки от полезных растений. Поскольку я совсем не разбираюсь в травах, мне приходилось рыться в энциклопедиях всякий раз, перед тем как вырвать какую-нибудь из них. „Это не сорняки, — говорил он мне об одних травах, — из их листьев можно заваривать чай. И это тоже не сорняк, — защищал он дикую спаржу, — её можно употреблять в пищу, более того, это деликатес. И та трава тоже не бесполезна: как можно записывать её в сорняки, если в мае она расцветает прекрасными белыми цветами?“

Наконец, осталось только одно растение. Толку от него не было, никакими тайными свойствами оно не обладало. Его тёмные колючие листья содержали ядовитый сок, твёрдый ствол был некрасив. Мой наставник размышлял: „Хорошо, это растение ни на что не пригодно, но если мы вырвем его, будет ли смысл во всех остальных травах?“ — „Они потеряют свой смысл“, — сказал я. — „И к какому же выводу вы пришли?“ — „Что сорной травы не бывает“. — „Можете считать, что вы выполнили задание“.

Другое задание: следить за любым человеком, по своему выбору, в течение двух дней, записывая всё: каждое его слово, мнение, движение, действие, секреты и так далее. Из детского озорства я выбрал объектом его самого, и он не возражал. Затем он потребовал, чтобы я данную личность оценил критически. Я сказал, что если хорошо знаешь какого-то человека, то не можешь судить его. „Можете считать, что вы справились с этим упражнением“, — был его ответ.

Но главный урок, который он мне преподавал, состоял в следующем. В нашем мире можно действовать только в двух направлениях: двигаясь вперёд, к жизни, или назад, к смерти. Самый непросвещённый угольщик мог избрать путь жизни, а какой-нибудь литературный гений, озабоченный судьбами страны и эпохи, — путь смерти. Положение в обществе не имеет значения. Я помню, мой опекун умер через три дня после моего гражданского совершеннолетия. Он простился со мной на смертном одре со спокойствием человека, оставляющего начатое дело в надёжных руках, и говорил о болезни, которая сжигала его, с точностью критика, который оценивает произведения искусства, созданные другими художниками.

„А теперь, друг мой, расскажите мне в двух словах, чем вы намерены заняться в будущем“, — завершил он свою речь.

„Как вы можете говорить об этом, когда умираете?“ — спросил я, заливаясь горькими слезами.

„А с чего вы взяли, что такие люди, как я, умирают?“ — резко ответил он мне.

В тот день мы оба вышли за порог нашего дома, чтобы больше никогда туда не вернуться.

В каком-то смысле все усилия моего наставника оказались тщетными. Книги, которые он рекомендовал прочесть, чтобы защитить меня от грубой реальности, равно как и упражнения, сделали ещё более чувствительной кожу, которая от природы была нежной. В этом не было его вины. Благодаря наставнику я стал другим — не тем юнцом, который только что оставил стены

Блэкторна. Но в Ирландии за это время ничего не изменилось, в этом он был бессилён. Есть ли какой-нибудь смысл в том, что наимудрейший из людей укажет вам путь к солнцу, когда кругом царит кромешная тьма? Вся его педагогика шла вразрез с жизнью. И я раскрыл свои объятия делу республики со всей страстью, которая досталась мне в наследство от Тома. Республиканское движение испытывало недостаток в мозгах, в то время как рук у него было в избытке. Несмотря на юный возраст, у меня было образование, а кроме того, весьма экстравагантная гуманистическая культура. Наши лидеры предпочли, чтобы я занимался логистикой, а не держал в руках оружие. Я всегда думал, что самые великие драмы создаются иронией судьбы: техник морской логистики Блэкторна, ТМЛ первого разряда, превратился в техника диверсионной логистики, ТДЛ, и, кстати, далеко не посредственного. Я весьма быстро внедрился в мир подполья. На протяжении следующих лет англичане не раз предлагали вознаграждение за любые сведения, которые помогли бы им меня арестовать. Сначала меня оценили в десять фунтов. Потом цена возросла до пятнадцати. Затем до тридцати пяти фунтов и пятнадцати шиллингов — скрупулёзная точность англичан при расчётах может доходить до совершенства — и, наконец, до сорока пяти. Досадно! Мне так и не удалось вступить в изысканное общество людей, чьи головы ценились дороже пятидесяти фунтов. Наверное, я не заслуживал этой чести. Я не был ни идеологом движения, ни генералом. Я служил всего лишь связующим звеном на полпути между руководителями движения и рядовыми бойцами, разбросанными по всей стране. Однако в то время моя работа была очень опасной. Иногда приходилось улепётывать с какой-нибудь фермы через окно сеновала за минуту до появления англичан. Однажды вечером нас даже пытались подстрелить. А потом преследовали всю ночь. Благополученны наши предки ирландцы, решившие когда-то в незапамятные времена построить каменные изгороди, покрывающие сётью весь остров. Мне не раз приходилось прятаться за ними или скрываться в их лабиринтах. Это хороший пример того, что в войнах участвуют как силы настоящего, так и давно минувшего.

Как истинные ирландцы, после каждого поражения мы с энтузиазмом принимались готовиться к новой борьбе. Подобная настойчивость термитов в конце концов подорвала силы неприятеля. Счастливым день наступил. В то утро, гуляя по улицам Дублина, я чувствовал на себе обычную гражданскую одежду, а не костюм, надетый для отвода глаз. Дело было не в одежде, а совсем в другом: я не испытывал страха. Англичане отступили.

Я сказал, что это был счастливый день, но он быстро кончился. Очень скоро перед моими глазами предстала безрадостная картина. Наши вожди правили страной с тем же деспотизмом, как и англичане. Понимание этого не рождается вдруг, его трудно принять, но мало-помалу человек приходит к такому заключению. В самом деле, в чём состояло различие между заседаниями в Букингемском дворце и совещаниями нового правительства? Оно правило с той же прагматичностью, на основании тех же деспотичных и бесчеловечных принципов, как это делал ранее любой английский генерал. Они занимались лишь тем, что поддерживали порядок, который мы так ненавидели. Ирландия для них была не целью жизни, а лишь способом достижения власти. Но здесь они наталкивались на серьёзное противоречие: судьба Тома, жертва Тома и всех других Томов.

Нашей родиной было не географическое понятие, а мечта о будущем. Мы были патриотами, но отнюдь не считали, что мужчины и женщины Ирландии превосходят во всём мужчин и женщин Англии. Или что ирландская картошка вкуснее английской. Вовсе нет. Извращённости английской империи мы противопоставляли безграничное великодушие. Вражеские солдаты были лишь человеческими пулями, направляемыми самыми тёмными интересами на Земле. Нами же двигала наивысшая идея свободы. Поэтому изгнание англичан виделось нами как начало иного, нового мира, в котором было больше равенства и внимания к людям. Руководители новой Ирландии, однако, ограничились тем, что заменили имена оккупантов на свои собственные. Гнёт изменил свою окраску, только и всего. Это было подобно непотребному бреду: англичане ещё не закончили вывод оккупационных войск из Ирландии, а новое правительство уже расстреливало своих бывших товарищей.

Как могло произойти, спрашивал я себя, что после десятилетий, даже веков борьбы против Англии мы воспользовались первыми глотками свободы для того, чтобы убивать друг друга? Где таится невероятная способность людей предавать основополагающие жизненные принципы? Я отказался от незначительной должности в новой администрации. Не затем я сражался с могущественным аппаратом Британской империи, чтобы заменить его уменьшенной

копией. Записаться в ряды новых подпольщиков я тоже не желал. Гражданская война не может быть целью, это кошмар. Кажется невероятным, но за год, который прошёл с момента вывода английских войск, погибло больше ирландцев, чем за всю войну.

Никому не пришло в голову наслаждаться миром — ни новому правительству, ни старым борцам за свободу. Неожиданно для меня все те, за кого я ещё недавно, не раздумывая, отдал бы жизнь, стали совершенно чужими людьми. Раньше люди прятали оружие, а они скрывались за ним. Самым невыносимым было осознание того огромного расстояния, которое отделяло меня от тех, кого я считал близкими мне людьми. Я не мог их ненавидеть. Я просто не мог их понять. Как будто со мной говорили инопланетяне. Моя родина раньше мне не принадлежала. Но и теперь, когда она могла стать моей, я чувствовал себя иностранцем. Однажды бессонной ночью я вспомнил Тома. Как бы он поступил? Что бы думал? Продолжил бы борьбу или стал сотрудничать с новым правительством? Я думал до самого утра, но пришёл к единственному заключению: Тома нет, он мёртв.

Я не покинул ряды борцов за общее дело — можно сказать, что это общее дело покинуло меня. Внутри будто умерло что-то, гораздо большее, чем вера. Я потерял все значения слова „надежда“. В самом деле: история Ирландии всегда была историей её борьбы, справедливейшей борьбы. И если в Ирландии, где всё было так ясно, эта борьба закончилась крахом, надежды на победу в любых других обстоятельствах не оставалось. Всё говорило о том, что люди — рабы какой-то скрытой закономерности, которая заставляет всё возвращаться на круги своя. Передо мной возник вопрос: хочу ли я оставаться в этом мире, где постоянно воспроизводимое насилие делает страдания людей вечными? Я ответил сам себе: я не хочу больше жить ни в какой точке этого мира, а потому решил бежать туда, где нет людей. Сейчас я бежал не от меча правосудия. Я бежал от чего-то более грозного, гораздо более грозного.

* * *

Из Ирландии я перебрался на континент. Я не знал точно, куда ехал, — знал только, откуда бежал. Из Франции я перебрался в Бельгию, оттуда — в Голландию, туманно представляя себя вечно странствующим по свету, не зная, куда и зачем я еду. Никогда бы не подумал, что мой диплом ТМЛ мог мне пригодиться.

В Амстердаме находился центральный офис международной навигационной корпорации. В то время они набирали специалистов для работы в самых разных уголках земного шара. Я записался в длиннющий список, но благодаря моему диплому, а также отсутствию других кандидатов, ждать пришлось недолго.

Набором персонала занимался голландец, на красных щеках которого просвечивала сеточка лиловатых сосудов. Им требовалось срочно найти человека на место метеоролога. Куда надо ехать? Поначалу он уклонялся от ответа. Постепенно я понял, что мне не нужно доказывать свою пригодность — мой собеседник прилагал все усилия к тому, чтобы я кнонул и согласился. В конце беседы он ткнул в карту своим розовым ногтем с глубокой ровной лункой. Мне подумалось, что ноготь заблудился: я не видел ничего, никакой нарисованной суши, никакого, даже самого маленького, пятнышка. Между тем это была самая подробная карта Южной Атлантики, какая у них имелась. Я присмотрелся получше. Остров находился в точке пересечения координат, поэтому мне не сразу удалось разглядеть его: он был так мал, что совершенно не был виден за нанесёнными тушью линиями широты и долготы.

— Много ли сотрудников живёт на острове? — спросил я.

— Вам придётся поскучать, — ответил собеседник.

Я потребовал только одного: чтобы моё имя не фигурировало ни в каких списках. Он согласился раньше, чем я успел закончить фразу. Увидев мою подпись под контрактом, он не смог скрыть радости. Он воображал, что ему удалось меня провести.

Прочитав письмо, я оставил затею распаковывать ящики. Силы покинули меня. Я опустил на деревянный табурет, будто пробежал много километров. Что мне было делать? Я подумал, что сейчас неподходящее время для уныния. С грустью нельзя справиться, сидя на одном месте, а

потому решил действовать энергично. Мне показалось, что неплохо было бы пройти ещё раз до другого конца острова. Даже если мне не удастся помириться со смотрителем маяка, по крайней мере, я немного проветрюсь и разгону воспоминания. Возможно, этот субъект и не был помешанным, просто в момент нашего прихода на него что-то нашло. Я был готов извинить его. В самом деле, капитан бесцеремонно вторгся в его жилище и наскочил на него с наглостью крикливого петуха. К тому же мы застали его спящим. Всякий ответственный смотритель маяка спит днём, а работает ночью, наблюдая за тем, чтобы не отключился свет. На корабле мы привыкли к постоянному контакту с другими людьми; это было неизбежно и иногда переходило границы приличий. Он не привык к такой фамильярности. И, вероятно, изумился, когда перед его глазами возникли незнакомые люди — там, на краю света. Единственной отдушиной острова был лес. Но чем дальше я углублялся в его заросли, тем больше он казался мне проявлением какой-то замершей жизни, возникшей случайно, несмелой и нелепой. Кустарники, например, протягивали вперёд толстые ветки, которые казались очень твёрдыми. Но когда я сгибал их, отводя от лица, они ломались как морковки. Если наступит зима, мороз расплющит все эти деревья своим молотом. Лес наводил на мысли о войне, которое расписывается в своём поражении прежде, чем начать битву. На половине пути я немного задержался, увидев большую мраморную плиту, из которой выходил бронзовый жёлоб. Она была покрыта по краям чёрным мхом, и рядом с ней лежал огромный валун. Других возвышений поблизости не было, и за плитой скапливалась вода. Струйка непрерывно стекала по жёлобу в большое жестяное ведро, переливаясь через край. Второе ведро, пустое, ждало рядом своей очереди. Я понял, что передо мной был источник, который снабжал маяк водой.

Интересно, каким образом мы выбираем объекты, на которые направляем свой взгляд? Когда я в первый раз шёл по этой тропинке с капитаном, источник остался незамеченным. Мы не обратили на него внимания, потому что искали нечто более важное. Но сейчас я был в одиночестве, в полном одиночестве, и бронзовая трубочка, изрыгавшая воду, представляла для меня огромный интерес. Я подошёл поближе и прямо над ней увидел слова, написанные корявыми буквами. Надписи гласили:

Батис Кафф проживает тут.

Батис Кафф построил этот источник.

Батис Кафф написал эти слова.

Батис Кафф умеет постоять за себя.

Батис Кафф — властелин океанов.

Батис Кафф имеет всё, что желает, и желает лишь того, что имеет.

Батис Кафф — это Батис Кафф, и Батис Кафф — это Батис Кафф.

Dixit et fecit.

[1]

Я ему посочувствовал. Прощайте, надежды на жизнь в мире и согласии. Плита говорила мне о расщеплённом сознании, которое невозможно было восстановить. Я не придумал для себя никакого более полезного занятия, а потому продолжил свой путь по дорожке, которая вела к маяку. Когда я оказался у подножия башни, дверь оказалась заперта.

— Эй, эй! — прокричал я, подражая капитану.

Никто не ответил; до меня доносился только шум волн, которые накатывались на камни у самого берега. Я подумал о надписи над источником. Мне показалось, что этот человек обладал завышенным самомнением, раз все предложения начинались с его имени. Была ли причиной тому ничтожность его личности или самовлюблённость — эти недостатки достаточно часто сопутствуют друг другу — одно было ясно: он во что бы то ни стало хотел самоутвердиться. Я решил действовать по-другому и несколько раз позвал его по имени.

— Батис! Батис! — прокричал я, сложив руки рупором. — Батис, Батис! Эй, Батис! Эй!

Откройте, пожалуйста. Я новый метеоролог!

Никакого ответа. На высоте шести или семи метров над дверью был балкон. Я смотрел туда в надежде увидеть его фигуру. Этого не случилось, однако мой пристальный взгляд отметил некоторые интересные детали. Например, я увидел, что вокруг балкона были добавлены какие-то колья. Во время прошлого визита я подумал, что это кое-как сколоченные леса для ремонта.

Я ошибался. Сооружение не воспроизводило структуру металлических прутьев, которые соединяли стену маяка и основу балкона. Коля были очень острыми. На самом деле эта конструкция закрывала весь балкон, превращая его в подобие защитного укрепления. Подул ветер, и до меня донёлся металлический перезвон. По земле у самого подножия я заметил верёвки, закреплённые на толстых штырях. На верёвках были подвешены пустые жестянки, во многих местах по две рядом. Ветер ударял их друг о друга и о стены; звук напоминал звон коровьего ботала. Другие детали также не поддавались объяснению: промежутки между камнями кладки были забиты гвоздями, причём шляпки прятались в щелях, а острия торчали из стены. Повсюду щетинились гвозди и осколки стекла, несметное число осколков. Тщедушное солнце заставляло их отбрасывать зелёные и красные отсветы. Чуть выше стёкол и гвоздей не было. Начиная с высоты, на которую мог бы подняться человек, используя лестницу средних размеров, щели между камнями были заделаны какой-то самодельной замазкой: это придавало маяку сходство с постройками инков, с их гладкими стенами. Даже ноготь ребёнка не смог бы здесь за что-то зацепиться. Я обошёл маяк: всё здание было укреплено этим нелепым способом. Когда я снова подошёл к двери, то увидел на балконе Батиса. Он целился в меня из двустволки. В первую минуту я растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Здравствуйте, Батис. Вы меня помните? — сказал я. — Я хотел с вами поговорить. Ведь мы как-никак соседи. Необычное соседство, вы согласны?

— Если подойдёте ближе — стреляю.

Мой опыт подсказывал мне, что, когда один человек собирается убить другого, он ему не угрожает, и что когда один человек угрожает другому, то не собирается его убивать.

— Будьте благоразумны, Батис, — настаивал я. — Скажите что-нибудь более любезное.

Он не отвечал, продолжая целиться в меня с балкона.

— Когда кончается ваш контракт? — спросил я, чтобы не молчать. — Скоро приедет смена?

— Я вас убью.

Мне также было ясно, что если человек не хочет говорить, только попытка может развязать ему язык. А мне не хотелось никого пытаться. Я пожал плечами и медленно пошёл прочь. У кромки леса я оглянулся: Батис по-прежнему стоял на балконе, раздвинув ноги и сохраняя стойку альпийского стрелка. Даже левый глаз его был зажмурен.

* * *

Остаток дня прошёл как обычно. Я закончил уборку в доме. Меня вдруг охватило странное чувство. Я прикусил нижнюю губу до крови, не сознавая, что делаю. Потом откупорил бочонок с коньяком, полностью отдавая себе в этом отчёт. Наполовину пьяный, наполовину трезвый, наполовину грустный и наполовину весёлый, я развёл огонь в камине. Курил и кидал окурки в огонь. Немало поэтов воспели тоску по родине. Я никогда не был ценителем поэзии. Мне кажется, что боль — это состояние, которое предшествует языку, а потому всякая попытка выразить её обречена на провал. А кроме того, у меня не было родины.

Я питал свои мысли молоком меланхолии, пока не наступила темнота. В этих краях ночь не предупреждает о своём приходе, она нападает сразу и празднует победу. Внезапный испуг: полутьма моего жилища вдруг осветилась вспышкой яркого белого света, который тут же потух. Это маяк. Батис включил огни, и сноп света начал вычерчивать свои круги, каждый раз выхватывая из темноты мою комнату. Одно было непонятно. Луч попадал прямо в окна. Это означало, что угол его падения был очень мал, а потому для кораблей в открытом море никакого проку от него не было. „Какой дикий человек“, — подумал я. Возможно, он приехал на остров в поисках одиночества. Но его поведение в этих условиях было за пределами нормального. С моей точки зрения, подлинное одиночество — это внутреннее состояние, и оно отнюдь не исключает любезности по отношению к тем, кто волею случая оказался с тобой рядом. Он же, напротив, относился ко всем людям как к прокажённым. Как бы то ни было, в тот момент странности Батиса меня мало интересовали.

Я помню, что зажёл керосиновую лампу, сел за стол и принялся составлять распорядок дня. До сих пор вижу перед собой эту картину. В глубине — камин, я за письменным столом на противоположном конце помещения. Справа от меня входная дверь и моя койка, очень похожая на корабельную. С другой стороны у стены — ящики и сундуки, порядок во всём. Вдруг издали послышались какие-то тихие шорохи. Это напоминало немного стук козьих копыт, когда стадо проходит где-то вдали. Сначала я принял звуки за шум дождя — так падают

крупные редкие капли. Я встал со своего места и подошёл к окну. Дождя не было. Полная луна рассыпала свои блёстки по морской глади. Её лучи освещали ветви, воткнутые в песок пляжа. Их можно было принять за застывшие конечности людей, а вся композиция наводила на мысли об окаменевшем лесе. Но дождя не было. Я не придал этому никакого значения и снова сел за стол. И тут я увидел это. Это. Помню, мне подумалось, что помутившийся рассудок играет со мной злую шутку.

В нижней части двери был сделан лаз для кошки. Круглое отверстие прикрывала подъёмная дверца. Через неё в комнату медленно просовывалась рука. До самого плеча, длиннющая, не прикрытая никакой одеждой. Она двигалась судорожно, точно пыталась нащупать что-то. Может быть, затвор двери? Она не была похожа на руку человека. Несмотря на тусклый свет керосиновой лампы и огня в очаге, я смог разглядеть, что локоть образовывали три косточки, более мелкие и заострённые, чем наши. Ни грамма жира, одни мышцы, акуля кожа. Но ужасней всего была кисть этой руки. Пальцы соединяла перепонка, которая доходила почти до ногтей.

Первое оцепенение сменилось волной паники. Я завопил от ужаса и вскочил со стула. На мой крик откликнулся хор голосов. Они слышались со всех сторон. Какие-то существа окружали дом и кричали странными голосами, в которых смешивались рёв бегемота и смех гиены. Я испытывал страх, который мне самому казался невероятным. Сам не понимая, что делаю, я посмотрел в другое окно.

Я не столько видел их, сколько чувствовал. Пришельцы были на ладонь выше меня и гораздо худее. Они бегали вокруг моего дома грациозно, как газели. Полная луна чётко очерчивала их профили. Как только мне удавалось разглядеть их, они исчезали из поля зрения, ограниченного узким окном. Один из них вдруг замирал, оглядываясь вокруг с проворством колибри и, взвизгивая, убегал, затем возвращался с парой таких же существ, потом они вместе бежали в противоположном направлении, непонятно зачем; все их движения были молниеносными. Вдруг я услышал звон: они разбили окно на другой стороне комнаты. Это превращало меня из наблюдателя в жертву. Святой Патрик! Они пытались проникнуть в мой дом! Меня спасли только их необузданные инстинкты. Окно было небольшим, но через него вполне могло проникнуть существо, обладающее некоторой ловкостью. Однако их жгло нетерпение, все хотели попасть внутрь одновременно. Образовалась пробка. Луч маяка осветил сцену. Это был краткий миг бескрайнего ужаса. Шесть или семь рук извивались подобно щупальцам, за ними виднелись воюющие пасти пришельцев из страны амфибий: выпученные лягушачьи глаза со сверлящими точками зрачков, раскрытые ноздри, безбровые физиономии, огромные безгубые рты.

Мною двигал не разум, а скорее инстинкт. Я выхватил из очага толстое полено и с диким криком стал лупить по движущимся рукам. Посыпались искры и угольки, брызнула голубая кровь, кто-то завопил от боли. Когда последняя рука исчезла в темноте, я выбросил полено наружу. У окон были внутренние ставни. Я метнулся, чтобы закрыть ставню и задвинуть засов, но когтистая лапа воспользовалась моментом и вцепилась в мою шею. Я удивился своему самообладанию в этот миг. Вместо того чтобы попытаться освободиться от запястий чудовища, я ухватил один из его пальцев и стал гнуть, пока не хрустнули когти. Затем я отпрыгнул назад, схватил пустой мешок, собрал туда угли и бросил этот снаряд в сторону окна. За дождём угольков последовали стоны невидимых существ. Во время возникшей паузы я закрыл деревянную ставню с молниеносной скоростью, на какую только способен.

В комнате было ещё три окна, внутренние ставни которых оставались открытыми. Началась смертельная гонка. Я скакал от одного окна к другому, пытаясь захлопнуть ставни и задвинуть засовы. Каким-то непонятным образом они чували, что я задумал сделать, и обегали дом по кругу, чтобы достичь следующего окна. Я мог следить за их передвижениями по звуку голосов, в которых теперь слышались нотки возбуждения. К счастью, каждый раз я прибегал первым. Когда захлопнулись последние ставни, они выразили своё разочарование долгими рыданиями, от которых у меня волосы встали дыбом; это был вой десяти, одиннадцати или двенадцати глоток — страх мешает нам быть точными при подсчётах.

Чудовища не собирались уходить. В отчаянии, пытаясь решить, как мне поступить дальше, я стал искать какое-нибудь оружие. „Топор, топор, топор“, — стучало у меня в голове. Но он не попадался на глаза, а времени на поиски не было, и потому мой выбор остановился на лопате. Сейчас чудовища ломились в закрытое окно. Деревянные створки дрожали, но засов был прочен.

Они не использовали никакой специальной тактики, удары сыпались беспорядочно и бестолково. В этих условиях я не мог даже защищаться, мне оставалось только ждать. Я вспомнил про руку, которая проникла в комнату через лаз в двери: она не спряталась. Когда я снова увидел её, у меня едва не сдали нервы. Я бросился на эту отвратительную лапу с яростью, на какую никогда раньше не считал себя способным, и в этом прыжке выплеснулось всё накопившееся во мне напряжение. Я колотил по ней сначала плашмя, словно черенок лопаты был дубиной, потом стал наносить удары острым лезвием, но, несмотря на все мои усилия, чудовище не спешило спрятать её. Наконец мне, видимо, удалось перерубить какую-то крупную вену, потому что кровь полилась ручьём, и рука скрылась в отверстии с проворством ящерицы.

Послышались стоны раненого чудовища. Его товарищи также взвыли. Стук в окно прекратился. Наступила тишина. Это была самая страшная тишина, какую я когда-либо слышал. Я знал, что они находились там, снаружи, никакого сомнения в этом не было. Они вдруг хором стали издавать жалобные звуки. Это напоминало мяуканье слепых котят, когда те зовут мать. Их мяу-мяу-мяу были короткими и тихими, исполненными грусти и беззащитности. Они как будто говорили: выйди, выйди из дома, ты нас неправильно понял, мы не хотим тебе никакого зла. Они не хотели убедить меня в своих добрых намерениях, им было нужно лишь посеять ужас. Они выпускали свои меланхолические „мя-я-я-у“, сопровождая их время от времени лицемерным стуком в дверь или в запертые окна. Не слушать их, ради всего святого, не слушать. Я укрепил дверь сундуками и положил побольше поленьев в очаг на тот случай, если им придёт в голову спуститься в дом по трубе. Я с беспокойством взглянул на потолок. Крыша была покрыта черепицей. Если им вздумается разобрать её, они спокойно проникнут в дом. Однако они ничего не предприняли. Всю ночь луч маяка, монотонно вращаясь, проникал в дом через щели спустя равные промежутки времени. Тонкие длинные лучи появлялись и исчезали с точностью часового механизма. Всю ночь чудовища пытались открыть то дверь, то одно из окон, и во время каждого нового нападения я с ужасом думал, что засовы не выдержат. Потом наступило долгое молчание.

Маяк потух. С величайшей предосторожностью я приоткрыл одно окно. Никого не было. На горизонте загоралась тонкая полоска — фиолетово-оранжевая. Я тяжело осел на пол, как мешок с мукой, продолжая сжимать в руках черенок лопаты. Во мне зарождались какие-то новые и незнакомые чувства. Спустя некоторое время над морем появился маленький шарик солнца. От горячей в темноте свечки было бы больше тепла, чем от этого светила, укутанного облаками. Но всё же это было солнце. В этих южных широтах летние ночи были чрезвычайно коротки. Это была самая короткая ночь в моей жизни. Мне же она показалась самой длинной.

4

Годы подпольной деятельности научили меня, что лучший способ борьбы с унынием и сентиментальной мутью — это подойти к проблеме с чисто технической стороны. Я пришёл к следующему заключению: „Тебя нет, ты мёртв. Ты сидишь на этом холодном, забытом богом и людьми островке; никто, на многие десятки миль вокруг, не может тебе помочь. Ты мёртв, ты мёртв, — повторял я себе вслух, скручивая сигарету. — Твоё положение на сегодняшний день таково: ты мёртв. Следовательно, если тебе не удастся выкрутиться, ты ничего не потеряешь. Но если сможешь спастись, в награду получишь всё — жизнь“.

Нам не следует пренебрегать силой, таящейся в размышлениях наедине с самим собой. Сигарета, которую я курил в эту минуту, чудесным образом превратилась в самый изысканный в мире табак. И дым, извергаемый моими лёгкими, был росчерком человека, которому не остаётся ничего другого, как принять бой в Фермопилах.

[2]

Я был изнурён, вне всякого сомнения, но ощущение бессилия отступило. Я не испытывал усталости — усталость испытывала меня. Пока я мог ощущать изнеможение, пока чувствовал, что мои веки свинцово тяжелеют, я был жив. Причины, которые привели меня в эту даль, казались теперь несущественными. У меня не было ни прошлого, ни будущего.

Я был на краю света, вдали от всего мира, и меня окружало ничто. Когда я выкурил сигарету, я был бесконечно далеко от самого себя.

Что же касается объективного положения вещей, то я не строил в этом отношении никаких иллюзий. Для начала, я ничего не знал об этих чудовищах. Исходя из этого и учитывая инструкции учебников по военному делу, я мог рассчитывать на самые неблагоприятные условия ведения борьбы. Они будут нападать и днём, и ночью? Всё время? Организовываясь в группы? Беспорядочно, но настойчиво? Сколько времени я мог им противостоять — в одиночку против толпы? Естественно, очень недолго. Батису, правда, удалось выжить. Но у него за плечами опыт, которым я не располагал. А ещё у него был маяк — настоящая крепость: чем больше я рассматривал свой дом, тем более ничтожным он мне казался. Одно можно было заключить без тени сомнения: о судьбе моего предшественника я никогда ничего не узнаю. Как бы то ни было, мне оставалось только придумать систему обороны. И если маяк Батиса представлял собой укрепление по направлению к небу, то я мог создать заграждение на земле. Идея заключалась в том, чтобы окружить дом рвом, наполненным острыми кольями. Тогда чудовища не смогут приблизиться. Но откуда мне было взять время и энергию? Чтобы вырыть такую траншею, требовались титанические усилия. С другой стороны, чудовища были проворнее пантер — я в этом смог убедиться, — и ров надо было сделать широким и глубоким. Я же испытывал крайнее изнеможение: с момента приезда на остров я не сомкнул глаз. Кроме того, если я буду постоянно работать и защищать свой дом, у меня не останется ни одной минуты отдыха. Передо мной со всей ясностью вырисовывалось два выхода: погибнуть от лап чудовищ или сойти с ума от физического и умственного истощения. Не надо быть гением, чтобы понять, что оба пути заканчивались в одной точке. Я решил максимально упростить работу. Для начала надо вырыть ямы перед окнами и дверью. Я надеялся, что этого будет достаточно. Выкопав полукруглые траншеи, я принялся заострять ножом концы веток и вкапывать их остриями вверх. Многие из них я принёс с берега моря. Пока я собирал их у самой воды, мне пришло в голову весьма логичное заключение. Всё — и формы тел чудовищ, и перепончатые лапы — указывало на то, что они выходцы из океанских глубин. В таком случае, сказал я себе, огонь будет примитивным, но весьма действенным оружием. Теория противостояния стихий, вот именно. Всем известно, что любые звери инстинктивно боятся огня. Каково же должно быть его воздействие на амфибий?

Чтобы укрепить свою линию обороны, я сложил поленицы брёвен, добавив туда свои книги. Бумага горит быстрее, но пламя от неё ярче. Быть может, так мне удастся сильнее напугать их. Прощай, Шатобриан!

[3]

Прощайте, Гёте, Аристотель, Рильке и Стивенсон! Прощайте, Маркс, Лафорт

[4]

и Сен-Симон! Прощайте, Мильтон, Вольтер, Руссо, Гонгора и Сервантес! Дорогие друзья, моё величайшее вам почтение, но восхищение перед вашим дарованием не имеет ничего общего с исключительными обстоятельствами, поймите меня правильно. Я улыбнулся в первый раз с начала драмы, потому что, пока складывал поленицы, поливал их бензином и рыл углубление в земле, чтобы соединить их с будущим костром, я пришёл к выводу, что одна жизнь, в данном случае как раз моя, стоила творений всех гениев человечества, философов и писателей.

И наконец, дверь. Если я вырою яму перед входом и заполню её кольями, передо мной возникнет совершенно очевидная проблема, а именно: я закрою ход самому себе. Поэтому прежде всего я занялся изготовлением деревянного помоста, который мог бы служить в качестве съёмного перехода. Силы мои были на исходе, я чувствовал себя на грани изнеможения. Я выкопал ямы под всеми окнами, собрал ветки на берегу, сделал из них колья и вкопал их в землю. На второй линии обороны, чуть дальше от дома, сложил кучи брёвен и книги, соединив их шнуром, пропитанным бензином. Солнце садилось. Меня можно осудить за недостаток идей, но вряд ли можно обвинить в отсутствии инстинктов; наступала ночь, и чутьё моих далёких предков подсказывало мне, что это пора царствования кровожадных существ. „Не спи, не спи, — говорил я себе вслух, — только не засыпай“. Запасы воды были невелики,

поэтому я плеснул себе в лицо холодного джина. Теперь оставалось только ждать. Ничего не происходило. Я залечил пузыри, которые вздулись у меня на руках, когда я хватал горящие брёвна, и царапины на шее от когтей этих чудовищ. Яма перед дверью не была закончена. Но это меня волновало меньше всего. Сдвинув ящики с вещами, я устроил прочную баррикаду. Мои воспоминания устремились в Ирландию, в дни уличных боёв, когда над булыжными мостовыми взвились знамёна. Но в тот момент я, вне всякого сомнения, предпочёл бы морским чудовищам все королевские войска вместе взятые.

Я уже говорил, что письмо моих бывших начальников едва не убило меня. Можно сказать и так. Из-за этого письма я не распаковал два последних ящика. Я сделал это сейчас, просто из боязни расслабиться и потерять контроль над собой. Совершенно ясно, что никто и нигде не испытывал такой радости, раскрыв какую-нибудь коробку. Я поднял крышку, разорвал картон и увидел внутри переложённые соломой две винтовки ремингтон. Во втором ящике было две тысячи пуль. Я опустился на колени и заплакал, как ребёнок. Разумеется, это был подарок капитана. Во время плавания мы не раз обменивались мнениями по разным вопросам, и ему было известно, что я ненавижу войну и военных. „Это неизбежное зло“, — говорил он мне. „Но хуже всего то, — отвечал ему я, — что военные как дети: воинская слава, обрётённая в боях, служит им только для того, чтобы рассказывать о них“. Мы много раз разговаривали об этом долгими вечерами, и он прекрасно знал, что я отверг бы его предложение оставить мне огнестрельное оружие. Поэтому в последнюю минуту он молча добавил эти два ящика к моему багажу. Одним словом, если бы в моём распоряжении было пятьдесят человек, таких как этот капитан, я бы основал новую страну, родину для всех, и дал бы ей имя — Надежда.

Наступили сумерки. Зажёгся маяк. Я послал проклятие Батису, Батису Каффу. Человеческая низость для меня будет носить его имя во веки веков. Даже если он сумасшедший, это не умаляет его вины. Самым главным для меня было то, что он знал о существовании чудовищ и оставил меня в неведении; я ненавижу его со всей яростью бессилия. Мне хватило времени просверлить в ставнях маленькие отверстия, которые позволяли высунуть наружу ствол винтовки. Над ними я прорезал длинные и узкие щели, чтобы наблюдать за чудовищами, не открывая ставен. Однако снаружи ничего не происходило: никакого движения, никакого подозрительного шороха. Через окно, которое выходило на море, я мог видеть песчаный берег. Водная гладь была спокойна, и волны не бились яростно о берег, а тихо ласкали песок. Странное нетерпение охватило меня. Если уж им суждено прийти, пусть бы приходили скорее. Я сгорал от желания увидеть сотни чудовищ, атакующих дом. Мне хотелось расстреливать их одного за другим. Любое сражение было лучше, чем это томительное ожидание. Карманы моего бушлата были набиты пулями. Их тяжесть придавала мне сил и успокаивала. Блестящие пули цвета меди в правом кармане, пули в левом, пули в нагрудных карманах. Даже в рот я положил пару пуль. Я сжимал винтовку с такой силой, что вены вздулись на руках голубыми ручейками. За поясом, которым я подпоясал бушлат, были нож и топор. Наконец, как того следовало ожидать, они явились.

Сначала на морской глади показались головы, плывущие к берегу. Их можно было принять за буйки. Они двигались плавно, со скоростью акульих плавников. Их было десять, двадцать — не знаю точно: скопище здесь, скопище там. Выходя из воды, они превращались в рептилий. Их мокрая кожа наводила на мысль о литых чугунных фигурах, облитых растительным маслом. Они проползали несколько метров, а потом вставали в полный рост и становились прямоходящими существами. Однако при движении они слегка наклонялись вперёд, как это делает человек, идущий против сильного ветра. Я вспомнил о шуме дождя прошлой ночью. Их перепончатые утиные лапы оказались вне родной стихии. Они вдавливали в песок крупную гальку, разбросанную волнами по берегу, оставляя за собой глубокие следы, словно шли по свежему снегу. Из их пастей вырывался шёпот заговорщиков. Я не выдержал. Открыв окно, я бросил наружу горящее полено, от которого зажёгся бензин, дрова и горы книг, потом закрыл ставни. И стал стрелять через бойницу, не целясь. Существа бросились врассыпную; они прыгали, как обезумевшая саранча в преисподней, и яростно стрекотали. Ничего нельзя было различить за языками огня, которые сначала вздымались очень высоко. За границей пламени иногда вырисовывались их тела: чудовища прыгали в своей бесовской пляске; я тоже вопил. Они то подскакивали, то пригибались, то собирались вместе, то рассыпались в разные стороны, пытались подобраться к окнам и отступали. Чудища, множество чудищ, и ещё, и ещё. Здесь и там, там и здесь. Я перебегал от одного окна к другому, высовывал ствол ружья и стрелял не

целясь, — один выстрел, два, три, четыре. Заряжая винтовку, я проклинал их, как варвары проклинали Рим, потом снова стрелял и опять заряжал. Так прошло несколько часов, а может быть, минут — не знаю.

Костры догорали. Я понял, что огонь был скорее моральной поддержкой, чем реальным способом защиты. Однако чудища испарились. Вначале я этого даже не заметил и продолжал стрелять, пока гильза не застряла в затворе. Я стал лихорадочно открывать его, но гильза не выскакивала. Где вторая винтовка? По всему полу были разбросаны цилиндрические гильзы. Я поскользнулся и упал. Пули посыпались у меня из карманов. Я хотел собрать их, но гильзы и пули смешались. Я подполз к ящику с боеприпасами, запустил туда руку и схватил пригоршню патронов, которые обожгли меня холодом. На всю эту операцию у меня ушло несколько минут. Я с удивлением понял, что рёва чудищ больше не слышно, и высунул язык, как загнанный пёс. Потом посмотрел через бойницы. Никого. Языки пламени уже не взмывали высоко в небо и были скорее синеватыми, чем алыми. Луч маяка пробегал по берегу через равные промежутки времени. Какую ловушку они мне готовят? Я не верил этому спокойствию, потому что за окнами ещё царилась ночь.

Звук выстрела вдаль разорвал слои воздуха. Что это могло значить? Стрелял Батис. Они напали на маяк. Я прислушался. Порывистый ветер временами доносил до меня шум битвы. Чудовища выли, как яростный ураган, там, на другом конце острова. Размеренность, с которой Батис использовал ружьё, говорила о необычайно сдержанном характере; он действовал, скорее, со спокойствием укротителя тигров, чем с отчаянием человека на краю пропасти. Я бы сказал даже, что мне послышался его смех, однако я в этом не был уверен.

5

Я не был хорошим стрелком. Несмотря на прежнюю подпольную деятельность, мне никогда в жизни не приходилось применять оружие. Сейчас я видел в своём прошлом проявление иронии судьбы: тайно получая и распределяя сотни ружей; сам я практически никогда не держал их в руках. Как бы то ни было, я твёрдо решил тренироваться, а всем известно, что в случае необходимости человек обучается любому делу чрезвычайно быстро. У моего ремингтона был оптический прицел, который позволял уточнять расстояние. Я устанавливал его на отметках пятьдесят, семьдесят пять и сто метров и пытался попасть в пустые консервные банки от шпината. Тут возникла первая трудность. Результат целого утра тренировок оказался более чем посредственным. К физической слабости тела добавилось истощение мозга, которое притупило все чувства. Я целился, прищуривая один глаз, но предметы двоились. Моя нервная система разрушалась с огромной скоростью. Постоянная угроза смерти сочеталась с невозможностью уснуть, недаром сон издавна использовали как пытку. Естественные ритмы моего тела не столько нарушились, сколько исчезли. Мне приходилось отдавать приказы своему телу, как это делает офицер своим солдатам. Ешь. Пей. Двигайся. Помочись. Не спи! Да, во мне сосуществовали необходимость выспаться и страх перед сном. Я пребывал в той области сознания, где стирались границы между бессонницей и лунатизмом. Иногда я заставлял себя совершить то или иное действие: зарядить винтовку или выкурить сигарету. Патроны не вставлялись, потому что обойма была полна, а я не помнил, что заряжал её. Я зажигал сигарету, а потом обнаруживал во рту ещё одну.

Однако теперь у меня была цель. До настоящего момента я просто старался продержаться, потому как никакой надежды на горизонте не было. Теперь, впервые, я сам мог ставить перед собой какую-то задачу. Как только решение было принято, я углубился в лес, подражая партизанам. Моя одежда не выделялась на фоне деревьев; насколько позволял гардероб, я подобрал вещи спокойных тонов, похожих на цвета растений, среди которых надо было прятаться. Кожаные перчатки защищали от холода и прикрывали пузыри на руках. Я устроился в восьмидесяти метрах от маяка. Любой снайпер выбрал бы эту выгоднейшую позицию. Растительность за моей спиной была достаточно густой, и мой силуэт не просматривался. Впереди оставался ещё ряд деревьев, которые скрывали меня, но не мешали видеть дверь башни и балкон. Я уселся на толстой ветке, на вершине одного из деревьев. Там была удобная выемка, куда можно было положить ствол ружья. Я взял дверь под прицел. Стоило Батису

выйти наружу — и ему конец. Но он не подавал никаких признаков жизни, не появившись за весь день ни разу, и, когда на землю спустились сумерки, мне не оставалось ничего другого, как вернуться домой из страха перед чудовищами.

К счастью, ночь прошла спокойно, если так можно выразиться. Они не предприняли нового штурма дома. Мне показалось, что несколько чудищ прогуливались вокруг маяка, потому что я слышал их голоса, а однажды даже раздался одиночный выстрел Батиса, но больше ничего не произошло. Причины такого их поведения я не смог себе уяснить. Может быть, я здорово их напугал. Выстрелы, которые пробили дверь, возможно, ранили несколько чудищ. И сегодня они решили попробовать добраться до Батиса, которому приходилось экономить патроны. А может быть, этой ночью не были достаточно голодны. Кто мог ответить на эти вопросы? Их действия не подчинялись никакой логике, тем более не следовали военной стратегии штурма фортификационных сооружений. На исходе ночи я даже позволил себе такую роскошь, как закрыть глаза и расслабиться; этот отдых, хоть и не настоящий, был желанным. С первым проблеском зари я занял свою позицию на дереве.

На этот раз ждать пришлось недолго. Не прошло и получаса, как Батис вышел на балкон. Раздетый до пояса, он являл миру свой мощный торс боксёра-ветерана. Кафф опёрся на ржавые перила, далеко разведя руки, и замер: закрытые глаза, высоко поднятый подбородок, лицо подставлено слабым лучам нашего грустного солнца. Казалось, что это фигура из музея восковых скульптур. Лучшей цели нельзя было и представить. Когда приклад упёрся мне в плечо, я прищурил левый глаз. Грудь Батиса смотрела прямо на ствол моей винтовки. Но я заколебался. А вдруг промажу? Что, если только раню его, легко или тяжело? Если ему удастся скрыться внутри маяка, для меня всё будет потеряно. Даже если бы Батис потом умер после долгой агонии, он успел бы запереть бронированные ставни балкона. При помощи крюка и верёвки я бы мог подняться на маяк, но вряд ли бы мне удалось взломать металлические листы, из которых были сделаны дополнительные ставни на балконе. Я сказал себе всё это. А ещё я сказал себе: нет, это не то, не то, и ты сам прекрасно об этом знаешь.

Я просто не мог его убить, и всё. Я не был убийцей, хотя обстоятельства толкали меня на убийство. Выстрелить в человека — означает не просто прицелиться в его тело; это означает убить всё, что он пережил. Я видел в прицеле винтовки Батиса Каффа и мог прочитать всю его биографию. Передо мной проходила его жизнь, предшествовавшая жизни на маяке. Против воли мой бунтующий мозг рисовал первые открытия Батиса-ребёнка, столь ещё далёкого от путешествия, которое приведёт его сюда; малочисленные успехи юности, неудачи и разочарования, принесённые ему миром, который он для себя не выбирал. Сколько раз те самые руки, чьим высшим предназначением было давать ласку, наносили ему удар за ударом? Сейчас, когда он превратился в простую мишень, стала видна его незащищённость. Почему он приехал на маяк? Был ли он жесток сам или служил орудием жестокости? В эту минуту я видел перед собой человека, загоравшего на солнышке, раздевшись до пояса. На нём не было никакой униформы, которая могла бы оправдать выстрел. И если отнять у человека жизнь — само по себе дело тяжёлое, то убить его сейчас, когда он просто загорал, казалось мне, представьте себе, ещё большей низостью.

Негодую, я слез с дерева. По дороге домой в наказание бил себя кулаком по голове. „Идиот, идиот, — говорил я себе, — ты самый типичный идиот. Чудовища не станут разбираться, святой ты или мерзавец, сожрут, и всё: люди для них — просто мясо. Ты на острове, на самом проклятом из островов мира. Здесь нет места ни любви к ближнему, ни философии; здесь не выжить ни поэту, ни великодушному человеку, только Батис Кафф способен на это“. Итак, я шёл по тропинке к дому и остановился у источника. С момента прибытия на остров я не пил ничего кроме джина, поэтому наклонился к ведру Батиса, которое всё ещё стояло там. Однако прежде чем пить, я взглянул на своё отражение в воде.

Мне с трудом верилось, что тем человеком, который отражался в ведре, был я. Четверо суток бессонницы и сражений наложили свой отпечаток на моё лицо.

На щеках появилась щетина, кожа отливала мертвенной бледностью. Глаза искрились неизлечимым безумием, белки превратились в багровые озёра, в центре которых плавали голубые острова. На веках и коже вокруг глаз растекались, пересекая друг друга, лиловые круги. Губы были изъедены холодом и страхом. Из-под бинтов на шее, закрывавших её подобно толстому шарфу, вытекал гной; виднелись сгустки крови и сухие струппы. Тело разучилось затягивать раны. Ногти поломаны. Слой смолянисто-чёрной грязи покрывал мои волосы. Я

отмыл одну из прядей над ухом и с огромным удивлением обнаружил, что цвет волос сменился на грязновато-белый. Я опустил голову в ведро и стал её тереть. Но это было ещё не всё. Моё тело покрывала библейская грязь. Я снял винтовку, отстегнул патронташ и ножи и разделся, как будто вся одежда, защищавшая меня от холода, — бушлат, свитера, рубашка, сапоги, носки и брюки, — была заражена каким-то микробом. Потом, совершенно голый, я залез на скалу, из которой сочилась вода.

Наверху ночной дождь оставил нечто вроде большой лужи. Вода доходила мне только до колен. Я опустил в неё, и холод оказал на меня живительное воздействие. Я смог ощутить его, потому что он возрождал мои чувства; голова просветлела, и силы возвращались ко мне. Само собой разумеется, в мыслях я вернулся к Батису. Рано или поздно он придёт к источнику за водой. Таким образом, ключ мог превратиться в прекрасную ловушку. Я нападу на него из засады, застигнув врасплох, наведу на него винтовку и возьму в плен. Тогда мне не понадобится его убивать. Я укрошу его, посажу на цепь. А когда на горизонте появится первый корабль, лучом маяка передам сигнал азбукой Морзе. Будут ли потом судить Батиса или запрут в сумасшедший дом до конца его дней, этот вопрос сейчас меня не занимал.

Через пелену облаков на землю спускались тонкие, чётко прочерченные колонны света. Небо посвящало мне свою световую симфонию. Я не спешил выходить из воды. Моё тело привыкло к холоду. Я лежал, глядя в небо; впервые с момента приезда на остров мне удалось посвятить какое-то время собственной персоне.

Пребывая в этом положении, я услышал приближавшиеся шаги и попытался скрыться под водой, чтобы меня не обнаружили. Хотя моя голова оставалась на поверхности, я не мог видеть Батиса, но понял, что он выбрал именно этот момент для похода за водой — для этого не надо было обладать особым воображением. Он нёс другие вёдра, об этом говорил металлический перезвон жестянок. Я проклял свою судьбу. Что я мог сделать? Он непременно заметит мою одежду — это просто вопрос времени. Хуже того, он увидит винтовку, и тут уже трудно предсказать его реакцию. Быть может, он не будет разозлён моим вторжением. Однако у сумасшедших очень тонкое чутьё, и я подозревал, что он легко может разгадать мои намерения. А я был безоружным. Размышления заняли несколько секунд. В самом деле, вариантов было немного. Если по чистой случайности Батис не заметит мою одежду, он очень нескоро вернётся к источнику. За эти дни чудовища смогут тысячу раз расправиться со мной. Я прислушался. Он стоял прямо напротив желоба, я слышал, как он отставлял полное ведро и заменял его пустым. Вот он замер. Увидел разложенную на земле одежду. Понял, что рядом кто-то есть. Прыжок леопарда — и два тела покатались по земле. Я обхватил его ногами и поджал под себя. Занёс кулак, но... Это не Батис. Это чудовище.

Новый прыжок — на этот раз чтобы оказаться как можно дальше. Однако в испуге сразу зародилась доля сомнения. Чудовища были страшными убийцами, а я свалил на землю хрупкое, невесомое существо. Вёдра всё ещё катились по земле и стучали друг о друга, издавая жестяной звон. Я боязливо смотрел на чудовище с почтительного расстояния, как те коты, которым любопытство не позволяет убежать.

Чудовище не двигалось, оставаясь там, где упало, и издавало жалобные звуки, как раненая птичка. До меня донёсся сильный запах рыбы. Я подполз поближе и, чтобы лучше рассмотреть пришельца, развёл его руки, которыми он старался защитить лицо. Это было одно из чудовищ — вне всякого сомнения. Однако черты лица гораздо мягче, чем у них. Округлый овал и ни одного волоса на голове. Брови так чётко прочерчены, словно над ними потрудился шумерский каллиграф. Синие глаза. Господи, какие глаза! Какая синева! Синева африканского неба, нет, более прозрачная, более чистая, более яркая и сверкающая. Нос небольшой, острый, не выдающийся на лице. Его крылья были чуть выше, чем кость переносицы. Уши, крошечные по сравнению с нашими, в форме рыбьего хвоста с четырьмя тонкими осями. Скулы на лице почти не выделялись. Шея была длинной, а всё тело покрыто серовато-белой кожей с зелёным отливом. Превозмогая боязнь и недоверие, я дотронулся до неё и ощутил холод трупa и гладкость змеи. Потом взял руку чудовища в свои: она отличалась от конечностей его собратьев. Перепонка была короче, чем у них, и едва доходила до первого сустава. Тут существо издало испуганный крик, услышав который я стал безжалостно избивать его, сам не знаю почему. Оно стонало и кричало. На нём был надет простой старый свитер, такой растянутый, что служил чудовищу подобием платья. Я схватил его за левую щиколотку и поднял вверх, как младенца, чтобы лучше рассмотреть. Да, конечно, это была самка. На

лобке не росло ни одного волоска. Она отчаянно брыкалась. Я схватил свой ремингтон и стал бить её прикладом, пока один особенно жестокий удар не пришёлся ей в пах; чудовище скрючилось от боли, как червяк. Она пыталась закрыться руками и стонала, прижав лицо к земле.

Свитер и вёдра ясно доказывали, что Батис имел какое-то отношение к этому существу. Откуда он его взял и какую ценность оно для него представляло? Мне не удалось найти ответ. Совершенно очевидно, что Батис обучил его разным трюкам, подобно тому, как дрессируют сенбернаров. Например, она принесла к источнику вёдра. Кроме того, он надел на неё свитер, хотя даже турецкий нищий отказался бы от такого подарка. Сочетание рваного и грязного свитера и этого тела, рождённого в океане, было невероятным, более гротескным, чем смешные пальтишки из самой дорогой шерсти, в которые английские дамы наряжают своих нелепых пёсиков. Но если уж Кафф позаботился об её одежде, то это означало, что он испытывал к ней какие-то чувства. Самым лучшим способом разрешить все сомнения было взять её в заложники. Если Батиса она сколько-нибудь интересуется, он придёт за ней. Я потянул её за локоть и заставил подняться на ноги. Потом надел ей на голову ведро, чтобы она не могла ничего видеть. Её била дрожь. Вёдра были связаны шнурком, который мне пригодился, чтобы связать ей руки. Следов борьбы я не стал скрывать, чтобы Кафф всё понял и пошёл за мной. Один удар приклада, и мы направились домой.

Я посадил её на табуретку и снял с головы ведро. Потом устроился рядом с ней и сидел довольно долго. Синяя кровь запеклась в уголке её рта, а сердце билось, как у кролика. Она дышала только верхней частью лёгких. Взгляд был потерянным, и я жестом гипнотизёра стал водить перед её глазами палец, за которым она следила с трудом. Потом она описалась прямо на табуретке. Я посмотрел в окно на уходившую в лес дорожку.

Батис не шёл. Меня охватила ярость. Пришлица полетела на пол от одной сильной оплеухи. На этот раз она даже не взвизгнула, а забилась в угол, прикрыв лицо связанными руками.

День близился к вечеру, солнце светило уже не так ярко. Батиса всё не было. Само собой разумеется, я совершенно не собирался держать у себя эту самку. Если и без того чудовища были страшны, на что они могут пойти, если учуют её? Дельфинья кожа самки была натянута, как струны скрипки. Она казалась молодой и, наверное, могла иметь детёнышей. Что касается размножения, у природы в запасе целый арсенал способов, и, возможно, она могла привлечь своих сородичей при помощи каких-нибудь химических субстанций, невидимых для людей. Я был готов убить её одним выстрелом.

Когда солнце стало клониться к закату, гром выстрела за окном разорвал тишину.

— Ничтожная крыса! — заревел голос из укрытия. — Почему вы объявляете мне войну? Вам что, мало лягушанов?

— А вы сами, Кафф? — прокричал я в пустоту. — Вы что, предпочитаете тратить последние патроны, стреляя в меня?

— Vor! Sie beschissenes Arschloch!

[5]

Ещё один выстрел. Пуля ударила в угол оконной рамы, и на меня брызнули щепки. Я выставил в проём окна голову заложницы.

— Ну, стреляйте же, Кафф! Может, теперь попадёте!

— Отпустите её!

Вместо ответа я просто вывернул ей руку. Животное взвизгнуло. Откуда-то из леса ему ответили негодующие голоса. Мне именно этого и надо было. Я захохотал:

— Что с вами, Кафф? Вам это не по вкусу? Тогда слушайте ещё!

Я наступил ей на голую ногу сапогом, она взвыла от боли, и её крики разнеслись по лесу.

— Хватит! Не убивайте её! Что вам нужно?

— Я хочу с вами поговорить. Лицом к лицу!

— Выходите и поговорим!

Он ответил не задумываясь, и его слова показались мне неискренними.

— Вы что, спятили? Или считаете меня полным идиотом? Это вы должны выйти из своего укрытия. И немедленно!

Он не ответил. Больше всего я боялся, что Батис развернётся и уйдёт. Зачем ему было настаивать? Я этого не понимал. Многие ирландские крестьяне готовы убить соседа из-за коровы. Но никто не стал бы играть со смертью ради волчицы. В моём распоряжении было имущество, ценность которого я не мог определить.

Мне показалось, что ветки пошевелились.

— Выходите сейчас же, Кафф! — закричал я.

Я отодвинул заложницу от окна и увидел двойной ствол его ружья как раз там, где заметил какое-то движение. Потом вспыхнул жёлтый огонь. Пули Батиса обладали страшной разрывной силой. Он промахнулся лишь на ладонь, и верхняя часть рамы разлетелась вдребезги. Одна щепка впилась мне в бровь. Рана была незначительной, но пробудила во мне космическую ярость. Я бросил заложницу на пол, словно коврик, и придавил её сапогом. Таким образом руки у меня освободились, и я теперь мог оросить кусты дождём свинца, держа винтовку на уровне груди и покрывая всю видимую территорию. Где бы ни находился Батис, таким образом я вынуждал его пригнуться. На мой новый окрик он ничего не ответил. Что он замышлял? Взять меня штурмом? Осаждающие всегда владеют инициативой. Мне не оставалось ничего другого, как бешено скакать от одного окна к другому, тяжело и шумно дыша. Если Батису удастся подобраться к одной из стен, я буду в опасности. Через окно, которое выходило на заднюю сторону дома, мне было видно, как он шёл по пляжу, чтобы напасть с тыла. Я выстрелил, но гряда берега уберегла его от пули.

— Я вас уничтожу! — закричал он, пригибаясь. — Клянусь святым Христофором, я вас убью! Тактический расклад, однако, не соответствовал его словам: Батис оказался в западне. Пока он лежал, растянувшись на песке, я не мог его видеть. Но рано или поздно ему придётся подняться, чтобы уйти с берега по правой или левой стороне, и в этот момент он превратится в идеальную мишень. А если он там задержится, тем хуже для него: наверняка морские чудовища будут очень рады найти его лежащим на песке.

— Сдавайтесь! — приказал я. — А не то я убью вас обоих!

Батис принял решение намного раньше, чем я того ожидал, и бросился бежать в левую сторону, рискуя жизнью. Он двигался, пригибаясь, и кричал удивительно тонким женским голосом. Я успел выстрелить только два раза. Пули улетели в море, а он скрылся в лесу.

Обмен выстрелами закончился. Может быть, он вернулся на маяк? А может, Батис давал мне время на размышление. Как бы то ни было, я не считал терпение его добродетелью. Закрепив на шее заложницы верёвку и привязав другой её конец к ножке кровати, я открыл дверь и вытолкнул странное существо наружу. Мне казалось, что Батису такое зрелище наверняка причинит боль и он допустит какую-нибудь оплошность. Пленница постояла в нерешительности, потом побежала, думая, что оказалась на свободе. Верёвка натянулась, и напряжение отбросило её назад. Безмозглое существо.

Прошло несколько минут. Никакого ответа. Я подглядывал через окно: заложница, связанная и обессиленная, лежала на земле. Иногда она пыталась подпрыгнуть, как оставленная на привязи собака, которая хочет найти своего хозяина. После одной неудачной попытки она, немного отдохнув, предпринимала новую. Вдруг меткая пуля перебила верёвку. Какой верный глаз! Последующие события можно объяснить только результатом охватившего нас безумия: вместо того чтобы стрелять друг в друга, мы оба побежали наперегонки за заложницей — я из дома, а Батис из леса, но ему пришлось покрыть большее расстояние. Одной рукой я схватил пленницу за шею, в другой сжимал винтовку.

Стрелять из неё, как из пистолета, было неудобно, и я промазал. Кафф подпрыгнул, как шерстяной мяч, с развевающимися на ветру волосами, не снимая гарпуна со спины. Он не мог стрелять в меня, потому что боялся ранить ту, которую хотел заполучить обратно.

— Сдавайтесь! — приказал ему я. — Иначе вам смерть!

Он плюнул в мою сторону и побежал в лес, ловко петляя. Я убедился в правоте старой истины: человека, который умеет двигаться, очень трудно убить. Расстреляв все патроны ремингтона и проклянув свою меткость, я вернулся в укрытие, подгоняя заложницу ударами приклада.

* * *

Сумерки падали на землю сетью теней. Я представил себе лес, по которому тайком бродит охотник, себя самого с винтовкой в руке на острове, полном чудищ, рядом со странным порождением океана, и всё показалось мне необычайно фантазмагоричным. Не прошло и

четырёх суток с тех пор, как я обсуждал проблемы ирландской политики с капитаном торгового судна. Я сказал себе: всё это страшный сон; а потом — да, да, это явь. Этот спор о разумности мира был неожиданно прерван выстрелом, который вернул меня к действительности. Близилась последние минуты перед восходом луны, и мои мысли были заняты чудовищами, а не Каффом, когда мощный голос сказал:

— Откуда мне знать, что вы в меня не выстрелите?

— Я уже имел возможность отправить вас на тот свет, но не сделал этого! — ответил я, не задумываясь. — Вам нравится загорать, Кафф? Нравится выходить утречком на балкон, раздевшись до пояса? Я держал вас на прицеле. Стоило мне только нажать на курок, и ваши мозги размазались бы по стене, — сказал я и крикнул командирским тоном: — А ну, покажитесь, будьте вы прокляты! Выходите!

После минутного колебания он наконец вышел из леса.

— Бросьте ружьё! — приказал я. — И встаньте на колени.

Он подчинился, хотя и с неохотой. Стоя на коленях, но по-прежнему невозмутимый, Кафф развёл руки, словно говоря: я в вашем распоряжении.

— А теперь выходите вы! — потребовал он, кладя руки на затылок. — И пусть она тоже выйдет с вами!

Я вывел заложницу перед собой, прикрываясь её телом, как щитом. Когда мы подошли ближе, я толкнул её к Батису и прицелился в них. Кафф обследовал её с тщательностью ветеринара, как заболевшую козу.

— Что вы с ней сделали? — возмутился он. — Она вся в синяках!

— А чего вы ещё ждали? У неё же кровь — синяя, — сказал я с издёвкой.

Батис посмотрел по сторонам, потом на меня:

— Скоро станет совсем темно. Чего вам надо?

— Вы прекрасно знаете.

Я сел на землю и положил на колени винтовку. Ситуация вдруг изменилась. Совсем недавно мы готовы были перегрызть друг другу глотки, а теперь обменивались идеями. Мы казались двумя финикийцами, истратившими весь свой пыл на торг, скорее театральный, чем настоящий.

Остров был странным местом.

— Мне следовало бы убить вас прямо сейчас, но я не буду этого делать, — сказал я примирительным тоном. — На самом деле меня вовсе не волнует то, что происходит на этом проклятом острове. По непонятным мне причинам вы не хотите покидать его. Такой случай вам представился, когда пришёл корабль, но вы об этом даже не заикнулись. Что ж, оставайтесь здесь, если хотите. Но я желаю уехать отсюда целым и невредимым.

Я указал в сторону маяка:

— Мне надо попасть туда, с вами или без вас. Войти туда и выжить. Скоро появится какой-нибудь корабль, я передам ему сигнал азбукой Морзе при помощи луча маяка и уеду отсюда в какое-нибудь место поспокойнее.

Только и всего. Вы же, естественно, можете распоряжаться всеми моими вещами, включая винтовки. У меня два ремингтона и тысячи патронов. Я уверен, что они вам понадобятся.

Его рот скривила непонятная улыбка, и я увидел гнилые зубы. Он вытащил маленькую металлическую фляжку и сделал глоток, не предлагая мне.

— Вы ничего не понимаете. Мимо этого островка не проходят морские торговые пути. Никакой корабль не появится на горизонте, пока не привезут смену метеорологу. Надо ждать год.

— Что вы мне морочите голову? — Я вскочил на ноги. — Здесь есть маяк! А маяки ставят там, где проходят корабли.

Батис отрицательно покачал головой. Во время разговора он не выпускал изо рта сигарету, но теперь потушил её и выбросил.

— Мне совершенно точно известно, что этот морской путь давным-давно никто не использует. Когда-то на острове хотели сделать тюрьму для лидеров бурских республик, [6]

или что-то в этом роде. Но навигационные карты были очень старыми, и реальные размеры острова не соответствовали указанным на них. Здесь не смог бы разместиться даже гарнизон охраны. Они воображали, что остров был значительно больше. — Одним движением руки он охватил весь клочок земли. — Строительные работы поручили одной

частной фирме. Когда землемеры приехали сюда, то сразу поняли, что проект осуществить невозможно, и скорее утвердили смету, пока какой-нибудь генерал не приказал прекратить работы. Согласно планам, на территории тюрьмы должен был находиться маяк, и фирма решила построить его, чтобы никто не смог обвинить их в неоправданной растрате денег военного ведомства. — Он саркастически ухмыльнулся. — Могли бы и не строить свой дурацкий маяк: никакой инспектор министерства строительства здесь никогда не появится. Особенно после того, как англичане передали маяк в ведение международных организаций. Что это означает в конечном итоге? Что раньше он принадлежал военным, а теперь вообще никому.

Я снова сел. Я решительно ничего не понимал.

— Я вам не верю! Если всё это правда, зачем вы тогда здесь? Почему вас послали на маяк, который не обслуживает никакого морского пути?

Настроение Батиса постепенно менялось: раньше он боялся, что его животине уготована страшная участь, но теперь, когда он заполучил её обратно, это действовало на него как успокоительный бальзам. Он рассмеялся и протянул мне фляжку — да, на сей раз он это сделал. Спиртное было холодным и кислым. Но этот жест стоил больше, чем все ликёры мира.

— Никто меня на этот маяк не посылал. Я метеоролог, ваш предшественник. Никакого специального образования у меня нет, но навигационная служба не слишком привередничает, когда подбирает персонал для работы. — Он замолчал ненадолго. — А про маяк мне рассказал один моряк с корабля, который привёз меня на остров. Он был из Южной Африки и знал всю эту историю.

Батис жестом попросил меня вернуть фляжку, сделал из неё глоток и добавил:

— Ваше здоровье, Камерад. А вы что здесь потеряли? Победители не жалуют своим присутствием такие места. Никогда. Люди честные и благородные — тоже. Что с вами стряслось? Ваша жена сбежала с инженером-путейцем? У вас не хватило духа записаться в Иностраннный легион? Вы присвоили себе деньги в банке, где работали? А может быть, спустили всё своё состояние в игорном доме? Ладно, молчите. Это не имеет никакого значения. Добро пожаловать в ад для неудачников, милости просим в рай для сбившихся с пути. — Он вдруг сменил тему, и тон его голоса стал иным. — Где у вас второй ремингтон?

Я был обескуражен и предоставил ему право действовать. Животина Батиса смотрела в землю безразличными коровьими глазами, перебирая двумя пальцами сухие комочки глины. Потом она поймала червяка и проглотила его, не разжёвывая. Батис вошёл в дом. Когда он встал на колени перед сундуком с патронами, то напомнил мне пирата, наслаждающегося видом сокровищ. Созерцание второго ремингтона и боеприпасов делало его бесконечно счастливым. — Ценная штука, да, ценная штука, — говорил он, трогая приклад винтовки и перебирая пальцами патроны, как ростовщик золотые монеты. — Помогите мне! — сказал он вдруг. — Становится темно. Сами знаете, что это значит.

Батис закинул на плечо свою винтовку и второй ремингтон. Мы взяли с двух сторон за ручки ящика с боеприпасами. Действительно, наступала ночь. Кафф пнул своё чудовище, сумасшедшая гонка началась.

— Скорее, торопитесь, — подгонял он меня, пока мы бежали по лесу, — к маяку, к маяку! — А потом то же самое по-немецки: — Zum Leuchtturm, zum Leuchtturm!

Однако координировать движения четырёх ног было нелегко, я споткнулся о корень, и патроны посыпались на землю.

— Вы что, очумели? — ругал он меня, собирая патроны пригоршнями, — или пьяны в стельку? Внутри ящика патроны смешались с мхом и землёй. Мы бежали во весь дух, на землю спускалась ночь.

— О Боже мой, Боже, — шептал Батис, повторяя: — Zum Leuchtturm, zum Leuchtturm!

До маяка оставалось каких-нибудь двадцать метров. Тяжело дыша, мы стали подниматься на гранитную скалу у его подножия. Вдруг я услышал:

— Стреляйте, стреляйте!

Я не понял, зачем он это говорил.

— Идиот, с другой стороны маяка!

Я увидел какие-то смутные тени, одна выскочила слева, потом две, три, четыре. Я выстрелил не целясь. Чудища уже знали, как действует огнестрельное оружие, и одновременно отпрыгнули назад. Батис взялся за обе ручки ящика.

— Толкните дверь, она не заперта! — прокричал он.

Через секунду после того, как мы закрыли дверь и заперли засовы, чудища уже стучали по железу с бешеной яростью. Кафф бросился к ящику с патронами, но я встал на его пути.

— А теперь чего вам надо? — рассердился он. — Они штурмуют маяк, и мне нужны патроны!

— Посмотрите мне в глаза.

— Это ещё зачем?

— Посмотрите мне в глаза.

— Чего вам надо?

— Чтобы вы посмотрели мне в глаза.

Он подчинился. Я взялся за ствол его ружья и приставил дуло к своей груди.

— Вы хотите убить меня? Действуйте. Мне отвратительна мысль, что смерть застигнет меня во сне. Если вы намерены убить меня, сделайте это сейчас. Это будет убийством, но, по крайней мере, избавит вас от дополнительной ответственности за предательство.

Он вдохнул воздух и выдохнул его с яростью человека, который не может найти нужных слов, чтобы ответить на невнятное оскорбление.

Резким движением он выхватил у меня из рук винтовку и прижал её дуло к моему виску. Оно было очень холодным.

— Вы из тех, кто хочет жить вечно. Ваши добрые родители не читали вам слов Иисуса Христа? Они вам не объяснили, что нам на роду написано умирать много раз? — Он отвёл ружьё и опустил глаза: — Мы все когда-нибудь умрём. Сегодня или завтра, когда судьба укажет. Сейчас у нас по винтовке на каждого. Если вам так хочется, можете застрелиться сами.

Я никак этого не ожидал: на его каменном лице мелькнуло подобие улыбки. Несмотря на наше отчаянное положение, Батис замолчал и позволил себе выдержать паузу. На фоне рычания, которое раздавалось за стеной, он оценивал меня в соответствии с какими-то непонятными мне критериями и наконец заключил:

— Вы хотели спрятаться на маяке — и добились этого. Хотите, чтобы я поздравил вас? Вы не понимаете ничего. Вы из тех, кто чувствует себя свободнее, когда приближается к решётке своей тюрьмы. — Он сделал нетерпеливый жест. — А сейчас давайте патроны. Лягушаны уже на подходе.

Я отодвинулся и пропустил его к ящику. Несмотря на то что Батис нёс своё ружьё, ремингтон и ящик с патронами, он взлетел по лестнице одним махом. Я увидел на полу пустые мешки, которые могли послужить мне матрасом. Чудища выли. Кафф стрелял где-то наверху. Моей единственной мыслью было только одно: а сейчас спать, спать.

Спать.

Спать.

Спать.

6

Когда я проснулся, в мире царила безмятежная тишина. Этой ночью жизненные силы вернулись ко мне подобно душе Лазаря, которой было приказано возвратиться на своё место. Там, снаружи, волны мягко плескались о прибрежные камни, и шум моря служил мне целительным бальзамом. Я лежал на полу и рассматривал внутреннее пространство маяка, которое казалось мне сейчас одновременно строгим и уютным. Около винтовой лестницы, на уровне каждого её витка, в стене были сделаны узкие бойницы, сквозь которые сейчас проникали солнечные лучи. В самом ближнем от меня я заметил медленно кружившуюся невесомую пылинку. Её движения казались исполненными печальной и безрассудной гармонией.

Во рту пересохло. Я приподнялся и взял какую-то бутылку. В ней оказался винный уксус, но мне было всё равно. Будь эта жидкость даже кипящей смолой, я бы её всё равно выпил. Движение причинило боль: тысячи иголок впились в моё тело, словно кровь многие годы не бежала по жилам. Всё ещё сидя на полу, я заметил значительные перемены в обстановке помещения. Оно

и раньше служило складом, но сейчас здесь повсюду громоздились ящики, мешки и сундуки. Я присмотрелся. Это был мой багаж. Батис вошёл на маяк.

— Как вам удалось перенести весь этот груз за одно утро? — спросил я голосом человека, который отходит от наркоза.

— Вы проспали больше двух суток, — ответил он, снимая с плеч мешок с мукой.

Я в полном оцепенении посмотрел на свои руки:

— Я хочу есть.

— Так я и думал.

Он не прибавил больше ни одного слова. Я поднялся за ним по лестнице. На ходу, не поворачивая головы в мою сторону, Батис сказал:

— И вы их не слышали? Никакого шума? Вчера ночью мне показалось, что дело — дрянь. В последнее время они озверели как никогда. — И он добавил, понизив голос: — Мерзкие твари...

Кафф поднял крышку люка, и мы вошли в верхнее помещение.

— Садитесь. — Он указал место за столом и стул. Мне оставалось только повиноваться. Батис вышел на балкон и стал набивать свою трубку, осматривая окрестности. Я оперся локтями о стол и потёр лицо ладонями. Передо мной поставили тарелку. Я увидел тонкие пальцы с перепонками между ними. Не отдавая себе отчёта в том, что делаю, я вскочил со стула. Крик ужаса застрял у меня в горле. Было слышно, как стучит сердце. Я понял, что снова на острове.

— Не надо кричать, — сказал Батис. — Это просто гороховый суп.

Кафф причмокнул губами, как крестьянин, который велит лошади двигаться с места. Животина исчезла в проёме люка, точно испарилась. Мы не сказали друг другу ни одного слова, пока я не закончил есть.

— Спасибо за суп.

— Он из вашего гороха.

— Тогда спасибо за то, что вы меня им угостили.

— Вам его подала она.

Её не удерживали ни цепи, ни верёвки.

Я спросил:

— И ей не приходит в голову убежать с маяка?

— Разве собака убегает с хутора?

Он замолчал. Мне не удалось избежать некоторой доли ехидства:

— И какими же ещё качествами она обладает? Умеет лишь носить вёдра и тарелки? Может, вы её и латыни обучаете?

Его взгляд стал жёстким. Батис не хотел ссориться, но был готов дать мне отпор.

— Нет, — ответил он. — Ни латыни, ни греческому. Я показал ей вот это. — Он приподнял приклад Ремингтона. — А это стоит всех уроков латыни и греческого вместе взятых.

— Да, вы правы, — сказал я, потирая виски. Ужасная мигрень не позволяла мне продолжать разговор.

— Но если вам угодно получить ответ на свой вопрос, я отвечу: у неё есть и другие весьма ценные качества. Когда лягушаны приближаются, она поёт.

— Поёт?

— Да, поёт. Как канарейка. — На его губах мелькнула тень улыбки — глубоко запрятанной, отвратительной и зловещей, а потом он добавил: — Мне кажется, что она приносит удачу своему хозяину. Это самое полезное домашнее животное, какое только можно отыскать в этих краях.

Наш разговор иссяк. Я по-прежнему сидел на стуле. Мой мозг действовал замедленно: мне стоило большого труда связать образы со словами, их определявшими. Оглушённый, как человек, чудом избежавший гибели под снежной лавиной, я обводил взглядом комнату, кровать, балкон, стоявшего неподвижно Батиса, бойницы, но не находил ни в чём точного смысла.

— Пожалуй, будет лучше, если я вам всё объясню в двух словах, — сказал Кафф, принимая моё состояние как некую данность. — Идите сюда.

Мы поднялись по железной лестнице, которая вела на верхний этаж. Там, под куполом маяка, находился механизм прожекторов. Сложная система шестерёнок часового механизма; массивные стальные детали. В центре располагался генератор, который обеспечивал энергией оба фонаря, соединяясь с ними металлическими осями. Подвижная платформа размещалась на

узких рельсах, которые, подобно карликовой железной дороге, окружали помещение снаружи. Батис потянул три рычага, и вся конструкция пришла в движение, преодолевая инерцию со слоновьим рёвом.

— Как вы можете видеть, я направил лучи так, чтобы свет прочёсывал окрестности маяка.

Таким образом, мне удаётся заметить их приближение. С каждым новым кругом лучи изменяют угол своего падения и освещают то подножие маяка, то территорию на некотором расстоянии от него. Я могу осветить весь лес. Даже дом метеоролога на другом конце острова.

— Это мне уже известно.

Я сам не понимал, заключался ли в моём ответе упрёк или это была простая констатация факта.

Батис проявил полное равнодушие к моим словам.

— Я бы мог сделать так, чтобы луч освещал только дверь, расположенную как раз под нами. Но чего бы я добился? Они бы просто обошли это пятно света. Постоянным движением я вынуждаю их беспрестанно бегать. Как все исчадия ада, они не выносят света, ни Божьего, ни людского.

Мы находились на самой высокой точке острова, и перед нами открывалась великолепная панорама. Клочок суши, имевший форму носка, растянулся посреди океана. Шиферная крыша моего дома вырисовывалась вдали, на пятке этого носка. По обеим сторонам острова, прорисовывая очертания его берегов, на лице океана поднимались родинки камней и скал разного размера. На северной окраине, в ста или ста пятидесяти метрах от берега, виднелась самая большая из скал. Присмотревшись, я заметил, что около неё из воды поднимался нос небольшого затонувшего корабля.

— Португальцы, — сообщил Батис, не дожидаясь моего вопроса. — Кораблекрушение было не так давно. Они возвращались из своих колоний в Мозамбике. Направлялись в порт на юге Чили. Они везли нелегальный груз и поэтому следовали по маршруту, отдалённому от торговых путей. Корабль был малого тоннажа, что-то у них случилось, и они хотели сделать остановку на острове Буве. Но корабль разбился о скалы, — заключил он совершенно равнодушно, словно рассказывал историю из своего далёкого детства.

— Предполагаю, что вы, будучи человеком любезным и распорядительным, помогли им спастись и предложили кров и провизию, — сказал я с ядовитым цинизмом.

— У меня не было никакой возможности что-либо предпринять, — сказал он, словно оправдываясь. — Кораблекрушение случилось ночью, когда скалы особенно опасны. Моряки выбрались вот на те камни возле носа корабля. Видите? На эту небольшую плоскую скалу, да. И, естественно, до наступления рассвета их всех сожрали.

— Откуда же вам тогда известны все подробности о маршруте и цели путешествия этих португальцев?

— Наутро один из них ещё оставался в живых. Не знаю, как ему это удалось, но он спрятался в одной из кают на носу корабля, в той части, что возвышалась над водой. Я увидел его лицо через стекло иллюминатора и стал кричать ему с берега. Сперва мы не понимали друг друга: стекло было очень толстым, и я только видел, как он шевелит губами. Потом он выбрался на палубу, и мы поговорили несколько минут. Бедняга совсем спятил. В конце нашего разговора на него что-то нашло, он схватил пистолет и выстрелил в меня. — Тут Батис ухмыльнулся. — Наверное, принял меня за одно из чудищ. Впрочем, это не имеет значения, метким стрелком он не был. Потом он вернулся в каюту и оставался там до захода солнца. Помню его лицо в рамке иллюминатора. Идиот несчастный! У него не хватило ума оставить для себя последнюю пулю. Я во многом мог бы упрекнуть Батиса. Но самым ужасным было для меня то, что он рассказывал обо всех событиях и о гибели этих злосчастных португальцев таким безразличным тоном, что мороз пробежал по коже. Одно описание и никаких рассуждений. Более того: никаких эмоций. Мы вернулись на жилой этаж. Кафф объяснил мне, где хранились боеприпасы, и научил тактике защиты нашей крепости. Все свои усилия он направлял на защиту балкона. Средневековые бойницы служили для наблюдения за местностью, а также для стрельбы — благодаря им все триста шестьдесят градусов окружности маяка могли быть под прицелом. Батис не боялся, что лягушаны проникнут внутрь через бойницы: они были очень узкими, а каменная кладка башни — чрезвычайно прочной. Им бы никогда не удалось разрушить её. А вот балкон представлял собой уязвимое место. Этим объяснялось заграждение из кольев и остальные приспособления на стенах снаружи. Один стрелок, неплохо владеющий оружием, мог бы отразить здесь любое нападение, каким бы массовым или мощным оно ни было.

— Следовательно, стрелок, выходящий на балкон, подвергается опасности, — размышлял я вслух. — Почему бы нам просто не закрыть эти железные ставни, которые вы там установили? — Через некоторое время они бы пришли в полную негодность, — сказал он. — У лягушанов сверхчеловеческие силы. Они бы постепенно разрушили броню, а на острове нет материалов, чтобы её отремонтировать. Внутри башни, взаперти я бы превратился в узника своей крепости. Даже если бы мне удалось проделать бойницу в заслонах, я бы смог покрыть только небольшую часть территории. Нет. Единственный способ защиты — стрелять и заставлять их держаться подальше.

После его разъяснений мне не оставалось ничего другого, как признать его правоту. Потом мы спустились на нижний этаж. Тяжёлая входная дверь была укреплена тремя мощными засовами, расположенными горизонтально. Чтобы открыть их, надо было задвинуть брёвна в специально проделанные в стене глубокие отверстия. Наружные укрепления маяка, изобретённые Батисом, были мне уже известны.

— Они лазают по стенам, как обезьяны. Это невероятные существа, — сказал он, не слишком стараясь скрыть восхищение.

Ему пришло в голову сплести из веревок сеть, подвесить на неё пустые консервные банки и разложить её на земле, чтобы звон жестянок выдавал приближение чудовищ. Кроме того, он заполнил промежутки между камнями кладки смесью папье-маше с песком и воткнул в эти швы гвозди и битое стекло.

— Никогда не выбрасывайте ни одного ржавого гвоздя или пустой бутылки, — предупредил он меня тоном наёмного солдата. — В стране лягушанов валюта называется „стекло“, а гвоздь — это ценнейшее сокровище.

На этом его разъяснения закончились. Во второй половине дня я сходил в дом метеоролога. По сравнению с маяком он показался мне спичечным коробком: хрупкое, ничтожное сооружение, в котором нельзя держать оборону. Батис перенёс все мои пожитки, кроме матраса. На всякий случай я взял с собой заложницу, так как не был совершенно уверен в том, что к моему возвращению дверь маяка будет открыта. Однако Батис не устроил мне никакого неприятного сюрприза. Такова германская раса: их интеллект движется в длинном и узком туннеле по прямой, пока не наступает момент, когда критические события заставляют его повернуть на девяносто градусов. Создавалось впечатление, что моё присутствие было воспринято как некая данность.

Вернувшись на маяк, я кинул матрас в угол на нижнем этаже. Я буду спать там, у стены, которая выходила на море. Ночью, во время шторма, волны будут перекатываться через скалы и биться о подножие сооружения.

Лишь каменная кладка будет отделять меня от бушующей стихии. Близость к волнам и одновременная уверенность в защищённости будут возвращать меня в детство, когда простыня служит надёжным укрытием от всех бед и страхов. Я обустроил свой угол как мог и, когда всё было готово, услышал окрик Батиса. Он свешивался через люк на верхнем этаже:

— Эй, Камерад! Вы хорошо заперли дверь? Давайте наверх. Скоро придут гости.

Наверху шла подготовка к бою. Батис ходил взад и вперёд, задерживался около бойниц, подбирал оружие: патроны, сигнальные ракеты — всё, следует заметить, из моего багажа.

— Чего вы ждёте? Берите свою винтовку! — крикнул он, не глядя в мою сторону. Человек, который ещё недавно был противником, превратился в товарища по оружию.

— Вы уверены, что они сегодня на нас нападут?

— А вы сомневаетесь в том, что Папа живёт в Риме?

Мы встали на колени на маленьком балконе: он справа, я слева. Нас разделяло расстояние не больше полутора метров; кроме того, балкон был очень узок — от стены до перил не было и трёх пядей. Сверху, с боков и особенно снизу множество кольев самого разного размера щетинились во все стороны, словно иглы гигантского дикобраза. На некоторых из них были видны следы запёкшейся синей крови. Батис сжимал в руках ружьё. Рядом на полу лежал ремингтон и три цилиндрические сигнальные ракеты. Прежде чем занять позицию на балконе, он зажёл огни маяка. Шум мотора слышался приглушённо. Скрежет маятника становился более явственным, когда тележка фонарей проезжала над нашими головами, и звучал тише, когда она отдалялась. Луч света прочёсывал гранитные скалы, время от времени доходя до границы леса. Однако чудовищ не было. Порывы ледяного ветра ломали тонкие веточки, унося их с собой. В горле першило. Когда луч света отдалялся, землёй завладевала почти кромешная тьма.

— Откуда вы знаете, что они придут с этой стороны? Море у нас за спиной. Если они выходят из воды, то смогут вскарабкаться по противоположной стене маяка, — сказал я.

— Море тут со всех сторон, мы на острове. И хотя они и звери, но понимают, что означает дверь в стене. За дверью есть мясо. — Батис почувствовал моё волнение. Он понял, что я ещё не оправился от изнеможения последних дней, и добавил: — Если хотите, можете идти внутрь. Поднесите мне патроны или пейте ром, как вам будет угодно. Я выдержал столько штурмов в одиночку, что не нуждаюсь в вашей помощи.

— Нет, не могу, — сказал я и прибавил: — Мне слишком страшно.

Консервные банки, подвешенные на стенах, вдруг зазвенели. Это ветер, просто ветер — успокоил меня Кафф мягким жестом руки. Мне не терпелось выстрелить в кого-нибудь из них, но я никого не видел. Батис повернул голову, подобно хамелеону, и запустил сигнальную ракету. Красный пучок света взлетел вверх, описал дугу и стал медленно спускаться. По земле растеклось широкое пятно малинового цвета. Но их не было. Вторая ракета, на этот раз — зелёная. Ничего. Фосфоресцирующий свет умирал, позволяя разглядеть лишь камни и ветки. — Майн гот, майн гот... — вдруг прошептал Батис. — Сегодня лягушанов будет много. Как никогда.

— Но где они? Я ничего не вижу.

Кафф не отвечал. Сейчас он был невероятно далеко, несмотря на то, что сидел на балконе в двух шагах от меня. Губы его влажно блестели, рот приоткрылся, как у слабоумного; казалось, он старается разглядеть что-то в глубине своей души, вместо того чтобы наблюдать за подходами к маяку.

— Я ничего не вижу, Кафф! Я ничего не вижу. Откуда вы знаете, что их сегодня много?

— Потому что она поёт, не переставая, — сказал он безразличным тоном.

Наша заложница уже давно завела странную песню, отдалённо напоминавшую полинезийские напевы. Её мелодию было невозможно описать, поскольку она не имела ничего общего с нашими пентаграммами. Сколько человек имело возможность прослушать когда-нибудь эту песню? Сколько существ с начала жизни на земле, с тех пор как человек стал человеком, получили страшную привилегию слушать этот напев? Только мы с Батисом? Или ещё и те, кто когда-то приняли здесь свой последний бой? Это был гимн ужаса и варварский псалом: он был прекрасен своим наивным коварством, безумно прекрасен. Эта песня затрагивала все нервные окончания с точностью скальпеля, спутывала чувства, выворачивала наизнанку и трижды их опровергала. Музыка освобождалась от своего исполнителя. Её издавали голосовые связки, предназначенные природой для передачи сигналов в пучинах океанов; животина сидела, скрестив ноги, столь же отрешённая от всего происходящего, как Батис, как чудища, которые не подавали признаков жизни. Только в момент рождения или в минуту смерти человек может быть так одинок, как я в ту ночь на маяке.

— Вон они, смотрите, — объявил Батис.

Чудовища выбрались на остров где-то на дальнем его конце и сейчас показались из леса. Целые стаи чудовищ, по обе стороны от дорожки. Я скорее предчувствовал их, чем видел. Я слышал их голоса, словно кто-то полоскал одновременно сотни глоток, а может, двести или даже пятьсот. Они медленно приблизились — бесформенное войско. Я видел лишь тени и слышал их клёкот — всё ближе с каждой минутой. Господи, какие страшные звуки, словно кто-то готов изрыгнуть на тебя потоки кислоты. Животина за нашими спинами прекратила свою песню. На какой-то миг показалось, что чудища решили оставить маяк в покое. Они остановились как раз там, куда не доставал луч маяка. Но потом неожиданно дружно устремились в атаку. Чудища бежали, подпрыгивая, их головы мелькали то тут, то там, на разной высоте. Полчища надвигались неумолимо, луч выхватывал из темноты их фигуры. Я стал лихорадочно стрелять во все стороны. Некоторые из них падали, другие отступали, но основная масса продолжала двигаться вперёд. Пулемёт был бы для меня более подходящим оружием. Я палил и палил, пока Батис не схватился за ствол моей винтовки. Ствол был очень горячим, но его руки не боялись ожогов.

— Какого чёрта? Вы что, спятили? Сколько ночей мы сможем от них отбиваться, если будем тратить патроны с такой лёгкостью? Мне этот салют ни к чему. Не стреляйте, пока я не начну! То, что случилось потом, послужило мне жутким уроком. Толпа чудовищ сгрудилась около двери. Они не могли ни сломать её, ни залезть по стене вверх. Однако их набралось достаточно, чтобы построить пирамиду. Внизу кипела масса рук, ног и оголённых торсов. В полном

беспорядке, толкая друг друга, одни взбирались на плечи других, и гора постепенно росла метр за метром. Батис выдержал ещё несколько минут, его хладнокровие внушало мне страх. Когда самому верхнему чудовищу почти удалось вцепиться когтями в нижние кольца под балконом, Кафф положил дуло двустволки на перила. От выстрела мозги чудовища брызнули во все стороны, череп разлетелся картечью. Тело зверя покатилося вниз, и вся башня рассыпалась.

— Вот как надо работать, — прорычал Батис, — смотрите налево!

Башня, подобная первой, поднималась с моей стороны. Мне пришлось потратить пару патронов, чтобы разрушить её. Чудовища падали вниз с завыванием раненых гиен, катились по земле, и маленькие отряды уносили трупы.

— Не стреляйте в тех, которые убегают, берегите патроны, — предупредил меня Батис. — Если мы им предоставим достаточно падали, они сожрут своих собратьев.

И в самом деле, он был прав. Когда башня рассыпалась, внизу вскипало хаотичное движение, словно в разрушенном муравейнике. Пять, шесть, семь или восемь чудовищ поднимали мёртвого собрата и куда-то уносили. Вскоре они все исчезли в темноте с клёкотом стаи диких уток.

— Кря, кря, кря, — передразнивал их Батис с презрением, — кря, кря, кря! Всегда одно и то же. — Он обращался скорее к самому себе, чем ко мне. — Убьёшь парочку — и у них пропадает желание влезать сюда. Думают сожрать господина Батиса Каффа, а в результате закусывают сородичами. Лягушаны, мерзкие лягушаны.

После победы той ночью наметился какой-то переломный момент в нападениях чудовищ. На следующую ночь мы смогли разглядеть только двух где-то вдалеке. День спустя услышали лишь топот невидимых ног. В третью ночь ни одно чудовище не показалось. Это может показаться удивительным, но мы не испытали облегчения и до самой зари не пошли отдыхать. Опыт Батиса говорил о том, что поведение лягушанов не подчиняется никакой логике: они могли напасть в любой момент.

— Это вам не расписание прусской железной дороги, — предупреждал он меня.

* * *

Я окончательно обустроился на нижнем этаже маяка. Вечером поднимался по лестнице и занимал боевую позицию на балконе. Так проходили дни и ночи, образуя рутину нашего совместного существования. Кем был этот человек? От бывшего метеоролога в нём угадывались черты, присущие любому человеку, давно потерпевшему кораблекрушение и выжившему. Его необщительность не была приспособлением к окружающей обстановке, она служила способом выражения сущности этого человека, злого и эгоистичного, как дикий кот. Однако, несмотря на некоторые штрихи варварства и безусловные недостатки завсегдатая кабаков, Батис иногда проявлял и черты обедневшего аристократа. Он был груб, но по-своему благороден, в нём проблёскивал живой ум — да, да, хотя это слово может показаться по отношению к нему неуместным. Кафф казался особенно прозорливым, когда набивал табаком свою трубку, не переставая глядеть по сторонам с зоркостью дикого зверя. В эти минуты он напоминал мне одного из тех вольтерьянцев, которые силой своего воображения создают баррикады. Этот человек жил своей правдой — правдой, рассчитанной на него одного, ограниченной, но основополагающей. У него была удивительная способность упрощать все вопросы. Можно сказать, он это делал так искусно, что был в состоянии уяснить их основу. Когда перед ним, например, вставали проблемы технического порядка, его голова работала спокойно и последовательно. Здесь ему не было равных, и благодаря этому качеству Батис сумел выжить. Однако в другие минуты он позволял себе пасть настолько низко, что уподоблялся казаку-дезертиру. Этот философ мышц имел весьма приблизительные представления о гигиене. Когда Кафф ел, то напоминал какое-то жвачное животное. Он тяжело дышал, выдавая своё присутствие на расстоянии нескольких метров. Порой Батис воображал себя провидцем, живущим созданной им легендой. Каждым своим жестом, каждой уничтожающей репликой Кафф заявлял о том, что не он был создан для этого мира, а мир — для него. Я видел перед собой подобие помешанного императора, слышащего топот копыт невидимых коней и рубящего тысячи голов.

Однако никаких опасений или страха у меня не было. Довольно скоро выяснилось, что я мог рассчитывать на его верность. Было ли это следствием врождённого благородства или той атмосферы первозданности, которую создавал остров, но мне казалось, что он неспособен на

предательство. Батис жил будущим — невзирая на то, что слово „будущее“ означало лишь завтрашний день, — и никогда не думал о прошлом. Когда я появился на маяке, он принял это как данность. Моё присутствие перечеркнуло историю наших прежних отношений, низостей, упрёков и шантажа.

Я жил в условиях чрезвычайного положения и потому был готов терпеть любые неудобства во имя выживания. Меня не волновали серьёзные различия в наших характерах: я принимал его таким, каков он был. Но, как это часто происходит в браке, именно мелкие штрихи вызывают страшные драмы. Например, он был практически лишён чувства юмора. Батис смеялся только в одиночку и не разделял со мной минуты смеха. Когда я шутил или рассказывал ему простенькие анекдоты, Кафф смотрел на меня потерянным взглядом, словно сам отдавал себе отчёт в каком-то своём внутреннем изъяне, который не позволял ему понять шутку.

Однажды утром, когда падали редкие капли дождя и одновременно светило яркое солнце, я читал книгу Фрезера, которая, по словам Батиса, являлась собственностью маяка. Это, вероятно, означало, что её забыл кто-то из строителей. Я читал невнимательно, глаза мои слипались, когда Батис прошёл мимо меня. Он смеялся, нагнув голову, тщетно стараясь сдержаться. Я не мог понять, хотел ли он рассказать мне что-то или просто проходил мимо. Кафф смеялся и смеялся, повторяя конец какой-то истории или анекдота:

— ...Он не был содомитом, а всего лишь итальянцем.

Пещерный смех возобновлялся сам собой.

— Он не был содомитом, а всего лишь итальянцем, — повторял Батис, поднимаясь по лестнице. Он смеялся и снова произносил концовку этого неизвестного мне рассказа.

Позже я услышал его смех ещё один раз, но тут надо рассказать предысторию этого события. Однажды после бурного ночного штурма я устроился на своём матрасе. Рассветало. Я уже совсем было уснул, когда странный шум заставил меня подняться с постели. Сначала послышались стоны животного. Он бил её? Нет. Шумные вздохи Батиса вскоре заглушили звуки, которые она издавала. Я не мог поверить своим ушам и даже подумал, что страдаю звуковой галлюцинацией. Но нет, это происходило наяву. Это действительно были стоны, но стоны сладострастия. Там, наверху, кровать ритмично сотрясалась — и вместе с ней пол верхнего этажа. С досок на меня сыпались мелкие опилки, словно внутри маяка шёл снег. Округлые стены маяка усиливали звуки, они отдавались эхом, и моё воображение, отказывающееся поверить в возможность происходящего, рисовало мне картину их совоплощения. Оно продлилось час или два, пока крещендо вскриков и движений не разрешилось полной тишиной.

Как он мог трахаться с одним из тех самых чудищ, которые осаждали нас каждую ночь? Какой путь прошло его сознание, чтобы обойти все препятствия природы и цивилизации? Это было хуже каннибализма, который иногда можно понять в отчаянной ситуации. Но сексуальная невоздержанность Батиса была достойна клинического обследования.

Естественно, хорошее воспитание и тактичность не позволяли мне обсуждать с ним его склонность к зоофилии. Однако для него было совершенно очевидным, что я всё знал, и если он не затрагивал эту тему, то исключительно от лени, отнюдь не от стыдливости. Но однажды Батис сам в разговоре затронул этот вопрос. Моё замечание было продиктовано исключительно клиническим интересом:

— А диспареунией она не страдает?

— Что это ещё за диспареуния?

— Диспареуния — это боль при половом сношении.

В это время мы обедали за столом на его этаже, и он так и замер с открытым ртом, не донеся до него ложку. Он не смог доесть свою тарелку похлёбки и так хохотал, что я стал опасаться, не свихнёт ли он себе нижнюю челюсть. Хохот поднимался из его желудка, груди и живота. Он шлёпал себя по бёдрам и чуть не падал с табуретки. Слёзы выступали у него на глазах, он на минуту приостанавливался, чтобы их вытереть, и снова хохотал. Он смеялся и смеялся; потом начал было чистить ружьё, но не мог остановиться. Он хохотал до самого захода солнца, пока ночь не вынудила нас сосредоточить внимание на обороне.

Зато в другой раз, когда случайно в разговоре речь зашла о животине и я спросил, почему он наряжает её в этот нелепый наряд огородного пугала, в этот грязный, потерявший форму и обгрёпанный свитер, его ответ был лаконичным и чётким:

— Ради благопристойности.

Вот таков он был, этот человек.

7

11 января.

Один японский философ писал, что лишь немногим людям дана способность ценить военное искусство. Батис Кафф был именно таким человеком. По ночам он воюет, а днём предаётся любви. Трудно сказать, какое из этих двух занятий возбуждает его сильнее. В ящиках моего багажа он обнаружил пару волчьих капканов. Страшные железные острия, как челюсти акулы. Батис очень обрадовался и поставил капканы на расстоянии точного выстрела. Парочка чудищ попала в ловушки, и он убил их меткими выстрелами — если следовать его собственному совету беречь боеприпасы, эти патроны тратить не стоило. Утром он пошёл к капканам, движимый невысказанным желанием заполучить какой-нибудь трофей. Однако чудища, бешено пожирившие любой кусок мяса, утащили с собой трупы и заодно прихватили капканы. Это его очень раздосадовало.

13 января.

Развивая мысли Мусаши:

[7]

доблесть воина определяется не тем делом, за которое он борется, а тем уроком, который он способен извлечь для себя из борьбы. К несчастью, этот афоризм на маяке теряет всякий смысл.

15 января.

В первые ночные часы небо необычайно чистое. Волшебное зрелище: звёзды на небосклоне и звездопад. Я расчувствовался до слёз. Мысли о широте, на которой находится остров, и о карте звёздного неба. Мы находимся так далеко от Европы, что созвездия занимают необычные положения и я не могу их различить. Но надо признать, что никакого беспорядка в этом нет; положение кажется нам беспорядочным только тогда, когда мы не способны воспринять незнакомые нам порядки и положения. Мироздание не знает беспорядка, он существует лишь в нашем сознании.

16 января.

Ничего. Никакого штурма.

17 января.

Ничего.

18 января.

Ничего, решительно ничего. Куда они запропастились?

19 января — 25 января.

Лето южных широт робко потухает, но в этой робости есть своё величие. Сегодня я видел бабочку. Здесь, на маяке. Она порхала туда-сюда, безразличная к нашим страданиям. Кафф попытался было прибить её своей лапицей, но сделал это с присущим ему безразличием. Это было бы настоящим преступлением, потому что наступали холода, и нам, наверное, не доведётся увидеть больше ни одной бабочки. Но вступать в разговоры на подобные темы с таким человеком нет смысла.

К этим мыслям примешивались и другие: не столь философские и гораздо более тревожные. Летом ночи коротки, но сейчас на нас со всей неизбежностью надвигается зима, а значит, и темнота. Чудища всегда нападают в ночи, и шторм с каждым днём длится всё дольше. Что с нами будет, когда солнце скроется на двадцать часов или даже больше?

26 января.

Размеры острова так незначительны, что взгляд, падая без конца на одни и те же предметы, кажется, точит даже камни. Мы рассматриваем окрестности маяка, как некую обширную область. У каждого уголка своё название, мы окрестили каждое дерево, каждый камень. Ветка необычной формы сразу же получает имя. Таким образом, расстояния приобретают новые качества. Если бы кто-нибудь услышал наш разговор, то подумал бы, что мы говорим о каких-то далёких местах, между тем любой предмет находится здесь в двух шагах от тебя. Время тоже превращается в некое относительное понятие. Капелька росы, повисшая на паутинке, может дрожать там целую вечность, пока не упадёт, а иногда стоит только моргнуть — и пролетела целая неделя.

27 января.

Своеобразная акустика маяка передаёт мне все эротические звуки. Обычно Батис выбирает самый конец ночи, когда я ухожу с балкона и с его этажа, чтобы начать свой сеанс. Это занятие может занимать у него два, три или даже четыре часа. Его стоны раздаются с точностью метронома. Они напоминают хрипы человека, умирающего от жажды и идущего по пустыне: монотонная агония. Иногда мне кажется, что он способен выдерживать этот ритм часами. Любопытно отметить полиоргазмию животного. Я могу следить за её постоянным возбуждением: спазмы учащаются, а потом наслаждение достигает высшей точки. Каждые полторы минуты, не больше, напряжение разряжается извержением вулкана вскриков и долгих, очень долгих стонов. Эта кульминация длится целых двадцать секунд, а потом, вместо того чтобы сойти на нет, всё повторяется снова. Батис, равнодушный к её состоянию, не меняет своего ритма, пока наконец напряжение не разряжается под какое-нибудь крепкое словцо.

28 января.

Иногда мы используем в пищу крабов. В Европе таких бы никто и в рот не взял. У них толстенный панцирь, а под ним много жира и мало мяса. Но мы их поедаем с удовольствием, ничего другого нам не остаётся. Сначала — по причине моей собственной наивности — весь остров мог наблюдать, как я по-идиотски прыгал по прибрежным камням. Крабы легко от меня убегали, прячась в трещины скал. Волны, ударяясь в их глубоких промоинах, обдавали меня пеной и брызгами. Занятие было скорее опасным, чем увлекательным. Я хотел пополнить запасы провизии на маяке, но холодная вода сводила мои пальцы. Я давно так не ругался. К счастью, в это время поблизости оказался Батис, который заметил:
— Вы похожи на хромую козу, Камерад.

Он направлялся в лес с топором на плече. За ним шла его животина. Кафф причмокнул губами, отдавая ей приказ, и она змеёй скользнула между камнями. Её способность ловить крабов показалась мне оскорбительной. Кроме того, она отколупывала с камней каких-то моллюсков, которые так плотно присасывались к скалам, что я и не пытался их собирать — мне наверняка понадобились бы молоток и железный клин. Ей же было достаточно своих когтей, я только подставлял корзину. Иногда, прежде чем бросить туда краба, животина отрывала у него клешню и съедала её целиком.

Я обнаружил в лесу съедобные грибы — они стали моим вкладом в рацион на маяке. Грибы росли на стволах деревьев, цепляясь за их кору, как моллюски за скалы, так что их приходилось срезать ножом. Думаю, большой питательной ценностью они не обладают, но я всё равно их собираю. Кроме того, я перетираю в ступке корни некоторых лесных растений, пока из них не получается богатая витаминами масса.

Поскольку обычно Батис молчалив и угрюмей, этот наш диалог стоит здесь воспроизвести.

— А откуда вы взяли, что эти растения не вредны? — сказал он, с недоверием глядя на напиток, который я приготовил, смешав свою массу с джином.

— Растения, как и люди, не хороши и не плохи, они просто разные, — проговорил я, сделал глоток напитка. — Мы либо знаем их, либо нет, только и всего.

— Мир полон дурных людей, очень дурных. И только наивный человек может верить в людскую доброту.

— То, что отдельные люди по природе своей могут быть хороши или дурны, большого значения не имеет. Важно, какое общество они образуют в своей совокупности: хорошее или плохое. И эта общая оценка не зависит от склонностей характера индивидов. Представьте себе двух ужасных типов, которые терпят кораблекрушение. По отдельности они могут быть отвратительны. Но когда они окажутся вместе, им не останется ничего другого, как объединить свои усилия, чтобы выжить. Кого в такой ситуации могут интересовать их личные недостатки? Не знаю, слушал ли меня Батис. Он залпом выпил свою порцию смеси и заключил:

— А у нас в Австрии пьют шнапс. По-моему, он лучше джина.

Бывает, мы удим рыбу. Задолго до моего появления на острове Кафф установил целый часток удочек на южном берегу, на скалах, которые тонкими мысами уходили в море, с трёх сторон окружённые водой. Против ожидания, мы больше страдаем от избытка улова, чем от его недостатка. Рыбы в этих широтах глупы до безобразия, а может быть, просто не знают, что такое крючок.

Однако они такие большие и сильные, что спокойно могут утащить в море удочку. Чтобы помешать этому, Батис закрепил удилища в камнях, как колья. В качестве лески он использовал толстую проволоку, а тройные крючки соорудил наподобие куриной лапы. Несмотря на все предосторожности, время от времени какая-нибудь из удочек исчезает. На следующий день волны играют ею, а мы смотрим вслед своему имуществу, и в нас пробуждается ярость, которую нам не на кого направить. Как бы то ни было, приходится признать, что на острове можно обеспечить себя питанием без всякой помощи извне. Продукты, которые появились на маяке вместе со мной, может быть, и дополняют наш рацион, но мы бы спокойно обошлись и без них.

29 января.

О моём распорядке дня. С первыми лучами рассвета я ухожу со своего поста на балконе, снимаю с плеча винтовку и растягиваюсь на матрасе. Иногда мне даже не удаётся раздеться. Моё сознание моментально потухает, как задутая кем-то керосиновая лампа, и я сплю, сколько душа пожелает. Со дня моего появления на маяке мне не приснилось ни одного сна. Обычно я просыпаюсь к полудню или даже позже. Завтрак в алюминиевой посуде, как в тюрьме. Если день особенно хорош, я выношу тарелку на улицу. Потом возвращаюсь внутрь — утренний туалет. Это самый приятный момент суток. В результате каждодневного наблюдения я прихожу к выводу, что мои волосы изменили свой цвет окончательно и бесповоротно, как минимум — на затылке. Ужас первых дней посеребрил их, и они остались такими. Потом я сразу же одеваюсь. Опишу мой обычный наряд. Брюки, которые я чаще всего надеваю, сшиты из грубой материи, но это делает их идеальными для самой тяжёлой работы. Поверх нескольких

маек — моряцкий свитер с высоким горлом. В первые дни я надевал сверху короткую куртку цвета хаки, доходившую мне до пояса. На ней было два очень глубоких нагрудных кармана, куда я клал патроны. Ирония судьбы, граничащая с пародией: каким бы невероятным это ни показалось, я не заметил, что носил старый френч английской армии, пока Батис не обратил моего внимания на сей факт. Кто-то забыл его здесь в одном из сундуков. А может быть, его привезли сюда вместе с другими вещами для гарнизона, которому никогда не суждено было появиться на острове. Я выбросил его в море, хотя он был очень удобным. Батис обозвал меня идиотом.

Я делаю зарядку два раза в неделю, даже когда, по здешнему обыкновению, идёт дождь. Поскольку на острове нет парикмахерской, я сам стригу себе волосы на манер средневековых пажей. Что же касается бритья, я не сдаюсь. Почему мне так нравятся гладко выбритые щёки? Из соображений гигиены? Потому что таким образом я вынуждаю себя быть дисциплинированным? Мне кажется, дело не в этом. Просто иногда разница между варварством и цивилизацией определяется такими незначительными чертами, как соблюдение привычки бриться по утрам. Густая борода Каффа внушает мне отвращение. Он редко приводит её в порядок. И к тому же можно сказать, что это топорная работа. Самое противное зрелище — наблюдать, как он принимает солнечные ванны, сидя на земле и прислонившись спиной к стене маяка. Он замирает, как крокодил, а животина в это время перебирает его бороду ловкими и быстрыми движениями. Я понял, что она ищет там вшей и поедает их.

Потом я выполняю разную работу вместе с Батисом. Например, собираю хворост. Он должен хорошо просохнуть, поэтому, прежде чем отправить его в печку, мы складываем ветки и корни внутри маяка; возможно, это бесполезное занятие, но оно позволяет нам верить в будущее. А ещё я проверяю удочки и отношу некоторые на маяк. Потом чиню и укрепляю сеть с консервными банками, ищу ржавые гвозди и разбиваю бутылки, аккуратно распределяя острые осколки стекла, чтобы сделать щели между камнями ещё более опасными. Человеку, никогда не жившему здесь, на маяке, не дано понять того страха, который внушает нам сантиметровой промежуток между двумя гвоздями или двумя осколками. Кроме того, я обтачиваю новые колья, считаю оставшиеся боеприпасы и распределяю продукты на будущее. Обычно мои предложения не встречают сопротивления со стороны Батиса, как например, когда я предложил выбить звёздочку на капсулах пуль, чтобы сделать их разрывными, или сделать отверстия в гранитной скале у подножия маяка. В эти отверстия мы вставим дополнительные колья, короткие и очень острые, и тогда чудовища будут ранить о них свои ступни. Это тактика организации римского лагеря. Совершенно очевидно, что это не помешает им приблизиться, но хотя бы осложнит их действия. С другой стороны, когда моё нововведение было осуществлено, окружающий нас пейзаж стал ещё более зловещим.

После этого и до наступления темноты я располагаю свободным временем, если только здесь, на маяке, это выражение имеет смысл.

1 февраля.

Красивый закат. День исчезает, словно за горизонтом открывается театральный люк: светлый свод скользит туда, скрывается в нём, и задник сцены становится тёмным. Словно гигантская кисть красит чёрной краской небо, а потом разбрасывает по нему мелкие крапинки звёзд. Я нёс караул и на рассвете вдруг увидел необычно мелкое чудовище, которое наблюдало за нами. Оно пряталось очень искусно, и мне бы ни за что не удалось его заметить, если бы не одно обстоятельство: оно выбрало для наблюдения то самое дерево, на котором сидел я, когда хотел убить Батиса, — это его выдало. Я сидел на табурете и курил. Потом положил сигарету на перила балкона и не спеша прицелился. Чудовищу невдомёк, что моя поза означает для него неминуемую смерть, оно продолжало сидеть на дереве, внимательно меня разглядывая. Я целился ему в сердце. Выстрелил. Тело начинает падать, срывая по пути листья, на какой-то момент я потерял его из вида. Запутавшись в ветвях, оно повисло над землёй. Руки чудовища раскачиваются, оно мертво. Пуля пробила его грудь.

Батис ругает меня за истраченный напрасно патрон. Я напоминаю ему историю с капканами. Разве стоило стрелять в чудовищ, которые попали в ловушку и не представляли собой опасности? — Нам надо экономить, — говорит он, — боеприпасы — это жизнь.

— Патроны появились здесь вместе со мной, — отвечаю я, — мне их и тратить. Мы спорим всю ночь, как два мальчишки.

2 февраля.

Сегодня чудища целую ночь визжали, но не приближались к нам — явление необычное. Я пробовал завести с Батисом разговор о нашей предшествующей жизни в Европе, но безуспешно.

Установить сколько-нибудь откровенные отношения с этим человеком невозможно. Дело не в том, что Кафф уходит от разговора или что-то от меня скрывает. Просто спокойный и лёгкий разговор ему недоступен. Когда я рассказываю ему о себе, он слушает, кивая. Если спрашиваю что-нибудь о его жизни, он односложно отвечает, вглядываясь в темноту, окружающую маяк. Это продолжается, пока я не отказываюсь от своей затеи. Представьте себе двух людей, которые спят в одной комнате и разговаривают во сне, — такова природа наших диалогов.

5 февраля — 20 февраля.

Ни-че-го. Это ни-че-го также включает молчание животины — она не поёт, чему можно только радоваться. Моё общение с ней минимально. Она либо трахается с Батисом, либо занимается какой-нибудь несложной работой, стараясь держаться от меня подальше, потому что помнит о нашей первой встрече памятью побитого пса. Если ей нужно выйти с маяка, она неизбежно должна пройти мимо меня. Животина ускоряет шаг и отпрыгивает в сторону, как воробышек. Порой, разглядывая это существо, я содрогаюсь от омерзения. Краткое наблюдение позволяет заключить, что животина антропоморфна и теплокровна, страдает дальтонизмом, холециемией и абулией. Но она так сильно напоминает человеческое существо, её поведение так похоже на наше, что трудно удержаться от попыток установить с ней диалог. Однако затем наталкиваешься на её куриные мозги: животина не смотрит на нас, не слушает наши разговоры — не видит и не слышит нас. Она живёт в атмосфере полного одиночества — и именно в этом пространстве встречается с Батисом.

22 февраля.

Батис напился, что случается с ним очень редко. В одной руке — бутылка джина, в другой — ружьё. Он танцевал, как зулус, на гранитной скале у подножия маяка. Потом скрылся в лесу и не появился до самого вечера. Я тем временем поймал животину и отвёл в угол, невзирая на её сопротивление. Она была полужива от страха, ей было невдомёк, что я хотел только пощупать её череп. Голова этого существа совершенна. Я имею в виду абсолютную гладкость черепа, на котором нет ни единого бугра. Свод великолепно кругл, в то время как у людей голова обычно несколько удлинена или сжата по бокам. Эта форма создана, чтобы выдерживать давление воды на глубине морей? У неё нет ни впадин врождённых преступников, ни шишек молодых гениев. Сюрприз для френолога: затылочная и теменная кости развиты совершенно нормально. Объём черепа несколько меньше, чем у славянок, и на одну шестую превышает размеры головы бретонской козы. Я взял её за щёки и силой открыл ей рот. У неё нет миндалин, на их месте расположено второе небо, которое нужно этим существам, вероятно, для того, чтобы вода не попадала в горло. Она страдает аносмией и не чувствует запахов. Зато её крошечные уши способны слышать звуки, которые для меня не различимы, способности этого существа подобны способностям животных семейства псовых. Она часто замирает в некое подобии транса и в эти минуты не отдаёт себе отчёта в происходящем, хотя, возможно, воспринимает какие-то голоса, мелодии или призывы. Что именно слушает животина? Ответить на этот вопрос невозможно. Перепонки между пальцами её рук и ног короче и уже, чем у самцов её племени. Она может раздвигать пальцы под большим углом друг относительно друга, кисть человеческой руки гораздо менее пластична. Думаю, что чудища используют эту особенность для движения в воде: таким образом они могут грести сильнее. Мне пришлось прибегнуть к

паре оплеух, чтобы снять с неё свитер, ибо она сопротивлялась. Строение её тела безупречно. Европейские девушки позавидовали бы такой фигуре — правда, чтобы появляться в свете, ей понадобились бы шёлковые перчатки.

Как метеорологу, мне известно, что наш остров расположен в особой зоне океана, которую окружают тёплые морские течения. Этот факт объясняет многое. Например, обилие наземной растительности, задержку первых снегопадов, время для которых уже давно настало, а также появление этих существ. Если бы они обитали во всех морях и океанах, человечество сохранило бы исторические сведения о них в своих летописях: дело бы не обошлось одними легендами. Однажды я прочёл, что в крови рыб, обитающих в полярных широтах, содержатся вещества, противодействующие замораживанию. Возможно, у неё тоже есть что-то подобное в крови — это бы объяснило её синий цвет. Если это предположение неверно, то как объяснить тот факт, что существа, живущие в холодных глубинах океана, не имеют толстого слоя подкожного жира? У неё мускулы классической статуи, гладкая кожа с зелёным отливом, как у саламандры. Представьте себе лесную нимфу в змеином наряде. Соски груди — как чёрные крошечные пуговицы. Я попытался положить карандаш под её грудь, но он упал на землю: кажется, невидимые нити поднимают её бюст вверх. С такими яблоками Ньютону не удалось бы создать свою знаменитую теорию. Поневоле вспомнишь французов, которые утверждают, что совершенная грудь должна умещаться в бокале для шампанского. Мышцы её тела говорят о здоровье и энергии — корсеты здесь ни к чему. Таз балерины и плоский, невероятно плоский, живот. Ягодицы твёрже островного гранита. Кожа на лице ничем не отличается от покровов других частей тела, в то время как у людей по коже щёк невозможно судить о прочих участках тела. Под мышками, на голове и лобке не видно ни следа корней волос. Бёдра — чудо стройности — соединяются с туловищем так гармонично, что никакому скульптору не дано воспроизвести это совершенство. Что касается лица, у неё египетский профиль. Тонкий и острый нос контрастирует со сферичностью головы и глаз. Лоб поднимается плавно, словно мыс над морем, никакому римскому профилю с ним не сравниться. Шея будто срисована с портрета утончённой девушки, созданного средневековым художником.

Я отвёл её в тёмный угол. Безмозглое существо дрожало от страха: так корове не дано понять, что делает с ней ветеринар. Я зажёл свечку и стал приближать её к глазам животного, а потом удалять от них. Яркий свет заставляет зрачки сужаться, они превращаются в узкие щёлочки, как у кошки. Наблюдая это, я невольно почувствовал волнение: её глаза, скорее круглые, чем овальные, подобны волшебным синим зеркалам. В них отсветы янтаря. Глазное яблоко словно капля ртути. Я вдруг увидел там себя самого: я смотрел на неё, а получалось, что на самого себя. Мне захотелось прекратить опыт. Когда человек видит своё отражение в глазах чудовища, он испытывает головокружение. Кому-то это может показаться смешным. Однако пусть меня судит лишь тот, кто когда-нибудь пережил подобный опыт.

Невозможно безразлично наблюдать за ней. Стоит до неё дотронуться, как интерес исследователя вдруг исчезает. Едва коснувшись, рука отдёргивается, точно от удара током. Один из наших основных инстинктов говорит о том, что прикосновение связано с теплом: холодных тел нет. Но её температура ранит меня и причиняет боль. Она напоминает холод трупа, который уже покинула жизнь.

25 февраля.

Они появились. Их много. Обычно наша порция боеприпасов составляет шесть патронов, а сегодня мы истратили восемь.

26 февраля.

Вместе с Батисом мы истратили девятнадцать патронов.

27 февраля.

Тридцать три.

28 февраля.

Тридцать семь.

1 марта -16 марта.

Я слишком занят борьбой за свою жизнь, чтобы вести записи. А о том, что я мог бы описать, лучше не сохранять воспоминаний.

18 марта.

Штурмы постепенно становятся не такими яростными. Сегодня я довольно долго осматривал со стороны леса маяк и наш балкон. Батиса моё занятие заинтересовало, и он присоединился ко мне, не говоря ни слова. Мы стояли рядом, плечом к плечу. Мои мысли занимало одно: я хотел увидеть маяк таким, каким видят его чудища, попытаться войти в тайники мозга этих кроважидных существ, чтобы понять, каким они видят меня. Спустя некоторое время Батис сказал:

— Ну, что ж, похоже, никаких изъянов в нашей обороне нет. И ушёл.

20 марта — 21 марта.

Они наблюдают за нами, но не нападают. Сначала это вызывало во мне тревогу, но позднее она сменилась простым любопытством. Обычно мы видим лишь мелькание теней. Иногда их можно различить между деревьями или на морском берегу. Когда луч маяка падает на одно из чудищ, оно тут же исчезает.

Ночь постепенно расширяет свои границы. Сейчас в нашем распоряжении только три часа света. Остальное время — владения ночи. Не успевая появиться, солнце уже прощается с нами. Как выразить на бумаге весь ужас, который овладевает нами в этот момент? Даже в обычных условиях пребывание на острове само по себе могло бы означать для человека исключительный и страшный опыт. Присутствие чудовищ переносит этот эксперимент за пределы разумного. Может показаться невероятным, но порой промежутки между штурмами кажутся мне страшнее, чем сами штурмы. Внутри маяка, среди теней, отбрасываемых керосиновыми лампами, мы слушаем смешанный шум ветра, дождя и волн и ждём рассвета. Мы ждём его и ждём, не ведая, что наступит скорее: новый день или смерть. Никогда бы не подумал, что ад похож на такую заурядную вещь, как часы без стрелок.

Конец марта.

Неожиданно обнаружил, что Батис умеет играть в шахматы. Незначительный факт становится островком цивилизации в море безумия. Три партии. Две ничьи и одна победа. Стоит ли писать о том, кто её себе присвоил?

4 апреля.

Полдень. Мы играли в шахматы. Ночью на нас напали шесть раз, волны атак сменяли друг друга. Я стрелял так яростно, что затвор винтовки становился горячим. На сей раз это вызвано необходимостью, и Батис не ругался за безрассудную трату патронов.

8 апреля.

Я пытаюсь разыгрывать дебюты в романтическом ключе, но мои ходы разбиваются о защиту Каффа. В этом смысле он очень ловок. Он рокируется, и моя атака теряет силу. Человек действует в жизни подобно тому, как двигает фигуры на доске, тут нечего добавить. В каждом ходе видна сущность батисового или каффового — как вам больше понравится — характера. Чудища кричали сегодня за пределами круга, который очерчивает прожектор, во тьме. Словно стервятники, дерущиеся за добычу. Потом они двинулись было к маяку, но их строй рассыпался ещё до того, как мы выстрелили. Во всём этом есть какая-то тайна. Самое ужасное, что поведение чудовищ не поддаётся никакой логике. Оно непредсказуемо.

10 апреля — 22 апреля.

Я размышлял о мотивах, которые привели меня на остров. Мне хотелось найти покой пустоты. Но вместо тишины открылся ад, полный чудищ. Какие новые значения должны предстать перед моими глазами? Как правильно истолковать происходящее, следуя логике моего опекуна? Я часто вспоминаю его. Но сколько ни задаю себе вопросы, сколько ни пытаюсь найти на них ответы, прихожу лишь к одному страшному и неопровержимому выводу: это чудовища, чудовища и ещё раз чудовища. И нечего тут выдумывать, нечего искать, нечего объяснять.

23 апреля — 24 апреля.

Ужасные бои. Выстрелы в упор покрыли балкон брызгами синей крови и ошмётками мозгов и кишок. Две ночи подряд чудища поднимаются к самой линии кольев, и нам приходится сталкивать их ударами каблуков, колоть ножами и рубить топором. В этой ситуации Батис проявляет дикую сторону своей натуры. Когда они приближаются слишком близко, а руки и ноги страшилищ цепляются за верхний ряд кольев, Батис бросает ружьё и издаёт воинственный клич. Я отступаю на второй план, продолжая стрелять, чтобы прикрыть его, а он хватается в одну руку свой гарпун, а в другую — топор. Одним орудием он колет, другим — рубит. Кафф ранит, калечит и убивает с бешеной энергией, его руки подобны крыльям мельницы-убийцы. Он настоящий демон, яростный викинг, пират Красная Борода, берущий корабль на абордаж. В Батисе соединяются все эти персонажи и множество других. От его вида у меня мурашки бегут по коже. Мне бы не хотелось встретиться с таким врагом. Борьба происходит на самом деле, и я участвую в схватках здесь и сейчас, но всё это подобно наркотическим галлюцинациям. Когда всходит солнце, я испытываю сомнения относительно своего психического здоровья. Наша жизнь на маяке невероятна; наша жизнь на маяке — самая абсурдная из всех эпопей. Она лишена смысла.

Я прочитал свои записи. Они никогда не смогут передать охватывающего меня порой отчаяния; любая, даже самая изощрённая повествовательная техника не создала бы ничего, кроме бледного образа того кошмара, которому я пытаюсь придать словесную форму. Нам не уйти отсюда живыми, в этом нет сомнения. Я даже не уверен, увидим ли мы первый снегопад.

2 мая.

Я начинаю ощущать некую тень благодарности в поведении Батиса. Он ничем не выражает своего чувства, ни одно доброе слово не срывается с его губ, однако Кафф понимает, что моё присутствие помогает ему выжить. Он признаётся мне, что сдерживать атаки сейчас гораздо легче, чем раньше. Ни один человек на земле не смог бы противостоять в одиночку этим полчищам тварей, сбежавших из сумасшедшего дома морских глубин. Даже Батис. Однако жить так дальше невозможно. Наступит день, когда они возьмут нас числом.

3, 4 и 5 мая.

Всё по-прежнему. Я не могу понять Батиса. Его душевное состояние, на мой взгляд, совершенно не соответствует той опасности, которая нам угрожает. Чем отчаяннее наше положение ночью, тем счастливее он выглядит днём. Это какая-то эйфория сражений, желание броситься в пропасть. Кафф не желает понять, что бои на маяке — не рокировка на шахматной доске, и поражение хотя бы в одной из партий означает нашу гибель.

6 мая.

Ночью: выстрел Батиса задел мою руку. Пуля порвала рукав и вошла неглубоко. Но он стрелял в чудовище, которое на меня наседало, и мне остаётся только оправдать его действия и поблагодарить.

7, 8, 9, 10 и 11 мая.

Штурмы невероятно мощные. Нескольким чудовищам удалось вскарабкаться по противоположной стене маяка и напасть на нас сверху, где кольев не так много. В полном смысле слова: они падали на нас как снег на голову. Мы стреляли вверх и вниз, откуда они тоже появлялись. Сейчас мы тратим в среднем пятьдесят патронов за ночь. Ни в одном страшном сне невозможно увидеть столько чудищ.

Позже: серьёзная ссора с Батисом. Он обвинил меня в том, что я не уделяю достаточно времени укреплению стен маяка стёклами и гвоздями. Я возмутился. Даже от нечего делать я работаю вдвое больше, чем он. Мы осыпали друг друга ругательствами. Я обозвал его тупой скотиной и прокричал, что, кроме как трахаться, он ничего другого делать не умеет. Кафф грозился урезать мои права и впервые за всё время назвал меня оккупантом. Ещё никогда мы не опускались так низко.

12 мая.

Чудовище вцепилось мёртвой хваткой в правую ногу Батиса. Я хладнокровно убил его выстрелом в упор, но, падая, оно сорвало с ноги Каффа сапог и снесло ему полпальца. Он залечивал рану без единого слова.

Но жить так дальше нельзя.

8

Участившиеся бои привели к тому, что наши силы постепенно истощились. Мы напоминаем двух альпинистов, совершающих восхождение на горную вершину, испытывая недостаток кислорода. Наши движения стали чисто механическими. Если мы начинаем разговор, то ведём его как посредственные актёры, которые разыгрывают скучную пьесу. Моя усталость отличается от изнеможения первых дней; это усталость бегуна на длинные дистанции, менее заметная, менее отчаянная, но в то же время гораздо более глубокая. Мы почти перестали разговаривать. Нам нечего сказать друг другу, как двум узникам, приговорённым к смертной казни. На протяжении многих дней единственными словами, слетавшими с губ Каффа, был окрик „Камерад“, — когда ему от меня было что-нибудь нужно, или предупреждение „zum Leuchtturm“ по вечерам.

Опишу типичную картину: обычно я не сплю, занимаясь какой-то необходимой для укрепления позиций работой. Иногда, за неимением других занятий, поднимаюсь на верхний этаж, к прожекторам маяка. С самой верхней точки здания передо мной открываются необъятные дали.

Я не теряю надежды, что на горизонте появится какой-нибудь сбившийся с пути корабль. Но он не появляется. На крыше маяка, на её конической вершине, прикреплён простой железный флюгер. С того места, где я стою, его не видно, только слышно, как он тоскливо скрипит. Куда он указывает, не имеет никакого значения.

Сразу после полудня плотные волны розового цвета окутывают остров, подчёркивая его ничтожность посреди самого печального из океанов. На верхушках деревьев играют матовые отблески. Чувствуется отсутствие тепла, того тепла, которое испускают живые существа, когда движутся, я не говорю сейчас о градусах на термометре. Ни одной птицы. На южном берегу есть небольшая роща, деревья спускаются к самой воде. Листва касается поверхности моря, словно занавес, как это бывает на берегах тропических рек. Здесь этот пейзаж кажется неуместным. Стоит перевести взгляд немного дальше, и я вижу своё первое пристанище. Расстояние до него чуть больше тысячи метров. Но такое ощущение, что от этого дома меня отделяет целая эпоха. Сейчас я смотрю на него с точки зрения солдата. Думаю о нём, как об оставленной позиции, ничейной территории, которую не смог бы отвоевать даже под командованием Александра Македонского.

Я стою на балконе. Внизу — Батис. Он ходит. Нет, лучше сказать, — в движении. Кажется невероятным, сколько дел он умеет находить для себя здесь, на маяке. Как бы ни было истощено его тело, какой бы холодной ни была душа, он всегда чем-то занят. Кафф спит, трахается и сражается, а остальное время умеет посвятить самым разным мелочам. Например, может часами точить какой-нибудь гвоздь с усердием азиата. Или, рассупонившись и закрыв глаза, подставляет пузо солнечным лучам. Если он ещё разинет рот — станет похож на крокодила. Всё остальное ему безразлично.

— Мы погибнем, — сказал я как-то ему.

— Погибнем — значит, погибнем, — ответил он с фатализмом бедуина.

Иногда Батис садится на гранитную скалу и глядит прямо перед собой. Он смотрит, как лунатик. Таким образом ему удаётся забыть о бренности бытия. Короткие колья, которые я в своё время расставил повсюду, смотрят вверх своими остриями, а он всё выбирает удобную позицию и сидит с широко раскрытыми глазами. Его торс словно сросся с камнем, а фигура превратилась в подобие языческого идола. Батис переживает что-то вроде вечной смерти.

Вечером звучит сигнал тревоги:

— Zum Leuchtturm! На маяк!

* * *

Наша апатия рассеялась в тот день, когда по чистой случайности Батис поднялся на верхний этаж маяка. Он решил проверить, хорошо ли работают прожекторы. Я в это время смотрел в сторону затонувшего португальского судна. Батис принялся смазывать механизм. Чтобы не молчать, я спросил его, какой груз вёз этот корабль.

— Взрывчатку, — пробормотал он, стоя на коленях и настраивая прожектор.

— Вы в этом уверены? — спросил я лениво, просто чтобы поддержать разговор.

— Динамит. Контрабандный динамит, — пояснил он с присущей ему немногословностью.

На этом наш разговор прервался. Позже я заговорил о взрывчатке ещё раз. Как объяснил Каффу матрос, выживший в первую ночь, корабль вёз динамит нелегально. Им удалось заполучить его по бросовой цене на какой-то южноафриканской шахте, и они хотели выгодно его продать где-нибудь в Чили или в Аргентине. Взрывчатку могли бы использовать на нужды какой-то там революции. На складе маяка я обнаружил полное снаряжение аквалангиста. Моему мозгу потребовалось ещё два дня, чтобы в нём окончательно созрела одна идея. Но уже от самих мыслей в этом направлении ужасно хотелось смеяться. Ночь выдалась кошмарной: чудища сгрудились прямо за нашей дверью. Батис производил выстрел за выстрелом в темноту, но ему никак не удавалось их рассеять, поэтому он попросил меня проверить засовы. Я повиновался и стал спускаться по лестнице; округлые стены усиливали звуки, и внутри маяка вой чудищ звучал, как грозные мелодии гигантского органа. Мне захотелось вернуться, но я сделал над собой усилие и добрался до входной двери. Какой бы прочной ни была железная пластина, она уже прогнулась внутрь. Деревянные засовы наполовину сломались и трещали под напором чудовищ. Ничего путного я сделать не мог. Если бы они проникли внутрь, то сожрали бы нас — таков был бы наш конец. Но Батис убил многих из них, а может быть, им просто надоело сражаться.

На следующий день Кафф сказал, что ему нужно со мной поговорить. Я принял предложение с большим любопытством, потому что подобные начинания были не в его характере.

— После обеда, — сказал я.

— После обеда, — подтвердил он. И исчез.

Мне показалось, что Батис спрятался где-нибудь в лесу. С Каффом происходило нечто из ряда вон выходящее, если он вдруг решил предаться размышлениям.

Я занялся укреплением верёвочной сети с жестянками вокруг маяка. Тем временем животина вышла наружу. После упражнений с Батисом она не надела этот жуткий свитер и была нагой. Не заметив меня, она направилась к узкой полоске песка на берегу, с той стороны острова, где скалы были особенно высокими и острыми. Мне надоело моё изнурительное занятие, и я последовал за ней.

Я настиг её, прыгая с камня на камень. Скал здесь великое множество. Иногда мне казалось, что это место похоже на рот великана, который спит под землёй: песчаный берег — его челюсти, а камни — зубы. Между скалами, укрытые от волн и ветра, прятались маленькие островки песка. Животина выбрала одну такую ямку и устроилась там, как ящерица. Она лежала совершенно неподвижно. Её можно было спутать с гранитом, который служил ей защитой от морской стихии. Иногда волны всё же проникали в убежище, накрывая её с головой. Это производило на неё такое же впечатление, как на какую-нибудь креветку. Она не обращала на прилив ни малейшего внимания, как и на меня: я сидел на скале в двух шагах от неё, и моё присутствие не могло остаться незамеченным.

При виде этого существа становились понятны слабости природы Батиса. На сей раз мой интерес был отнюдь не научным. Каким-то чутьём она это поняла, потому что не убегала, но и не боялась меня. Я провёл рукой по её спине. Влажная кожа была скользкой, точно её покрывал слой оливкового масла. Животина не шевельнулась. То, что прикосновение не произвело на неё никакого впечатления, вызвало во мне какое-то незнакомое беспокойство. Набежавшая волна накрыла её пеленой пены, спрятав от меня нагое тело. Эта белая простыня искушала меня и в то же время вызывала чувство острого стыда. Я ушёл, ругая самого себя. Словно меня оскорбил голос, которому невозможно ответить.

После обеда Батис действительно завёл со мной разговор. Мы вышли с маяка под предлогом небольшой прогулки. Слова, сказанные им, скорее напоминали выражение последней воли. Мы шагали по лесу, и он, не говоря напрямую о поражении и не сходя с позиций плебейского стоицизма, описал наше положение так:

— Если хотите — уезжайте. Может быть, вам это неизвестно, но у нас есть шлюпка. Её оставил тот корабль, который привёз меня на остров. Она находится в маленькой бухте рядом с домом метеоролога, к северу от него. Её скрывает растительность. Я давно туда не ходил, но думаю, что она цела: лягушанам от людей нужно только их мясо. Возьмите с собой провизию и столько питьевой воды, сколько сможете увезти.

Он замолчал и зажёл сигарету. Потом, не переставая курить, сделал несколько упражнений руками, словно выражая таким способом своё пренебрежение к будущему.

— Совершенно очевидно, что из этой затеи ничего не выйдет. Поблизости нет никакой земли, кораблей вы тоже не встретите, а потому умрёте от голода и жажды. Это в том случае, если шторм не перевернёт вашу скорлупку. И если лягушаны не возьмут вас на абордаж. Но я не хочу лишать вас права выбора.

Вместо ответа я тоже зажёл сигарету и молча стоял перед ним. Было холоднее обычного. Пар, выходящий из наших ртов, смешивался с дымом сигарет. Батис видел, что я обдумываю его слова, но не мог даже представить направление моих мыслей.

— Я думаю, что следует сделать ещё одно усилие и рискнуть, — заявил я в конце концов. — На самом деле, терять нам нечего. Если чудовища снова примутся штурмовать дверь, их уже ничто не остановит. Я видел на маяке водолазный костюм и воздушный насос к нему. Как вы думаете, мы сможем погрузить всё это в шлюпку и добраться до португальского корабля?

Батис не понимал, куда я клоню. Он нахмурил брови.

— Динамит, динамит, — сказал я, показывая в сторону корабля сигаретой, которую держал в руке.

Батис вдруг напрягся всем телом, будто встал по стойке „смирно“:

— Вы хотите добраться на шлюпке до рифов, где затонул корабль. Потом надеть водолазный костюм, совершить погружение и достать динамит. Вы хотите с моей помощью спуститься в

царство лягушанов и прямо у них из-под носа утащить взрывчатку? — в нескольких словах описал он мою идею.

— Вы прекрасно изложили суть.

Батис посмотрел на меня, потом отвернулся и почесал затылок. Когда он снова взглянул на меня, его брови изогнулись дугой. Во взгляде читалась смесь жалости и безразличия.

— Послушайте, Кафф, может быть, это не так похоже на самоубийство, как кажется на первый взгляд. Чудища нападают на нас только ночью, как все хищники. Это означает, что днём они отдыхают. Если мы выберем подходящее время, у нас есть шанс успешно провести операцию. Море огромно. Кто знает, где они обитают? Неизвестно, находится ли их гнездо сразу по другую сторону острова или в десяти километрах от берега. На корабле, как вы сами сказали, нет ничего, что могло бы привлечь их внимание, а потому им незачем приближаться к нему. Батис отрицательно покачал головой. Ему не нравилось слушать ерунду. Но я не сдавался.

— Что нам терять? В сущности, мы просто два трупа, которые пока ещё могут говорить, и не более того. Вы сами только что утверждали, что мы находимся в конце пути. Батис, — настаивал я, — разрешите мне рассказать вам одну ирландскую историю. Однажды комиссар английских войск захотел поймать одного юношу. Он утверждал, что генерал Коллинз,

[8]

вождь повстанцев, ничего не стоит без своих командиров. Юноша был одним из тех безвестных командиров, которые обеспечивали связь Коллинза с повстанцами. Его преследовали непрерывно и неустанно. Однажды комиссар вернулся домой поздно после дня допросов и признаний. Он был доволен: на следующий день им наконец удастся взять этого юношу.

— Ну и что же? — робко поинтересовался Батис.

— Друзья юноши поджидали англичанина в столовой его собственного дома.

— А теперь я вам расскажу одну немецкую историю, — зарычал Батис. — Жил-был однажды бедный паренёк, сын крестьянина. Ему нравилось прятаться на деревьях и под кроватями. Когда он спускался с дерева или вылезал из-под кровати, то всегда получал подзатыльник. Конец истории.

— Вы мне нужны, Кафф. Кто-то же должен качать воздушный насос и вытаскивать ящики с взрывчаткой. Мне одному не справиться.

До этой минуты он слушал меня терпеливо, как слушают придурковатых детей или выживших из ума стариков, но, поскольку я продолжал настаивать, он повернулся ко мне спиной.

— Подождите! — закричал я, хватая его за руки. Он высвободился с неожиданной яростью, произнёс пару выражений на немецком языке, которые вряд ли могли выйти из-под пера Гёте, и пошёл прочь. Я последовал за ним. Оказавшись на маяке, Кафф занялся починкой двери. Он принялся поправлять нанесённый ей прошлой ночью ущерб, не обращая на меня никакого внимания.

— Это лишь отдалит наш конец, но не позволит его избежать. Подумайте о своих рокировках, Батис, — говорил я ему, — без защиты ладья королю крышка. — И почти на ухо, словно исповедуясь: — Сто трупов. Двести, триста чудищ, убитых бомбой, Батис. Такого урока они не забудут, и это спасёт нам жизнь. Всё зависит от вас.

Он уделил бы больше внимания жужжанию мухи. Как бы то ни было, я изложил ему свой план. Мне показалось, что теперь лучше дать ему некоторое время, чтобы он мог переварить услышанное. Естественно, я отдавал себе отчёт в том, что моё предложение было похоже на безумие. Однако и остальные варианты выглядели не лучше. Уехать с острова на шлюпке? Но куда? Выдерживать оборону? Сколько времени? Кафф рассматривал ситуацию с точки зрения фанатичного и тупого борца. Я же, напротив, испытывал отчаяние игрока, который ставит на кон в казино свою последнюю монету: нет никакого смысла хранить её.

Я собрал кое-какие инструменты, задубевшие от холода тряпки, банки со смолой и пустые мешки. Мне хотелось дойти до шлюпки, о которой говорил Батис, посмотреть, в каком она состоянии, и при необходимости просмолить. Потом я намеревался дойти до дома метеоролога, чтобы прихватить побольше гвоздей и дверные петли. Вне всякого сомнения, на маяке они нам

понадобятся. Поклажа оказалась тяжёлой, поэтому, столкнувшись в дверях с животинной, я взвалил на неё часть груза и довольно нелюбезным пинком направил её по новому маршруту. Лодка действительно оказалась на том самом месте, которое указал Батис. Деревья и поросль мха, который покрывал стволы, словно лишай — кожу человека, скрывали от глаз маленькую бухточку. Лодка была полна воды. Однако беглое обследование позволило мне заключить, что виной тому являлись дожди, а не щели в днище. Подводный мох спас дерево от гниения, защитив шлюпку своими ростками, точно слоем мазута. Мне не стоило большого труда вычерпать из неё воду и очистить от растительности.

Итак, в моём распоряжении было всё необходимое для осуществления плана. Оставалось преодолеть последнее препятствие: добиться того, чтобы Батис поехал со мной, дав добро на моё доблестное самоубийство. Я уже принял решение и ощутил необычный покой на душе. Бухточка, в форме подковы, была не больше маленького сарая. Я с трудом мог разглядеть за деревьями блеск моря. Игрушечные волны покачивали лодку и, тихонько ударяя в её борта, издавали гулкие пустые звуки. Меня наверняка ждала смерть, но этот конец был избран мною. Я считал это привилегией. Стоя в лодке, я довольно долго занимался чисткой ногтей. Этот маникюр сопровождался мыслями о прошлом.

Жизнь человека пролетает молниеносно. Однако во время своей короткой прогулки по миру человечество посвящает массу времени размышлениям. В моём мозгу всплыло первое воспоминание о детстве и последнее — о жизни в условиях цивилизации. Моим первым детским воспоминанием был порт. Мне было года три, а может быть, даже меньше. Я сидел на высоком стульчике в Блэкторне, рядом с такими же мальчишками. Из окна напротив открывался вид на самый серый порт в мире. Моим последним воспоминанием тоже был порт. Тот, который я увидел с кормы корабля, который привёз меня из Европы на остров. Действительно, жизнь — лишь миг.

Животина сидела на троне из мха, скрестив ноги и обхватив руками щиколотки. Спинай она опиралась на стволы дубов. Её взгляд был устремлён в несуществующую бесконечность. Она так органично вписывалась в окружающую природу и казалась такой совершенной, что её нищенская одежда казалась неуместной. Не будем наивными: я прекрасно сознавал, чего хочу, ещё до того, как снял с неё свитер. Мне предстояло скоро умереть, а перед смертью моральные устои рассыпаются в прах. Животина представлялась мне куклой, наиболее напоминающей женщину из всего, что меня окружало. Стоны этого тела день за днём, в течение нескольких месяцев сделали меня безразличным к моральным запретам.

Однако то, что случилось потом, оказалось для меня полнейшей неожиданностью. Я думал, что наше совокупление будет коротким, резким и грубым. Вместо этого я достиг оазиса. Сначала холод её кожи вызвал у меня дрожь. Но затем соприкосновение наших тел привело к тому, что их температуры уравновесились в какой-то неизвестной мне доселе точке, там, где понятия „холод“ и „тепло“ теряют смысл. Её тело казалось живой губкой, оно исторгало дурман, изничтожая меня, как человеческую личность. О Господи, какие минуты! Все женщины мира, праведницы и шлюхи, были перед ней не более чем пажамы во дворце, куда им навеки закрыт доступ, учениками мастеров ещё не изобретённого ремесла.

Быть может, это соприкосновение открывало некую мистическую дверь? Нет. Как раз наоборот. Когда я трахал её, эту безымянную животину, мне открылась истина, гротескная, трансцендентальная и одновременно ребяческая: Европа живёт жизнью кастрата.

Сексуальность этого существа была свободна от какого-либо балласта. Она понятия не имела об утончённости любовного искусства. Она просто трахалась, и в этом не было ни нежности, ни ласки, ни упрёка, ни боли, ни меркантильности публичного дома, ни самоотрешённости любовников. Она сводила тела к их единственному исходному измерению, и чем более животным было это совокупление, тем больше приносило оно наслаждения. Наслаждения чисто физического, какого я до сих пор не знал.

Мужчина моего возраста, где бы он ни жил, обычно уже имел возможность познать любовь и ненависть. Он пережил дни грусти и редкие минуты красоты, вкусил дух соперничества, нашёл друзей и врагов. Ему удалось достичь каких-нибудь успехов и пережить многочисленные поражения. Даже здесь, на маяке, мне было дано увидеть ужаснейшие картины агонии и ада. Однако человек не всегда может познать предельную страсть. Миллионы людей прожили свою жизнь и умерли, не встретив существа, обладающего этим даром, который в этой животине был так естественен и прост. До сих пор моё тело получало удовольствия, как добропорядочный

буржуа — дивиденды с капитала. Она же через наслаждение помогла мне почувствовать собственное тело: оно словно отделилось от меня, разрушив связь между личностью и наслаждением, которое я чувствовал так, словно оно было живым существом. Всему наступает конец, даже тому, что я пережил с ней. Когда мы потушили страсть, у меня создалось впечатление, что передо мной открылись вершины человеческого опыта за пределами наслаждения.

Моя личность медленно возвращалась на своё место. Я моргал, словно это помогало моему переходу в обычное состояние. Понадобилось несколько минут, прежде чем я снова мог различить температуру, ощутить запахи и цвета предметов вокруг. Она не поднималась со своего места, смотрела в небо и лениво потягивалась. „В чём тут ошибка?“ — спросил я себя, не понимая ни своего вопроса, ни причины, его вызвавшей. Только что это произошло со мной, я был кем-то другим. Смутное ощущение нелепости происшедшего овладело мной. Я чувствовал себя по-идиотски униженным. Меня одолевали сомнения, я не мог классифицировать свой опыт, а она спокойно потягивалась, как кошка. Я собрал вещи и направился к маяку. Она увидела, что я ухожу, и пошла за мной, соблюдая некоторую дистанцию. Мне хотелось возненавидеть её.

* * *

Когда мы пришли на маяк, оказалось, что Батис пересмотрел свою позицию. Как всегда молчаливый, он не решался сообщить мне об этом. В некоторых вопросах Кафф был очень гордым и не мог признать, что его наконец убедили идеи, с которыми он раньше был не согласен. Он подошёл ко мне и начал разговор, а это могло означать только одно: ему хотелось вернуться к вопросу о взрывчатке. Я всё ещё был не в себе и довольно долго не реагировал на его слова. Наконец я сказал:

— Есть такая ирландская притча, которая отдалённо напоминает вашу немецкую историю. Один ирландец, оказавшись в тёмной комнате, на ощупь ищет керосиновую лампу. Находит её, зажигает и видит, что в стене напротив есть другая дверь. Он быстро открывает её, переступает порог и закрывает её за собой, забыв в первой комнате керосиновую лампу. И тут ирландец обнаруживает, что снова оказался в тёмной комнате. Эта история может повторяться бесконечно: упрямый ирландец ищет керосиновые лампы, зажигает их, переступает пороги и закрывает за собой двери, забывая прихватить лампу. Всё время вперёд и вперёд, в новую темноту. Наконец, упрямый ирландец попадает в комнату без дверей, как мышь в мышеловку. И знаете, что он говорит? „Слава Богу! Это была моя последняя спичка“. — Тут я повысил голос: — Я не такой, как персонаж этой истории, Батис, не такой! Пятьсот чудищ будут уничтожены сразу, а может, шестьсот. Или семьсот. Как это вам? Он ещё некоторое время посопротивлялся для вида. Однако в нём уже проснулся охотничий азарт.

— Не беспокойтесь, — пошутил я, не глядя на него, без тени усмешки. — Если мой план не удастся и нас сожрут, я приму всю ответственность на себя. Животина сидела в уголке и чесала свой лобок.

В ранние утренние часы чудовища были менее активны, чем в любое другое время суток. Мы пришли к этому заключению, осознав, что наш распорядок дня является зеркальным отражением их деятельности: по сути говоря, мы приспособились к тому ритму, который они нам навязывали, а не наоборот, так что следовало ожидать некоего параллелизма. Мы направились к шлюпке после такой же бурной ночи, как все предыдущие. И на этот раз наша жизнь висела на волоске. В качестве дополнительного укрепления подходов к маяку после обеда мы просверлили дырки в граните, изрешетив его, и устроили настоящий ковёр из кольев прямо перед входом. Больше ничего придумать мы не могли и, по правде говоря, даже не знали, отпугнёт наша новая ловушка чудищ или, наоборот, разожжёт их пыл. Вечером они штурмовали дверь раз за разом, невзирая на свои потери, словно предчувствуя, что до победы осталось немного. Нападая целыми толпами, они размели наше ограждение; вязкая масса их

тел ревели и билась о дверь головами, ногами и кулаками. Нам пришлось пожертвовать последними бутылками, которые оставались у нас в запасе. Мы наполнили их смесью рома, мазута, смолы и прочих легковоспламеняющихся жидкостей, которые были в нашем распоряжении. Горлышки бутылок мы обматывали ватой, пропитанной спиртом. Батис поджигал их и передавал мне. Я бросал эти снаряды в чудищ. Их мокрые тела горели плохо, но, по крайней мере, нам удалось отпугнуть их.

Итак, ночь выдалась бессонной, но головы наши были ясны как никогда. Мы дважды прошли путь от маяка до лодки, чтобы перетащить туда снаряжение, которое состояло из воздушного насоса, прорезиненного водолазного костюма, скафандра из бронзы, специальной обуви на свинцовой платформе, тросов, переносного подъёмного блока, оружия и патронов. Мы шли на вёслах, сидя спиной к скале рядом с португальским кораблём. Она возвышалась над водой, словно торт. Иногда я оглядывался. Создавалось впечатление, что цель удаляется, вместо того чтобы приближаться. Расстояние — только сто метров, целая вечность. Каждый всплеск воды скрывал врага, каждая волна казалась ловушкой. Каждую секунду мне чудилось, что из пены показываются округлые черепа: то тут, то там. Ветки, которые плавали в воде, качаясь на волнах, напоминали мне лапы чудовищ. „Va bene,

[9]

va bene, va bene“, — напевал я сам себе по-итальянски; никакой уверенности в правоте этих слов у меня не было, я пел для того, чтобы мелодичность этого языка успокоила мои нервы.

— Заткните свою идиотскую пасть, — повторял Батис, который грёб рядом со мной, как раб на галере.

Поверхность океана отливала серым цветом надгробной плиты. В какой-то момент всплеск волны за бортом оросил нас брызгами. Я ощутил соль на губах. Страх и спешка мешали нам соизмерять силы: лодка натолкнулась на камни так резко, что мы непременно перевернулись бы, не оказавшись под водой наклонной плиты, по которой мягко проскользило днище шлюпки. Мы высадились на шершавые, источенные водой камни. В их многочисленных выемках скапливалась вода, кое-где подёрнутая корочкой льда. Ноги скользили, и нам то и дело приходилось помогать себе руками.

Мы заметили, что скала спускалась в воду плавно и на ней имелось много выступов, за которые можно было легко зацепиться. Я решил спуститься, подобно подводному альпинисту, по той стороне скалы, которая была ближе всего к кораблю. Батису предлагалось снабжать меня кислородом. По мере того как я буду привязывать ящики к тросу, он станет поднимать их вверх. Риск и работа делились между нами поровну: я спускаюсь в преисподнюю, а он поддерживает циркуляцию кислорода и вытаскивает взрывчатку вверх. Воздушный насос предстояло качать вручную в равномерном, постоянном ритме. При недостатке воздуха я бы задохнулся, а избыточное давление могло привести к разрыву лёгких. Всё осложняется тем, что Батису придётся качать насос одной рукой. Другая рука понадобится ему, чтобы вертеть ручку подъёмного блока, как только я привяжу к концу троса динамит. Мы установили насос и блок совсем близко друг от друга, чтобы облегчить ему работу. Мне оставалось только верить в то, что Кафф сможет работать синхронно. Я вздохнул.

Нос затонувшего корабля смотрел в небо, а корпус наклонился градусов на тридцать вправо. Днище так прочно сидело на камнях, словно его прошили свинцовыми заклёпками. В кормовой части, упиравшейся в песчаное дно, вне всякого сомнения, и находился груз. Батис был свидетелем кораблекрушения. По его словам, огромная трещина в корме корабля раскрылась по шву, как жестянка. Мы надеялись, что дыра окажется достаточно большой, чтобы я смог пройти через неё. Сначала мы хотели упростить операцию, а именно сделать следующее: водолаз спустится по палубе и проникнет внутрь по затопленным проходам, чтобы найти трюм. Но потом решили отказаться от этой затеи. Скорее всего, двери в коридорах окажутся запертыми, а железные детали — проржавевшими от воды. Мне там не пройти. Кроме того, на моём пути могут встретиться острые края дверей и люков, и теснота помещений поставит под угрозу мой воздушный шланг. Единственный выход мы видели в том, чтобы пройти до конца корабля, до его кормы, где, как мы предполагали, находился динамит.

Я надел водолазный костюм, свинцовую обувь и сел в шлюпку. Батис помог мне облачиться в скафандр: бронзовые пластины закрывали большую часть груди и спины. Потом — шлем. Его надо было навинтить на ворот водолазной куртки. Но в тот момент, когда Кафф собирался сделать это, я остановил его:

— Посмотрите.

Шёл снег. Сначала падали крошечные белые крупинки. Но очень быстро они увеличивались в размере, образуя большие хлопья. Они исчезали, едва коснувшись воды. Над морем шёл снег, и это явление — такое заурядное, обычное — вызвало во мне странное чувство. Снег внушал тишину и покой, служил своеобразной дирижёрской палочкой природы. До этого момента на море были небольшие барашки, но тут его поверхность вдруг разгладилась, словно подчиняясь неслышному приказу. Возможно, эта картина станет для меня последней в жизни. Мир представлял передо мной во всей своей скромной и непритязательной красоте. Я раскрыл ладонь. Хлопья снега падали на перчатку и сразу же исчезали. Мне вспомнилась Ирландия. Что такое Ирландия? Может быть, какая-то музыка. Я вспомнил своего наставника. И ещё одного незнакомца. Человека очень старого, любезного, который однажды, много лет тому назад, когда за мной гнались англичане, помог мне найти убежище, ни о чём не спрашивая. Вот и всё. У меня чуть напряглись скулы, как это бывает, когда хочется плакать.

Батис взглянул на небо, не выпуская шлема из рук. Судя по выражению его лица, он оценивал обстановку.

— Это просто снег, — сказал он.

— Да, просто снег, — повторил я, — снег, и всё. Надевайте на меня шлем, дорога каждая минута.

Кафф навинтил шлем и соединил воздушный шланг с клапаном на затылке. В руках я держал два троса. Один должен был обеспечивать мою связь с Батисом. Второй понадобится для подъёма взрывчатки.

— Не перепутайте, — напомнил ему я, — если я дёрну за сигнальный трос один раз, это значит, что всё идёт хорошо. Два рывка означают, что я привязал ящик к подъёмному тросу. Если я дёрну три раза подряд, рубите шланг одним ударом топора и сматывайтесь скорее.

Я зафиксировал иллюминаторы, они были абсолютно круглые. Один из них располагался спереди, а два других — по бокам. Мы проверили воздушный шланг, и я начал спускаться под воду. Волны поглотили меня, охватив леденящим холодом. В одну секунду я оказался в толще воды. Выступы на скале служили мне ступенями, что позволило спускаться довольно быстро. Время от времени я поворачивал голову, но через боковые стёкла не мог рассмотреть ничего примечательного. За моей спиной простирался безграничный океан. Перед самым носом я видел только мёртвую голую скалу.

Наконец наступил момент, когда я ощутил под ногами пустоту. Мы договорились с Батисом, что он будет спускать воздушный шланг, без какого бы то ни было натяжения, для того чтобы я мог в случае необходимости прыгнуть в глубину. Мне пришло в голову дёрнуть за сигнальный трос один раз, подтверждая, что всё идёт хорошо, прежде чем броситься вниз. Свинцовые грузы на обуви позволили плавно спуститься, перевесив выталкивающую силу, и я, мягко спружинив, коснулся дна. Оттуда медленно поднялось облако мути, но оно заволокло меня только до пояса. Песок тонким слоем покрывал дно, которое казалось совершенно гладким. Идти было так же легко, как гулять по лугу. С другой стороны, я ощущал сопротивление воды, которое замедляло все мои движения.

Я очутился в мире, где царствует тишина. Внутри шлема слышится моё дыхание и сопение носа, резкий всхлип вдруг срывается с губ. Я стараюсь сдержаться, потому что понимаю, что звуки, издаваемые мной, подгоняют мои страхи. В левой руке я держу два троса, в правой — нож. Оглядываюсь по сторонам. Ни одного чудища не видно, не видно вообще ничего. Дальше тридцати или сорока метров всё скрыто от взора. Справа от меня — пузо корабля. Он напоминает труп кита. Прямо передо мной — необъятное пространство. Какие-то непонятные хлопья беспорядочно движутся в подвешенном состоянии, напоминая чёрный снег. Нити водорослей, словно серпантин, тянутся вверх и почти не колышутся. У огромного открытого пространства нет дверей, граница сумрака теряется вдали. Это противоречит урокам католических священников: в ад человек попадает не сразу, он спускается туда постепенно, маленькими шажками.

Я переместился в неопределённое промежуточное пространство, где синева водной толщи плавно переходила в черноту, здесь не было видно даже подводного мусора. Пейзаж стал более величественным. Чудовища могли появиться с любой стороны, в любой момент. „Не думай об этом, — сказал я себе, — просто делай своё дело“. Подобный совет был самым разумным и самым невыполнимым.

Я двинулся к корме корабля. Так и есть: от удара стальной лист треснул, и днище превратилось в искусственный грот. Корабль слегка накренился на правый бок. Груз сместился в трюме во время крушения, большая часть его вывалилась из дыры в днище. Это был настоящий подарок судьбы, потому что теперь я мог не залезать в трюм. Прямоугольные металлические ящики валялись недалеко от открытой раны корабля. Я смёл перчаткой песок с одного из них и прочитал на ней надпись заглавными буквами: „ОСТОРОЖНО! ОЧЕНЬ ОПАСНО!“.

Мне оставалось только привязывать подъёмный трос к одной из ручек ящика и дёргать два раза. Кафф с немецкой исполнительностью поднимал груз на поверхность. Ящики исчезали над моей головой. Когда Батис отвязывал их, он бросал трос обратно. На его конце был закреплён груз, это позволяло ему падать отвесно вниз. Трос ложился недалеко от меня на дно и замирал. Я работал, испытывая страсть золотоискателя, до тех пор, пока Батис не стал раскачивать сигнальный трос, который соединял два мира. Сначала я не понял его. Нам угрожала какая-то опасность? Однако я не видел ни следа чудищ. Наверное, наверху просто скопилось слишком много ящиков. Но меня охватило подобие золотой лихорадки. „Ещё один, Батис, — мысленно умолял его я, — только один, и всё“. Не обращая внимания на движения сигнального троса, я схватил ещё один ящик. Кафф поднял его на поверхность, но на сей раз трос вернулся ко мне с узлом, завязанным около груза: прикрепить следующий ящик я не мог — таким образом Батис давал понять, что пора заканчивать операцию. Собрав остатки благоразумия, которые ещё у меня сохранились, я повиновался.

Каким бы странным это ни показалось, для меня наступили самые страшные минуты. Говорят, ни один солдат не хочет быть последним из павших на войне. Здесь заключена истина, лишённая всякой логики, но по-человечески понятная. Погибнуть именно сейчас, после головокружительного успеха операции, казалось слишком обидным. Неожиданно скафандр показался мне страшно тяжёлым. До этой минуты я не замечал, что металлический ворот натёр шею до крови. Ноги, отягчённые свинцом, шагали в сторону скалы, но их движения виделись мне как в страшном сне детства: отчаянно медленными. Дыхание было таким, словно лёгкие подчинялись какому-то невидимому мотору. Я хотел выбраться наружу, но не мог. Мы не предвидели одного очевидного обстоятельства: при спуске я прыгнул со скалы; вернуться тем же путём не представлялось возможным. Скала возвышалась, как огромный гнилой зуб. Мне было не под силу выбраться по ней вверх, а Батис, качая воздушный насос, не сможет поднять меня на лебёдке одной рукой. А вдруг они появятся? Ужас и воображение заполнили мой мозг одновременно. Эта жидкая безграничность сейчас была самым страшным из невидимых врагов. Там, наверху, Батис не мог понять, почему воздушный шланг совершает беспорядочные движения. Я ходил вдоль скалы туда и сюда, пытаясь отыскать удобное для подъёма место. Наконец мне стало ясно, что подняться я смогу только по скале возле корпуса корабля. Но это был маршрут для профессионального скалолаза. Некоторые камни падали, стоило лишь коснуться их носком башмака. Я поскользнулся и пролетел пять или даже десять метров вниз. Я снова оказался на дне. Справа от меня в стене было углубление; мне почудилось какое-то движение, какая-то тень. „Нет, нет, это не они“, — сказал я себе. Это утверждение означало лишь одно: мне хотелось быть оптимистом. Я сделал над собой усилие и сконцентрировался. Мне предстояло подниматься пядь за пядью, не поворачивая головы, не думая о том, что в любой момент на меня могут напасть и оторвать руку или ногу. Я решил использовать технику моряков, которую они применяют, поднимаясь по верёвочному трапу: сначала убеждался в том, что три конечности из четырёх надёжно закреплены, и лишь потом производил следующее движение. До поверхности оставалось совсем немного, мне уже была видна фигура Батиса, подгонявшего меня жестами свободной руки. Я почувствовал, что мочусь внутри водолазного костюма.

Кафф одним прыжком оказался у воды и вытащил меня, схватив под мышки. Он хотел помочь мне снять шлем, но я стал отбиваться:

— Не теряйте времени! Грузите динамит в шлюпку!

Скинув снаряжение, я принялся вместе с ним грузить ящики в лодку. Наш груз был таким тяжёлым, что вода лишь на ладонь не доходила до борта. Каким-то чудом уже через пару минут мы снова оказались на острове: целые, невредимые и с победой. Мы оставили шлюпку недалеко от маяка, на маленьком галечном пляже. Прямо на берегу Кафф открыл несколько ящиков, используя ручку топора в качестве рычага. В каждом из них оказалось семьдесят динамитных шашек. Они были сухими и пригодными к действию.

И тут нами овладело какое-то необъяснимое сумасшествие. Мы переглянулись. Шёл крупный и частый снег. Наши волосы покрылись белыми хлопьями. Мы перевели взгляд на динамитные шашки, потом уставились друг на друга и вдруг поняли, что думаем об одном и том же. Я сам не мог поверить в происходящее, это было невероятно. Мы привезли пятьдесят ящиков с динамитом. С таким запасом боеприпасов можно здорово насолить врагу. А если бы их было шестьдесят? Восемьдесят? Или даже сто? Чудовища не знали ненависти. Они являлись частью природы, их сила была сродни урагану или циклону. Но нас в тот момент захлестнула волна истинной жестокости — в наших руках было мощное оружие, и мы могли нанести им серьёзное поражение. Кажется, мы обезумели. Обезумели до такой степени, что сами понимали невероятность своего состояния. Я говорил и сам не верил, что произносил эти слова:

— Убьём их! Убьём всех до одного! Уничтожим!

— Да, убьём их! Убьём всех до одного! Уничтожим! — подтвердил Кафф, и мы вернулись в шлюпку, словно второе самоубийственное путешествие было запланировано с самого начала и теперь вместо нас за динамитом отправлялись другие люди.

Мы добрались до скал. Я снова надел водолазный костюм и погрузился в воду, действуя на этот раз быстрее и увереннее, — сказывался предыдущий опыт. Это было непростительной глупостью. Я передвигался на корме португальского корабля, совершенно беззащитный в мире, где обитали чудища. Когда я нашёл ящики, мне представились самые радужные картины. Мы подняли наверх три ящика, четыре, пять. Десять, двадцать. После этого, сколько бы я ни рылся в песке в поисках новых ящиков, мне не удавалось найти ни одного, — казалось, запасы кончились. Я дёрнул за сигнальный трос один раз: всё в порядке.

Дыра в корпусе корабля была так велика, словно страшный великан выгрыз её своими зубами. Попасть внутрь мне не стоило большого труда. Я беспокоился только о том, чтобы шланг за моей спиной не выпал из жёлоба в железном борту корабля: на его гладких стенках не было ни одного острия, которое бы могло повредить шланг. В трюме оказалось множество ящиков. Я привязывал к одному из них подъёмный трос и выкидывал наружу. Потом дёргал дважды за сигнальный конец, чтобы Батис поднял груз наверх, и брался за следующий.

Должно быть, я уже выгасил пятнадцать ящиков, а может, двадцать или даже больше. Монотонные движения утомили меня, и я остановился. Свет ранних сумерек освещал трюм. Избыток железа вокруг усиливал ощущение клаустрофобии. Я находился внутри корабля, внутри скафандра, в оболочке своих страхов, которые привели меня сюда, спровоцировав приступ крысиного героизма. Если прибавить к этому плотность окружавшей меня воды, то картина представлялась самой мрачной из всех виденных мною. Корпус и механизмы были наполовину изъедены ржавчиной. Я вдруг подумал, что ни один из этих предметов не был создан с мыслью о счастье человека. Свинцовые подошвы касались железа, и мои шаги отдавались гулкими звуками и искажённым эхом. В глубине помещения я заметил люк овальной формы. И тут я увидел их.

Они невозмутимо наблюдали за мной. Как давно они меня обнаружили? Я завопил внутри шлема. Мне негде было от них скрыться. Эти существа были в своей родной среде и двигались молниеносно. Они набросились на меня со всех сторон. Я стал размахивать в воде ножом в бессмысленной попытке отпугнуть их.

Но, когда я уже причислил себя к мертвецам, произошло чудо воскрешения. Стёкла моих иллюминаторов увеличивали окружающие предметы. На самом деле чудища были не более полуметра ростом. Их тела отличались худобой и хрупкостью, на спине виднелась блестящая серебристо-серая линия позвоночника, которая потемнеет лишь годы спустя, как у их родителей. Они выглядели настоящими головоастиками, во всех смыслах этого слова, выражение их лиц было сродни улыбке дельфинов. Они перемещались, словно стайка птичек, с головокружительной быстротой, с лёгкостью увиливая от меня, когда я пытался неуклюже защищаться. Они прихватывали пальчиками ткань моего костюма, дотрагивались до шлема, который их особенно привлекал, и быстро отплывали в сторону. Возможно, из-за моей одежды

и особенно из-за скафандра они принимали меня за какого-то дальнего родственника. О Господи! Я понял. Они же просто играли. Для них эта куча металлолома была садом, а я — неизвестным пришельцем. Если бы меня попросили обозначить каким-нибудь словом их восторженные возгласы, я бы сказал, что они чирикали. Моё появление было для них, вероятно, из ряда вон выходящим событием. Я ожидал встречи с кровавыми хищниками, а обнаружил маленький подводный кордебалет.

Я затрудняюсь сказать, сколько времени провёл в их обществе. Против всех ожиданий, их присутствие приносило на это кладбище благотворный свет. Впервые с момента приезда на остров страх оставил меня. Словно огромный груз упал с моих плеч. Я почувствовал себя свободным от ужаса. До этой минуты я не осознавал, какую тяжкую ношу постоянного и неотступного кошмара мне приходилось нести. Месяц за месяцем, днём и ночью мной владел страх. Он шёл за мной по пятам. Почему именно сейчас, в самой утробе ада, я не чувствовал ужаса? Я не мог найти ответ на этот вопрос, пока не схватил одного из малышей за руку: он тоже меня не боялся. Это было чудовище, потенциальное чудовище, а потому мне бы следовало свернуть ему шею. Но малыш меня не боялся. Он боялся щекотки и потому засмеялся. Это был, само собой разумеется, подводный смех. Он смеялся ртом, бровями, глазами, а его ручонка ощупывала мои пальцы, обхватившие его локоток. Под водой его смех звучал, как гостиничный колокольчик. Я отпустил его, но он не скрылся, а остался передо мной, порхая, как бабочка, и смеясь. Он постучал в стекло иллюминатора своими крохотными пальчиками. Потом прижал к стеклу ладошку. Воспоминание об этих малюсеньких серых пальчиках не оставляло меня много дней спустя.

Я выбрался из трюма. На всём протяжении моего подъёма существа сопровождали меня. Они кружились и с бесцеремонной нежностью покусывали складки моего костюма. Это было похоже на игру шаловливого котёнка. По мере того как я приближался к поверхности, их становилось всё меньше. Когда моя голова показалась над водой, Батис подпрыгнул от неожиданности:

— А я-то думал, что вы решили поселиться там навеки! Майн гот, что с вами стряслось? Ноги не держали меня. Батис помог снять шлем и заметил странное выражение моего лица. Наверное, я напоминал гонца, силы которого были так истощены, что он забыл, какое послание ему следует передать.

— Лягушаны? — спросил он меня в сильном волнении.

— Нет, маленькие дельфинята!

Батис отступил на шаг. Он смотрел на меня так, словно хотел определить, не помешался ли я рассудком.

— Вы заработали глубинную болезнь, — заключил он. — Ничего, скоро поправитесь.

И тут мне вдруг показалось, что он заразился тем самым безумием, которым, по его мнению, страдал я. Кафф, сдержав крик, сдёрнул с плеча ружьё. Рядом с нами над водой показалась голова. У меня не было сил подняться со скалы, но я махнул рукой:

— Не стреляйте! Ради Бога, Кафф, не стреляйте!

За одну короткую минуту Батис перевёл взгляд на неподвижное чудовище, а потом опять уставился на меня.

— Не стреляйте! — повторил я, лёжа на камнях. — Это просто детёныш.

Батис оказался недостаточно проворным. Когда он вскинул ружьё и прицелился, поверхность океана была снова идеально гладкой.

Возвратившись на остров, мы удивились, насколько изменился пейзаж. Снег покрывал деревья, и ветки гнулись под белым грузом. Дорожка в лесу исчезла, от неё не осталось и следа. Мы первыми ступали по этому нетронутому ковру. Мрачная картина суровой и неуютной земли приобретала под этим покровом цвета слоновой кости невероятно нежный оттенок. Снег припорошил следы битв, покрыл гранит и коническую крышу маяка. Сахарной корочкой скрыл от наших глаз кучи мусора, скопившиеся снаружи, в пятидесяти метрах от нашего жилища. Даже на ближайших к берегу камнях лежали белые шапки, и волны старались их слизнуть. Это

действовало на меня как наркотик. Я представлял резвящихся детёнышей чудищ, не утруждая себя осмыслением увиденных сцен. А теперь эта белизна вызывала во мне чувство нежности, от которого ныло в груди. Мы принялись разгружать взрывчатку. Моё тело выполняло эту работу без участия моей души.

Батис не знал отдыха. Его воинственный настрой определял наши действия. Сначала мы перебрали и пересчитали динамитные шашки. Таким количеством можно взорвать половину Лондона. У нас на складе были сотни метров детонирующего шнура и три детонатора — квадратных ящика с рычагом в форме буквы „Г“. Они сохранились среди запасов оборудования, которое когда-то было доставлено на маяк. Согласно уставу, в случае военных действий их следовало использовать для уничтожения сооружений. По небрежности или незнанию военные оставили шнур и детонаторы где-то в углу.

Наконец мы разложили боеприпасы. Батис завершил свою часть работы. Наступила моя очередь применить опыт саботажника. Мы могли использовать шашки по одной, как ручные гранаты. Но мне хотелось большего. Детонирующий шнур и детонаторы создавали дополнительные преимущества. Я решил организовать три разрушительных фронта.

Первые заряды я размещу прямо перед гранитной скалой, на которой высился маяк. Эта линия будет находиться к нам ближе всего, и по причинам безопасности заряды здесь не должны быть слишком мощными. Ни один из нас не обладал опытом настоящего сапёра и не знал взрывную силу динамита; стоит только переборщить, и от маяка не останется и следа.

Вторая линия пройдёт в двадцати метрах от первой, по опушке леса. Мы зароем шашки в снег и соединим их между собой при помощи шнура. На этом уровне я решил сосредоточить самые мощные заряды. Мне это казалось разумным: именно здесь — между лесом и скалой — обычно собирается основная масса чудищ. Перед маяком на всём протяжении от берега до берега мы поместим заряды в маленьких ямках.

Третья линия пройдёт ещё дальше: мы спрячем шашки в лесу между деревьями. Эту линию можно будет использовать по обстоятельствам и взрывать шашки, когда это покажется необходимым. Если мы захотим, чтобы чудища устремились толпой в сторону второй линии, взрыв надо будет произвести перед её использованием. Если же понадобится добить отступающего противника, мы взорвём эти шашки после основного удара. Каждая линия будет иметь свой детонатор, и мы сможем приводить их в действие, когда того потребуют обстоятельства.

Мы работали весь день. Брала по десять шашек, связывали их и соединяли с одним запалом, потом закапывали заряд, отходили на несколько метров и повторяли операцию ещё раз. Завершив всю линию, закопали также шнур, метр за метром, и вывели его конец у маяка. Потом закрепили его на стене и подняли до самого балкона, где стояли детонаторы. Животина работала вместе с нами, не осознавая, что делает. Она наполняла на берегу мешки песком до самого верха; мы привязали их к решётке на балконе, чтобы получилась баррикада. Там мы сможем укрываться от картечи, которая, скорее всего, будет лететь во все стороны. Мы трудились весь день как рабы, и к вечеру великолепное сапёрное сооружение было завершено. — После сегодняшней ночи останется много сирот, — подумал я вслух.

— Затем мы и работали, — сказал Батис.

На остров опустилась ночь. Но они не приходили. После стольких дней мощных атак они не появлялись. Это казалось невероятным. По мере того как время шло, наше нетерпение возрастало. Где они, куда запропастились? Батис был куда более флегматичным караульным. Он провожал луч маяка круговым движением ствола своего Ремингтона. Прожектор дырявил тьму, но в его свете виднелись лишь безобидные хлопья снега. Ни одного следа, ни одного отпечатка ноги, кроме тех, что оставили наши сапоги, не нарушали белизны снежного пейзажа. У меня вспотели руки. Я то и дело снимал и надевал перчатки и убирал льдинки с усов. Может, снег нарушил привычный распорядок их жизни?

Следующая ночь принесла лишь несколько незначительных сюрпризов. Некоторых из них мы увидели, вернее сказать, услышали. Они квакали своими лягушачьими голосами за пределами светового круга, по разные стороны от маяка, но их намерения остались для нас тайной. Когда первые солнечные лучи упали на землю, мы различили их фигуры: две, три, четыре, может быть, пять, не больше. Они двигались по опушке леса, то и дело меняя направление, и даже не приблизились к маяку. На них не стоило тратить патроны, и уж тем более — динамит. В следующие ночи история повторилась. Они были, но их не было.

В моей голове роились самые невероятные предположения. Днём меня постоянно тянуло к нашим линиям обороны, туда, где связки динамитных шашек, соединённые между собой, были спрятаны в снегу. Я разглядывал отпечатки их лап, стоя на коленях, как настоящий следопыт, пытаюсь понять, какая логика руководила действиями чудищ. Может быть, они учуяли динамит? Предчувствовала ли эта толпа, движимая стадным чувством, новую опасность, более грозную, чем ружья и винтовки, с которыми им уже довелось познакомиться? Иногда я удивлялся самому себе, пытаюсь найти хоть какой-то смысл в лабиринте их следов. А что, если они хитрее лисы? Однако взрывчатка оставалась нетронутой. Мы пропустили шнур через обрезки шлангов и водопроводных труб, которые нашли на маяке, и только потом закопали в снег. Ни одно из наших устройств не пострадало.

Пока между баталиями длилась пауза, я ещё пару раз трахался с животной. Я уводил её с маяка под предлогом того, что хотел отнести в лес разные железяки и мне нужна была помощь. В течение дня, чтобы занять своё время, я обкладывал шашки кусками жести, гвоздями и галькой, а также небольшими острыми предметами, которые находил вокруг. Дом метеоролога как нельзя подходил для моих планов. Мы разбирали его по кусочкам, в прямом смысле этого слова, в поисках материалов для нашего наступления. После того как мешки были наполнены, а иногда и до этого я укладывал её на кровать и овладевал ею.

Философия и любовь порой противостоят друг другу в скрытых от глаз сферах. Но война и половой акт — это настоящий рукопашный бой. Насилие над животной совершалось как бы с её согласия. Мне не хватало рук и ног, чтобы охватить всё её тело, всю поверхность кожи. Я обращался с ней так, словно хотел добить никчёмную скотину. После каждого совокупления я испытывал острую ненависть к этой посланнице преисподней.

Бескрайнее наслаждение уже не было для меня новостью. Однако и не умаляло его. Мне довелось пережить это чувство два или три раза; может быть, четыре. Каждый раз после этого я испытывал особую тоску, чувство детской незащитности. Так томится влюблённый, не зная своей возлюбленной, или заплутавший в пустыне, совершая бесконечные круги по песку. Запустение, царившее в нашем убежище, усиливало ощущение тупика. Дом напоминал крошечный Рим, разрушенный за тысячелетие варварских набегов. Я лежал рядом с животной под холодными и грязными одеялами, жёсткими, словно картонные листы, и дом, изъеденный временем, направлял на меня свою лупу, точно на муравья. Вода, текущая с потолка, превращалась в ледяные пластины. Влажность согнула деревянную обшивку стен, и доски выворачивались, словно подсолнечники. Там, внутри дома, течение времени замедлялось; жизнь виделась глазами червяка. В те дни в этих четырёх стенах я чувствовал себя на середине пути между жизнью и смертью. Моё существование подчинялось лишь двум желаниям: убивать и любить. Однако оба были невыполнимы.

— Сегодня точно придут, — говорил иногда Батис с видом крестьянина, который предсказывает погоду. Но каждый раз ошибался. Чудища просто испарились. Это не было осторожностью, они презирали нас. Если нам и удавалось их увидеть, то совершенно случайно. Мы слышали топот маленьких стад за пределами светового круга прожектора. Иногда их скрипучие голоса раздавались за пеленой ночного снегопада, иногда они молча следили за нами, но маяк не привлекал их. Можно было предположить, что они пересекали твердь острова в темноте, следуя по какому-то своему маршруту к некой определённой точке, и самый короткий путь туда проходил через лес. Только и всего. Как-то раз мы выстрелили в направлении голосов разноцветными ракетами в надежде привлечь их к маяку. Безрезультатно.

* * *

Никогда в жизни не подумал бы, что когда-нибудь буду страстно желать, чтобы на нас напали толпы чудовищ. Но в действительности их отсутствие в эти дни ставило меня на грань помешательства. Однажды я увидел, что Батис сидит на стуле у наружной стены маяка. Я вынес второй стул для себя. Одна из его ножек оказалась короче других, мне не удалось удержаться, и я упал, смешно вскинув ноги. Стульев нам не хватало; и его нетрудно было починить. Несмотря на это, я разбил его о стену маяка. Я сломал ножки, спинку, а потом ещё попрыгал на обломках, чтобы от сего предмета мебели не осталось и следа. Батис смотрел на меня, потягивая ром. Он не раскрыл рта.

В другой раз я чуть не убил животину. Не припомню, как это вышло; впрочем, большого значения это не имеет. Кажется, она перетаскивала поленья. Одно из трёх, что были в её руках,

упало на землю. Когда это неловкое существо хотело поднять его, ещё одно полено покатилося на землю. Она нагнулась, чтобы поднять второе полено, и потеряла третье. Идиотская операция повторялась до бесконечности. Я подошёл к ней.

— Подними поленья, — сказал я. Она пыталась выполнить приказ и терпела неудачу за неудачей. Я дал ей подзатыльник. — Подними поленья. — Мои окрики внушали ей ужас. — Подними поленья! — Она дрожала от страха. Я схватил её за шиворот. — Подними поленья! — Она пискнула, прося о помощи, и это вызвало во мне прилив ярости. Я, без сомнения, убил бы её, не появившись вовремя Батис.

— Камерад, это всего лишь лягушан.

Эти слова не были выражением милосердия, а просто заявлением собственника, тут не должно быть заблуждений. То, что я избивал это существо, задевало его только потому, что нарушало его право собственности на животину, не более того.

— Да, лягушан. И только один. В этом-то вся проблема, — сказал я. И ушёл.

Моё отчаяние объяснялось тем, что в мозгу то и дело вспыхивали мысли, в которых мне не слишком хотелось себе признаться. Во-первых, было совершенно очевидно одно: я вложил капитал собственной жизни в подводное приключение — там, на португальском корабле, я рисковал своей шкурой. И по какому-то необъяснимому стечению обстоятельств, после того как мне пришлось подвергнуться риску, нашими врагами овладела апатия. Это выводило меня из себя. После той операции я чувствовал себя как добропорядочный буржуа, который ожидает отдачи от своих трудов. Более того: я думал, или хотел думать, что массовое уничтожение чудищ избавит меня от опасности, которая мне угрожала, раз и навсегда, что ад исчезнет и больше не появится. С другой стороны, во мне жило волнение, которое я не мог выразить словами. Крошечная ручонка у стекла скафандра. И ещё сексуальность животины. В течение дня разброд мыслей вызывал у меня галлюцинации курильщика опия. Батис сидел передо мной и ворчал что-то, а я отвечал чаще всего невпопад. Моё внимание рассеивалось. Расстояние между нами заполнялось фигурами, сотканными из дыма.

Я видел подводную ручонку. Её пальчики скреблись в стекло без страха, по-детски невинно. Потом возникла фигура животины. Она извивалась прямо передо мной, и зрелище было таким ярким, словно воздух превратился в экран. Затем — наше совокупление со всех точек зрения. Такое грубое и такое простое.

Самое главное противоречие заключалось в том, что чем большее наслаждение я получал, тем сильнее ненавидел животину. Для меня она была одним из чудищ, и то, что они приносили с собой столько ужаса, а она дарила мне такое блаженство, возможно, объясняло те приступы нервного возбуждения, которыми я страдал. „Думай, думай, — говорил я себе, стуча себе по лбу кулаком, — думай, думай“. Но „думать“ для меня не означало „размышлять“, я умел только строить планы. Действие вытесняло идеи; когда я пытался взвесить и оценить обстоятельства, мой мозг сопротивлялся и скрипел подобно несмазанному дверным петлям. Мы приготовились к наступлению, и мне не хотелось оставлять занятую позицию.

— Батис, — сказал я однажды, — мы должны рискнуть. Давайте бросим им какую-нибудь наживку, посмотрим, как они отреагируют. Нам надо будет оставить дверь открытой. — Не дожидаясь его возражений, я поспешил добавить: — Это вовсе не так опасно, как кажется. Посудите сами, они могут подниматься по винтовой лестнице только по одному. Стрелок, расположившись около люка, сможет легко справиться с ними. Но, думаю, до этого дело не дойдёт. Нам нужно только, чтобы они столпились у маяка. Когда это случится, они взлетят на воздух.

Батис смотрел на меня взглядом девственницы, к которой приближается насильник. Целую вечность он в одиночестве или с посторонней помощью защищал маяк, и лапы чудовищ не коснулись плит его святилища. А теперь я предлагал ему открыть дверь.

— Тысяча мёртвых чудищ, Батис, — сказал я, чтобы это число разбудило его скудное воображение.

— А кто будет дёргать рычаг детонатора?

В этом вопросе отразилось ребячество Батиса. Существуют бойцы двух типов. Одни обдумывают стратегии, а другие не могут преодолеть в себе детской склонности ломать всё вокруг. Я причислял себя к первой группе, Батис, похоже, был из числа последних.

— Можете делать это сами, — успокоил я его. — Если не возражаете, я буду прикрывать люк над лестницей, пока вы будете отпирать их в преисподнюю.

Так мы и решили. С наступлением сумерек я открыл дверь. Через каждые двадцать ступенек я поставил по керосиновой лампе, чтобы увидеть чудищ и остановить, если они проникнут внутрь. Мне будет достаточно просунуть ствол ремингтона в люк. Даже самый плохой стрелок в мире не промажет в таких условиях. Батис стоял на балконе, я прикрывал его со спины, держа лестницу под контролем.

— Ну, что? Вы их видите? — спросил его я.

— Нет.

По прошествии нескольких минут:

— А сейчас? А сейчас, Батис?

— Нет. Я ничего не вижу. Ничего.

Я хотел убедиться в этом сам и, движимый нетерпением, приблизился к балкону.

— Вернитесь к люку! — завопил Батис. — Немедленно, чёрт вас побери! Вы что, хотите, чтобы нас убили?

Он был совершенно прав. Чудища могли укрыться от луча прожектора и напасть на нас неожиданно. Но я тоже ничего не видел. Лишь слабый свет керосиновых ламп, распределённых на каждом витке лестницы. Огонь дрожал при малейшем движении воздуха.

— Два, — сказал Батис.

— Где они, где? — закричал я со своей позиции, требуя уточнения.

— На востоке. Идут сюда. Их четверо, пятеро. Не могу сосчитать.

— Не стреляйте. Пусть подойдут ближе. И пусть увидят открытую дверь.

Этот обмен краткими телеграфными репликами обжигал мне нервы. Кафф ходил по балкону, вглядываясь в темноту. Я целился из ремингтона в люк, то и дело взглядывая на Батиса и спрашивая, нет ли каких-нибудь новостей снаружи. Это едва не стало роковой ошибкой. Звон разбитого стекла привлёк моё внимание. Керосиновые лампы на нижних витках лестницы потухли.

— Кафф, они уже здесь! — закричал я.

Мне было слышны их звуки там, внизу. Я успел заметить лапу, которая схватила третью лампу. Теперь большая часть лестницы оказалась в темноте. Нижний этаж превратился в чёрную дыру, откуда до меня доносился концерт лягушачьих голосов. Неожиданно одно чудовище, оторвавшись от собратьев, стало молниеносно взбираться по лестнице на четвереньках. Оно не тронуло лампу — ему было не до неё, — и я мог во всех подробностях разглядеть ползущее вверх тело. Сохранившиеся на лестнице керосиновые лампы освещали его со стороны живота, и это ещё более подчёркивало его жуткий вид. Чудовище двигалось на меня, направляясь прямо под выстрел. Стрелять? Если я сделаю это, его товарищи внизу, возможно, отступят, а мы хотели уничтожить их всех.

— Камерад, Камерад, — слышался мне голос Батиса. У меня не было времени объяснять ему свои действия, потому что страшное существо преодолеvalo ступеньку за ступенькой с ловкостью ящерицы. Но когда нас разделяло только десять ступенек — вот уже девять, восемь, — оно вдруг замерло. Мы посмотрели друг на друга. Я — через люк, оно — с расстояния в восемь ступенек от моей винтовки. Между нами была только одна лампа. Мы посмотрели друг другу в глаза, да, прямо в глаза, и тонны ненависти излились в небольшое пространство между нами. Чудовище казалось мне одним из видений святого Антония;

[10]
мы в полном смысле этого слова принимались друг к другу, каждый соизмерял силы и возможности противника. Существо сидело на лестнице, упёршись широко расставленными руками в следующую ступеньку. Это позволило мне заметить деталь, которая многое объясняла: на одной руке у него не хватало половины пальца и части перепонки. Чёрный гной и запёкшаяся кровь на рубцах смотрелись как одна отвратительная язва. Это был мой старый знакомый. С нашей первой встречи многое изменилось. Я уже не был беспомощной жертвой. Сейчас мы ненавидели друг друга, как противники, силы которых равны. Мой инстинкт требовал уничтожить его немедленно. Но рассудок говорил: не убивай, пусть он вернётся к своим и скажет им: дверь не заперта, не заперта, пусть все идут туда. Я помирил свою волю и чувства следующим образом: если он поднимется на одну ступеньку выше, я разряжу в него все патроны.

— Ну, двигайся же, сын звериного Вавилона, — шептал я, целясь, — давай сдвинься с места. Чудовище издало гортанный звук. Но прежде чем оно стронулось с места, раздался выстрел Каффа. Чудище открыло пасть и несколько раз высунуло язык, выражая этим своё презрение и одновременно бессилие. Потом стало отступать — медленно, не поворачиваясь ко мне спиной. Оно уступало каждую ступеньку, как император, который сдаёт врагу провинцию за провинцией. Когда существо исчезло во тьме, я потребовал объяснений Батиса:

— А динамит? Какого чёрта вы не взорвали шашки?

Мой раздражённый тон не вывел его из душевного равновесия. Объяснение Батиса основывалось на точном математическом расчёте:

— Их было слишком много, чтобы разрешить им влезть на маяк, но слишком мало, чтобы тратить динамит.

Так в двух словах он подвёл итог своим действиям. Батис поступил правильно. То, о чём мы мечтали со дня моего погружения на затонувший корабль, чего ждали с утра до ночи, произошло на следующий день.

* * *

С самого рассвета и до заката снег шёл непрерывно, как это бывает в этих холодных краях. Его полуметровый слой покрыл весь остров. Сразу после обеда солнце стало клониться к закату, словно спешило распрощаться с миром. Светило двигалось к горизонту с невероятной скоростью, и за ним волочился шлейф сумерек; оно как будто скрывалось, чтобы не быть свидетелем наших деяний. Животина принялась петь, как только стемнело. Она выводила свою бесконечную мелодию без отдыха, сидя с закрытыми глазами. В этом напеве сквозила какая-то разрушительная сила, до сих пор ничего подобного я не слышал. Мы с Батисом ели с жестяных тарелок, не произнося ни единого слова. Время от времени переглядывались или смотрели на неё. Её пение наводило на нас тоску, как никогда раньше. Но заставить её замолчать мы не решились. Эта песня и другие, менее важные приметы предвосхищали решающие события. После ужина мы закурили. Батис чесал бороду и смотрел в землю. Мы вдруг почувствовали себя так, словно были двумя незнакомцами, которые случайно оказались рядом на вокзале.

— Батис, — поинтересовался я, — вы когда-нибудь были на войне?

— Кто, я? — довольно безразлично переспросил Кафф. — Нет. Но некоторое время я работал егерем. Водил на охоту разную публику, в основном богатых итальянцев. Мы охотились на оленей, кабанов, иногда на медведей... и на прочую живность. А вы? У вас есть военный опыт?

— Да, можно сказать и так.

— Правда? Никогда бы не подумал. Вы что, участвовали в Мировой? Сидели в траншее?

— Нет.

После долгого молчания Батис вернулся к этой теме:

— Тогда какая же это была война?

— Патриотическое движение, — определил я свой опыт. — Мне кажется, я сражался за родину. В моём случае это тоже был остров.

Батис почесал в затылке:

— И что?

— Вы знаете, что слово „родина“ означает „земля твоих родителей“? — Тут я засмеялся. — Весь юмор в том, что я сирота.

— Я бы не стал сражаться ни за своих родителей, ни за их ферму, — сказал Кафф и прибавил шёпотом: — Говно, говно, говно...

Я не стал тратить силы на спор. У нас всегда получалось так. Со стороны могло показаться, что мы ведём диалог, но на самом деле это было два иногда пересекавшихся монолога. Последовала длинная пауза. Я взглянул в небо, не поднимаясь со стула. На землю падали редкие снежинки. Скоро взойдёт полная луна. До её появления небо прочертили падающие звёзды, оставляя след на лиловом небосводе сумерек; они пронесли молниеносно, словно кто-то невидимый играл со спичками; стремительное падение звёзд лишало нас возможности загадать желание. Батис с детским любопытством спросил:

— А кто выиграл войну?

Я заблудился в чаще своих мыслей и не мог понять, о чём он спрашивает.

— Какую войну?

— Вашу, — пояснил он неожиданно любезным тоном. — Кто победил? Патриоты острова или их враги?

— Эта война ещё не кончилась, — сказал я и направился к люку, на ходу заряжая винтовку. — Не забудьте трижды повернуть ось рычага, прежде чем привести детонаторы в действие. Если энергии будет недостаточно, контакта не получится.

Я распределил оставшиеся керосиновые лампы на ступенях лестницы. Потом занял свою позицию на полу возле открытой крышки люка. В руках у меня была винтовка. Время от времени я просил Батиса доложить мне ситуацию.

— Лягушаны — нет, лягушаны — нет, — повторял он, корёжа синтаксис.

Прошло полчаса. На нижний этаж маяка через открытую дверь ворвался снежный вихрь.

— Батис, вы их видите? Они идут?

Он не ответил. Наученный опытом прошлой ночи, я не отважился повернуть голову. Мне не хотелось упускать из виду нижний этаж и открытую дверь.

— Батис?

Я бросил быстрый взгляд в его сторону. Он стоял спиной ко мне, пригнувшись за баррикадой мешков. Что-то заставило его замереть, и его фигура уподобилась соляному столбу.

— Батис! — заорал я, стараясь пытаясь вывести его из состояния полного оцепенения. — Они идут, Батис?

Ни один его мускул не пошевелился. Это вынудило меня оставить свою позицию. Я схватил его за локоть:

— Вам холодно? Хотите, ненадолго поменяемся местами?

— Майн Гот, майн Гот...

Я услышал рокот голосов, напоминающий шум в засорённых водопроводных трубах, и взглянул за перила балкона.

Их количество превосходило самые страшные видения, которые могут посетить нас в бреду.

Полная луна, огромная в этих южных широтах, освещала панораму, словно прожектор гигантского театра. Чудовищ было столько, что они закрывали собой землю, заполняли лес и раскачивали деревья, стряхивая с них белые шапки снега. Их было столько, что они облепили деревья, лазая по ним вверх и вниз, раскачивались на ветках, время от времени падая друг на друга. Их было столько, что многим из них досталась лишь роль зрителей, и они устраивались на скалах вдоль северного и южного берега, точно ящерицы, греющиеся на солнышке. Их было столько, что они не могли даже двигать верхними конечностями; чудища наступали, как плотная кипящая масса, — картина напоминала огромный котелок, набитый живыми червями для наживки. Самые сильные поднимались на плечи менее энергичных, не боясь причинить им боль, и прыгали по лысым головам соплеменников. Вязкое варево зеленовато-серых тел то приближалось к граниту, то откатывалось назад, будто в ожидании приказа неведомого лидера.

— Батис! — закричал я. — Включайте детонаторы!

Но Кафф не слышал меня. Его нижняя губа отвисла, словно её оттянула тяжёлая серьга. Он сжимал винтовку руками, но никуда не целился.

— Батис, Батис, Батис! — Я стал трясти его за плечи. Кафф беспомощно опустил свой ремингтон. Он смотрел на меня, не узнавая, и шептал:

— Кто вы такой? Где мы, где мы, где?

Это произвело на меня ужасное впечатление, особенно потому, что эти слова произносил человек, столь уверенный в своих убеждениях. Я не мог на него рассчитывать. Но времени на оказание ему помощи у меня не оставалось. Я только велел ему пригнуться, положив руку на его затылок. Батис медленно рассматривал свою грудь и руки, не ведая надвигавшегося кошмара. В некотором смысле я ему позавидовал.

Три детонатора стояли наготове. Сначала я решил взорвать шашки у самого края гранитной скалы. Рычаг опустился до упора. В течение секунды мы с Батисом, потерявшим всякий контроль над собой, смотрели друг на друга, как два последних идиота: детонатор не сработал. Но вдруг громовой разрыв заставил нас лечь на пол за баррикадой, закрыв голову руками. Языки пламени взвивались вверх, словно из кратера вулкана, картечь и осколки гранита вонзались в мешки и в стены, сгибали прутья балкона, словно они были из тонкой проволоки. Всё вокруг содрогалось. У меня создалось впечатление, что маяк накренился, как Пизанская башня. Когда я открыл глаза, слой пепла и пыли покрывал нас с ног до головы. Внутри маяка

плавало матовое облако, частички сажи кружились невысоко над полом. Где-то в глубине угадывалась фигура животного. Она визжала от страха.

Я приподнялся на локтях над баррикадой. Сотни чудовищ разорвало на части. Трупы валялись повсюду, агонизирующие существа ползали среди мёртвых собратьев. Я поморгал, стёр пепел со щёк и лба и крикнул:

— Батис, помогите мне!

Чудища, которым удалось выжить, не обращая внимания на мертвецов, с воем бросились к открытой двери. Батис, едва придя в себя или окончательно спятив, принялся стрелять в толпу. Я тоже. После каждого выстрела я дёргал затвор, и гильза выскакивала. Моя винтовка не уступала в скорости пулемёту. Промазать было невозможно. Чудища погибали, падая на землю, и об их тела спотыкались следующие ряды.

— Не прекращайте стрелять, — зарычал я, откладывая винтовку. — Не давайте им приближаться к двери.

Я хотел взорвать вторую линию шашек, но в суматохе перепутал детонаторы: вместо второй взорвались заряды третьей линии, расположенной дальше всего от нас. Половина леса взлетела на воздух.

Чёрно-пурпурный гриб взрыва поднялся вверх на двадцать пять или пятьдесят метров.

Несмотря на слой снега, деревья вспыхивали, как спички; многие из них взлетали в небо, вращаясь вокруг оси, и падали недалеко на нас. Куски мяса летали, как снаряды из пушки, и застревали на кольях балкона. Одна голова разбилась вдребезги о ограждение, как раз в тот момент, когда нас накрыла взрывная волна. Она смела меня и большую часть мешков с силой тропического урагана. Я очутился в комнате и полз на локтях в облаке чёрного удушливого дыма. Пол был покрыт песком, искры скакали в разные стороны. Где-то там, снаружи, динамитные шашки взрывались то синхронно, то поочередно. Из рта у меня пахло серой. Я закашлялся, потом стал отплёвываться и в этот момент увидел животину, беззащитно забившуюся в угол комнаты. В течение секунды мы смотрели друг на друга. В наших взглядах сквозило недоумение. Она ничего не понимала. Я — тоже. Что произошло? И где был Батис? Может, упал с маяка, как матрос — за борт корабля? Да, конечно, он приложил к этому руку. Я догадался, что в последние дни, пока я проверял сохранность зарядов и добавлял картечи, Кафф не выдержал искушения и по собственной инициативе поставил дополнительные шашки. Мы договаривались сохранить часть взрывчатки на всякий случай. Но я был уверен, что Батис тайком заложил весь динамит, которым мы располагали. Если при взрывах первой и третьей линий мы едва не погибли, что же будет, когда взорвётся вторая, равная по мощи первой и третьей, взятым вместе?

— Батис!

Он стоял на балконе, грязный, но невредимый. Туман, подобный лондонскому, придавал его фигуре фантастические очертания. Он выкрикивал угрозы в адрес чудищ, ощущая себя Голиафом, словно в него вселился дух валькирий; его действия были недоступны человеческому разуму. Большая часть волос на его голове обгорела, от них шёл дым. Батис стрелял из ремингтона направо и налево с одной руки, словно это был пистолет; другой рукой со сжатым кулаком он делал угрожающие жесты. Невероятным образом одно чудовище сумело пробраться между кольями и полуразрушенной решёткой балкона. Кафф раздробил ему череп прикладом, точно это был арбуз, — один удар, пять, шесть, семь, — и пинком сбросил труп вниз. После этого его внимание привлёк последний детонатор.

— Батис, ради всего на свете, не делайте этого, не делайте! — закричал я, падая на колени и хватая его за пояс. — Мы взлетим на воздух!

В течение нескольких секунд он смотрел на меня со снисходительностью феодала. Потом: — Уйдите с дороги!

И толкнул меня на мешки с песком.

У наших ног чудовища жарились в огненной западне. Они искали путь к морю, но встречали только языки пламени. Многие из них метались, объятые огнём, ещё живые. Пожары пылали на большей части острова. Ночь, охваченные ужасом чудища и алые всполохи создавали вместе невероятную картину жуткого театра китайских теней. Две трети гранитной скалы исчезли. До нашего балкона доносились крики палаты буйнопомешанных. Батис дёрнул за рычаг.

Мне показалось, что остров раскалывается на части, как торпедированный корабль. С севера на юг вырос огромный сияющий купол. Наш маяк казался до смешного ничтожным по сравнению

с этим явлением, слабее свечи под порывами бури. Волна обломков и чёрной земли поднялась до горизонта, насколько хватало взгляда. Крики чудовищ и наши вопли слились воедино. И вдруг всё утихло. Глухота. Вокруг стало неестественно тихо, но я видел, что губы Батиса двигались. Я видел, как растерзанные тела взлетали на невероятную высоту. Я видел взрыв, который казался живым существом, вызванным Каффом из иного мира. Батис был совершенно равнодушен к этой апокалипсической картине; он хлопал в ладоши, танцевал и посылал врагам проклятия, словно опьянённый колдовским зельем. Последняя волна от взрыва засыпала балкон градом шлака, который покрыл нас, точно остывшая магма. Всё это в целом напоминало одну из множества сцен конца мира.

Последующие события большого значения не имели. Мы с Каффом сели в разных углах комнаты. Мы избегали друг друга, словно чувствовали себя запачканными какой-то грязью. И если нами была одержана победа, никто из нас не хотел произнести это слово, никто не спешил отпраздновать результаты кровавой бойни. Спустя два часа я услышал тоненький свисток далёкого паровоза: постепенно мои уши открывали дверь в мир звуков; уже к рассвету слух полностью восстановился.

Мы приготовились выполнить самую мрачную миссию. Заткнув носы шарфами и платками, мы вышли наружу. Картина была ужасающей. Языки пламени оставили на стенах маяка чёрные следы. Град картечи избородил стены, и они напоминали лицо человека, который перенёс страшную оспу. Из мешков на балконе, продырявленных в разных местах, на землю струился песок, словно отмеряя последние минуты этой ночи.

Там, где взорвался последний заряд, образовался гигантский кратер. Что же касается чудищ, то их тела валялись на земле повсюду, словно карающий ангел настиг их войско. Число трупов не поддавалось счёту. Их было множество. В море тоже плавали тела: исковерканные, обугленные. Трупы корчились, словно страшные куклы, растопырив пальцы и раскрыв рты. Никогда не забуду этот запах жареного мяса; он был невероятно похож на вонь кипящего уксуса. От некоторых тел остались одни скелеты; обгоревшие рёбра торчали вверх, как чёрные решётки. Некоторые тела ещё шевелились. В том, что мы добивали их, следует видеть скорее акт милосердия, чем выражение иных чувств. Мы шагали среди мертвецов, и, когда замечали какое-нибудь движение, я вонзал умирающему в затылок свой длинный нож, или Батис — свой гарпун.

Одно из чудищ потеряло ногу до самого бедра и вторую от колена. От туловища шёл белый пар; раненый пытался ползти, подтягиваясь на локтях. Вместо того чтобы его добить, Батис встал на пути. Чудовище увидело сапоги и судорожно поменяло направление. Кафф постоянно оказывался между ним и берегом, но чудовище не сдавалось: с упрямством вола и скоростью улитки оно двигалось в поисках выхода к морю.

— Убейте же его, чёрт возьми! — закричал я, срывая с лица платок. Но он поразвлекался ещё и только потом пронзил ему шею своим гарпуном.

Не знаю, сколько времени мы сбрасывали трупы в море. Работы ещё оставалось много, когда я вдруг заметил животину на балконе. Она сидела, подогнув колени, и держалась за перила, словно её приковали цепями.

— Господи! — воскликнул я. — Господи, посмотрите на неё.

— Она воет? — удивился Батис.

— Господи, она же плачет.

Случившаяся затем катастрофа была особенно ужасна, потому что мы её не ожидали. Не прошло и двух суток после страшной бойни. На два дня, только на два дня нас оставили в покое. Я гулял где-то в лесу с карандашом и блокнотом и пытался понять, какое было число. Уже давно я не знал точных дат. Каффа это совершенно не интересовало. На протяжении самых опасных недель я ни разу не зачеркнул даты ушедшего дня по той простой причине, что не верил в наступление нового. Путаницу усугубляло и то, что некоторые страницы календаря были отмечены дважды. На протяжении целого месяца я повторял эту ошибку день за днём: я видел нервные росчерки карандаша, сперва чёрного, а потом красного: эта перемена, скорее

всего, и вызвала путаницу. Чёрный карандаш уничтожал даты одним росчерком. Однако красный, словно не доверяя своему собрату, начинал свою работу с того же дня. Стремясь выразить себя в стиле барокко, но при этом придавая ему своеобразную геометричность, красный карандаш разукрашивал цифры, пока они не приобретали замысловатые формы. Единица первого февраля стала насторожившимся чудовищем, двойка второго — чудовищем, которое приготовилось к прыжку. Восьмёрка превратилась в маяк, на который лезли толпы чудищ; одиннадцать — в две колонны врагов. Я не помнил, когда и как создал эти рисунки, свидетельствовавшие о помутнении рассудка, и не мог признать их своими произведениями. Сначала, как это обычно бывает, я обрадовался, решив, что корабль за мной придет раньше, чем я рассчитывал. Однако точный подсчёт с учётом погрешностей и дней, перечёркнутых дважды, давал результат, который вместо радости вызвал отчаяние: корабль должен был прийти на остров две недели назад.

Что могло случиться? Новая война в масштабе земного шара, из-за которой прекратились морские перевозки до окончания конфликта? Может быть. Мы, люди, имеем привычку списывать свои несчастья на счёт грандиозных катастроф — это возвышает нас как личностей. Несмотря на это, правда почти всегда пишется с маленькой буквы. Я был ничтожной песчинкой бескрайнего пляжа, который зовётся Европой. Разведчиком в стане врагов, одиноким десантником, подданным без короля. Скорее всего, ошибка какого-нибудь бездарного бюрократа, путаница в архиве или другое незначительное событие отправили учётную карточку моего метеорологического пункта не в тот ящик, где ей надлежало быть. Цепочка связи прервалась, и всё. Метеоролог, затерянный в водах Антарктики... О злая судьба! Какой ужасный удар для навигационной корпорации международного масштаба! Я мог быть уверен, что совет директоров не включит вопрос обо мне в повестку дня ни одного из своих заседаний. Я нервно переворачивал страницы, пытаясь получить результат, отличный от первого, но арифметические действия лишь подтвердили катастрофический вывод. Мне вспоминается мой грязный ноготь указательного пальца, движущийся вверх и вниз по страницам, словно я был самым мрачным из всех счетоводов. Ошибка была исключена. Отчаяние заполнило всё моё существо, словно песочный замок разрушился в моей голове и сыпался в желудок. Приняв форму судебного решения, календарь провозглашал мне приговор к пожизненному заключению. Я хотел умереть. Тем не менее страшная новость всегда заставляет нас выкинуть из головы прежние дурные мысли. Нет лучшего средства, чтобы забыть старые беды. Разве могло быть что-нибудь хуже? Да.

Я не мог поверить, что слышал окрик „zum Leuchtturm!“ , который предупреждал меня с балкона. Потом раздались выстрелы, пробившие холодный воздух, и в моей душе надломилось что-то очень хрупкое. Сначала я этого даже не осознал. Я уронил на землю карандаш и бумагу и бросился бежать.

Они даже не стали дожидаться ночи и появились с приходом первых вечерних теней. Чудовища осаждали маяк, обожжённый и изрешечённый картечью.

— Камерад, берегитесь, Камерад, — предупреждал меня Батис, стреляя во всех направлениях. Гранитные ступеньки были разрушены взрывами, и мне пришлось карабкаться вверх на четвереньках. Кафф прикрывал меня. Он выбирал в качестве мишеней чудовищ, которые пытались приблизиться ко мне. Они исчезали с каждым выстрелом. Однако, когда до укрытия оставалось каких-нибудь два метра, страх уступил место ярости. Зачем они вернулись? Мы убили сотни их собратьев. Вместо того чтобы спрятаться, я стал кидать камни в чудовище, которое оказалось ближе всего ко мне. Я хватал обломки гранита и швырял их ему в лицо: один, другой, третий. Мне помнится, я кричал ему что-то. Чудовище закрыло голову руками и отступило назад. После этого произошло невероятное: оно вдруг кинуло камень в меня! Это было жутко и одновременно нелепо. Кафф сразил его одним метким выстрелом.

— Камерад! Скорее внутрь! Чего вы ждёте?

Я занял место рядом с ним на балконе и сделал один или два выстрела. Чудищ было не очень много.

Я опустил ствол винтовки. Их присутствие доказывало, что любое усилие было тщетным. Что бы мы ни предприняли, они всё равно вернуться. Пули и взрывы были для них как дождь для муравьёв — природными катастрофами, которые принимались как должное и влияли лишь на их численность, но не на их упорство. Я сдавался, выбрасывал белый флаг.

— Какого чёрта вы уходите? — упрекнул меня Батис.

У меня не хватило духа даже ответить ему. Я сел на стул, положил винтовку поперёк колен, закрыл голову руками и заплакал, как ребёнок. Напротив меня оказалась животина. Против обыкновения, она тоже сидела на стуле — опершись на стол, чуждая происходящему. Её взгляд следил за Батисом на балконе, за выстрелами, за моим плачем, за штурмом маяка. Однако это был взгляд со стороны, подобный тем, которые направляют в сторону батального полотно посетители картинной галереи.

Я вложил в борьбу свои храбрость, энергию и ум, всё до последней капли. Я сражался с ними безоружный и вооружённый, на суше и на море, в открытом поле и укрытый в крепости. Но они возвращались каждую ночь, их становилось всё больше и больше, смерть братьев не волновала их. Батис продолжал стрелять. Но это сражение уже было не для меня. „О Господи, — сказал я себе, размазывая слёзы по лицу, — что ещё мог бы сделать разумный человек в моём положении, что ещё? Что мог бы сделать самый решительный, самый рассудительный из всех людей на земле, чего ещё не сделал я до сих пор?“

Я посмотрел на свои ладони, мокрые от слёз, потом на животину. Два дня назад плакала она, а теперь довелось заплакать мне. Слёзы размягчили не только тело. Воспоминания закружились в свободном полёте, и память воскресила давнишнюю сцену.

Однажды я стоял перед зеркалом, любуясь собой с непонятным для взрослых тщеславием подростка. Мой наставник спросил, кого я видел в зеркале. „Себя самого, — ответил я, — молодого парня“. „Правильно“, — сказал он. Потом надел на голову фуражку от английской военной униформы — не представляю себе, откуда он её достал, — и спросил: „А теперь?“ „Английского офицера“, — засмеялся я. „Нет, — возразил он, — я не спрашиваю о профессии этого человека, я хочу знать, кого ты видишь“. „Себя самого, — сказал я, — с английской фуражкой на голове“. „Это не совсем правильно“. — Он не удовлетворился моим ответом. Любую мелочь этот человек превращал в одно из упражнений, иногда таких занудных. Я простоял с ненавистной фуражкой на голове до самого вечера. Мой наставник не разрешил мне снять её, пока я не ответил ему: „Я вижу себя самого, просто себя“.

Мы с животинкой смотрели друг на друга всю ночь. Кафф отстреливался, а мы обменивались взглядами с противоположных концов стола, и я уже не знал, ни кого я вижу, ни кто на меня смотрит.

На рассвете Батис обращался со мной с презрением, которого достойны дезертиры. Утром он отправился на прогулку. Как только он вышел, я поднялся на верхний этаж. Животина спала, свернувшись калачиком в углу кровати. Она была раздета, но в носках. Я схватил её за руку и посадил за стол.

Вернувшись в полдень, Батис увидел человека, охваченного горячкой.

— Батис, — сказал я, гордясь собой, — угадывайте, что я сегодня делал?

— Теряли время попусту. Мне пришлось чинить дверь одному.

— Идите со мной.

Я взял животину за локоть, Батис шёл за нами на расстоянии одного шага. Как только мы вышли с маяка, я усадил её на землю. Кафф стоял недалеко от меня с невозмутимым видом.

— Посмотрите, что будет, — сказал я.

Я стал собирать дрова: одно полено, два, три, четыре. Однако четвёртое полено я нарочно уронил на землю. Это был, конечно, спектакль. Я поднимал одно полено, а другое в это время выскальзывало у меня из рук. Ситуация повторялась снова и снова. Батис смотрел на меня и вёл себя в свойственной ему манере: он ничего не понимал, но не прерывал меня. „Ну, давай же, давай“, — думал я. Утром, когда Каффа не было, я уже произвёл этот опыт. Но сейчас он мне не удавался. Батис смотрел на меня, я — на животину, а она — на поленья.

Наконец она засмеялась. По правде говоря, требовалась некоторая доля воображения, чтобы счесть эти звуки тем, что мы обычно означаем словом „смех“. Сначала у неё начало клекотать в груди. Рот животины оставался закрытым, но мы уже слышали резкие всхлипы. Потом она чуть приоткрыла рот и действительно засмеялась. Сидя по-турецки, она качала головой направо и налево, шлёпала себя по внутренней стороне икр и то склоняла туловище вперёд, то возводила глаза к небу. Её груди сотрясались в такт смеху.

— Вы видите? — сказал я, торжествуя. — Вы видите? Что вы думаете по этому поводу?

— Что мой Камерад не может удержать четыре полена сразу.

— Батис! Она же смеётся! — Я выдержал паузу, давая ему время осмыслить происходящее, но он не реагировал. Тогда я добавил: — Она плачет. И смеётся. Какие выводы вы можете из этого сделать?

— Выводы? — заорал он. — Я объясню вам, какие выводы я делаю! По-моему, мы перебили слишком мало этих уродов, слишком мало! Мне кажется, что они размножаются как тараканы. Я думаю, что очень скоро начнётся новый штурм, и их будет гораздо больше, чем в последние ночи, их будут тысячи. И для нас настанет последний вечер в этом мире. А вы тратите время на дурацкие трюки и строите из себя ярмарочного шута.

Но я думал только о ней. Почему она оставалась там, на маяке, в обществе этого троглодита? Мне было почти ничего неизвестно о том, как она появилась на маяке. Однажды Батис рассказал мне, что нашёл её на песке: она лежала обессиленная, как те медузы, которые находили смерть на наших берегах.

— И она никогда не пыталась убежать? Никогда не уплывала с острова? — спросил я. Батис не обращал на меня ни малейшего внимания. — Вы часто её бьёте. Она бы должна была бояться вас. Но ей не приходит в голову убежать, хотя возможностей у неё предостаточно.

— В последнее время вам в голову приходят странные мысли.

— Да. И я не могу выбросить из головы одну из них, какой бы неразумной она ни была, — заявил я. — Батис, а вдруг они не просто морские чудовища?

— Не просто морские чудовища... — повторил он механически, не слушая меня, потому что занимался подсчётом боеприпасов, которые таяли с каждым днём.

— Почему бы и нет? Быть может, под этими гладкими черепами есть что-нибудь ещё, кроме примитивных инстинктов. Если это так, — настаивал я, — мы могли бы с ними договориться.

— А мне кажется, что вы не должны давать волю своему воображению, — прервал он меня и зарядил ружьё, умышленно громко щёлкнув затвором.

Спор не мог привести ни к чему хорошему, и я решил не тратить вечер на дискуссии.

* * *

Чудища стали нападать на нас реже. Наша пленница не пела, и это внушало некоторое спокойствие. Но мы не могли поддаваться заблуждениям. Наши чувства обострились, сражения на маяке сделали нас знатоками в области явлений столь же невидимых, сколь ощутимых. Рябь на море; лиловатый оттенок волн; воздух, настолько напоенный влагой, что по небу могли плавать киты. У нас не было никакой возможности определить причинно-следственную связь, любая деталь могла быть лишена какого бы то ни было значения, однако без всяких разумных на то причин мы угадывали во всём указание на близость Страшного суда. Мы чувствовали, что под волнами собирались силы и что на этот раз наш истощённый запас боеприпасов их не остановит.

Всё предрекало близкую смерть. И, возможно, именно поэтому я ещё несколько раз овладевал нашей пленницей. Ничто уже не имело значения. Не было никакой нужды предпринимать каких-то особых предосторожностей, чтобы скрыться от Батиса. Смерть уже приготовилась причалить к нашему острову, и это была наша смерть; в подобных обстоятельствах человеку свойственно погружаться в свой внутренний мир. Кафф проводил бесконечные часы в каких-то ничкёмных занятиях, которые, однако, требовали усердия. Он старался отвлечься от реальности, починая дверь или пересчитывая немногочисленные динамитные шашки, оставшиеся в нашем распоряжении. Батис различал их между собой, как крестьянин узнаёт своих коров, и даже придумывал им имена. Патроны, которые он считал особенно замечательными, — не имею понятия, на каком основании он выделял их среди прочих, — Кафф откладывал в сторонку, завернув в шёлковый платок. Иногда он развязывал узелок и пересчитывал их, прикрыв глаза и дотрагиваясь до каждого пальцем, словно никак не мог запомнить наверняка точное их число. Батис знал, что его дотошность бесит меня, поэтому ему должно было казаться совершенно естественным, что я уходил с маяка — по крайней мере, так нам удавалось избежать ругани и ссор. Во время этих долгих отлучек я трахался с животиной. Иногда — в домике метеоролога, но чаще всего в лесу, чтобы Батис не мог подкрасться незаметно.

Таким образом, на протяжении этих дней нашего медленного умирания, я редко виделся с Батисом. Хуже того: атмосфера на маяке как-то странно накалилась. И дело было не в том, что

мы говорили друг другу, а скорее в том, о чём умалчивали. Враг всё ещё не решался покончить с нами, и мне было необходимо занять чем-нибудь свою голову. Я вспомнил о книге Фрезера. — Вы не знаете, куда запропастилась книга Фрезера? Я ищу её уже пару дней и никак не могу найти.

— Книга? Какая книга? Я книг не читаю. Этим занимаются только монахи.

Я не верил ни единому его слову. Зачем ему была нужна эта ложь? Неужели он испытывал ко мне такую неприязнь, что готов был даже помешать мне читать философскую литературу? Батис, который умел быть по-своему дипломатичным, не поднимаясь со стула, хлестнул меня неожиданными резкими словами:

— Вам нужны книги? Вы хотите развлечься? Вероятно, нам следовало бы поймать для вас одну живую лягушечку.

И Кафф посмотрел в мою сторону с отвратительной ухмылкой на губах. Подозревал ли он что-нибудь? Наверное, нет. Ему просто хотелось ранить мою чувствительность. А ещё таким образом он выдворял меня из своей комнаты, потому что горел желанием трахать свою животину. Мне не хотелось уходить.

— Чего никак нельзя сказать об этом острове, — сказал я, — так это что здесь можно соскучиться. Почему бы вам не попробовать взглянуть на ситуацию по-новому? Возможно, спасение от невзгод у нас прямо перед носом.

Он процедил ехидно:

— Неужели? — Батис скрестил руки на груди и занял позу внимательного слушателя. — Тогда поделитесь со мной своим опытом. Ваши усилия уже дают плоды? Каким же ещё полезным навыкам вы её обучаете? Французской кухне? Китайской каллиграфии? Или всё ограничивается жонглированием четырьмя поленьями?

Дело было не в том, чему мы могли обучить её, а в том, чему могли от неё научиться. Самым отчаянным было то, что в сущности ничего не изменилось. Раньше мы были пейзажистами, которые рисовали бурю, стоя спиной к горизонту. Нам просто следовало повернуть голову. Все глаза смотрят, но немногие из них наблюдают, и ничтожное меньшинство способно видеть. Сейчас я следил за ней, ища человеческие черты, и находил женщину. Детали были незначительными: она улыбается, сознательно орудует всегда левой рукой, раздражается, если я хожу за ней по пятам, и садится на корточки, когда писает. Одним словом, это настоящая женщина, которая совершенно по-европейски боится показаться окружающим смешной. А я, чудак, до сих пор судил о её поведении, как ребёнок, не имеющий понятия о правилах мира взрослых. Каждый день, проведённый возле неё, каждый час внимательного наблюдения сокращал расстояние между нами с волшебной быстротой. Чем больше я общался с ней, тем больше она вынуждала меня перенести мои переживания в спокойное русло обыденности. Мои чувства превращались в точные инструменты. И действительно: как только я начинал объяснять себе её поведение каким угодно способом, избегая видеть в ней лишь животное, картина менялась, словно под действием волшебного зелья. Но она принадлежала своему миру. Она была одной из них.

Все глаза смотрят, но немногие из них наблюдают, и ничтожное меньшинство способно видеть. Ещё одна ночь на балконе; нас с Батисом скрывает пелена падающего снега. Раньше я не заметил бы даже мраморных глыб, а сейчас различал даже песчинки на горизонте. Однажды во время штурма, когда противник испытывал нашу способность защищаться, Батис ранил одного из них, довольно мелкого. Четыре соратника бросились ему на помощь. О Господи, Господи! То, что мы считали жадностью каннибалов, было лишь усилием этих существ унести с поля сражения своих раненых, невзирая на град пуль. Мне был особенно отвратителен этот предполагаемый каннибализм, эта жажда сожрать падаль даже тогда, когда в теле ещё теплилась жизнь. Сколько раз мы стреляли в существ, которые хотели только спасти своих братьев!..

Кем она была? Там, на маяке, я тысячу раз задавал себе этот вопрос — когда желание вскипало во мне и сразу после того, как я овладевал ею. До и после каждого штурма; когда вставало

солнце, и когда оно садилось. Я спрашивал самого себя об этом каждый раз, когда обессиленная волна выплещивалась на наш берег: я смотрел с балкона на море, огромное пространство, которое мы всегда считали пустым, и в моём мозгу тщетно билась одна и та же мысль: кто ты, зачем ты здесь?

Мне никогда не суждено узнать о ней что-нибудь. Я обречён на это извечное незнание. Между нами раскрывалась необъятная пропасть. Она была одним из существ, которые обитают в океанских глубинах. Моё воображение не могло нарисовать картины её мира, её повседневную жизнь и банальные мелочи — те основы, на которых зиждилось её существование. Как мне было понять, что произошло между ней и её собратьями? Как представить её разочарования, её поражения? Я никогда не смогу узнать, почему она укрылась на маяке. Это было столь же невозможно, как для неё — понять, какие причины привели на остров дезертира-ирландца. Прежде чем я оказался на маяке, моя душа прошла по извилистым и опасным дорогам. И если я исходил из предположения того, что она была подобна мне, то должен был согласиться с мыслью о том, что и она проделала похожий путь, но в бесконечно далёком измерении. Я не ведал даже того, существует ли слово „любовь“ в их языке и что оно означает.

Теперь я обращался с ней с такой нежностью, которой раньше не было между нами. В первый раз я овладел ею в порыве отчаяния, просто потому, что обстоятельства привели меня к этому. Прежде чем я впервые дотронулся до неё, её запах казался мне тошнотворным. Полное отсутствие волос, влажная кожа. Сейчас я не мог поверить, что когда-то испытывал подобное отвращение. Правда, теперь моя нежность возникала сама собой. Не буду отрицать, что сначала моё поведение было обдуманно: мне казалось, что, проявляя к ней нежность, словно она была действительно женщиной, я вызову взаимное притяжение. Я верил, что если она сколько-нибудь чувствительна, то увидит огромную разницу между мной и Батисом Каффом. И тогда самая человеческая составляющая её существа увидит свет, как бабочка, которая выбирается из своего кокона. Но этого не случилось. Независимо от моего желания моя страсть росла и становилась всё более искренней, однако она была безразлична. Я замечал, что во мне растёт новая любовь, любовь, которую породил маяк. Но по мере того, как я приближался к ней, моя необычная любовь наталкивалась на всё новые препятствия. Прежде чем отдаться мне, она никогда не смотрела мне в глаза. После близости не обращала внимания ни на улыбку, ни на ласки. Моя возлюбленная отмеряла наслаждение с точностью часов, которые указывают нам время. И была столь же холодна, как они.

Если вне маяка она выносила моё присутствие, то внутри становилась настоящим призраком и избегала меня. Бесполезно было искать знаков её внимания. Кроме того, там существовало ещё одно препятствие: Батис Кафф. В его присутствии она становилась ещё менее общительной, если только можно так сказать. Мне хотелось видеть в ней совершенно особое существо, угнетённое страшным тираном. Однако на маяке, среди оружия и рядом со своим господином, она превращалась в прежнее безмозглое создание, некую помесь покорного пса и боязливой кошки. И всё то, что незадолго до этого я смог, как мне казалось, разглядеть, обращалось в мираж.

Теперь я уже не знал, на чьей стороне была правда. Быть может, я просто хотел придать более достойный вид своему желанию. Вероятно, я хотел видеть в ней существо, равное себе, потому что боялся предстать перед лицом смерти человеком, обуреваемым животными инстинктами. С другой стороны, я отрёкся от человечества, от всех людей мира. И, хотя это казалось мне самому невероятным, во мне с каждым днём укреплялась мысль о том, что, сама того не ведая, моя возлюбленная стала для меня тем самым убежищем, в поисках которого я покинул Европу. Стоило мне взглянуть на неё, коснуться — и жестокость, царившая на маяке, исчезала. Я понимал, потрясённый, что мне было даже неважно, насколько она человекоподобна, как сильно её сходство с женщиной. Неправду говорят, что Господь в день седьмой отдыхал. В день седьмой Господь создал её и сокрыл от нас в морской пучине.

Как бы то ни было, мои действия не имели ничего общего с размышлениями. Я предпринимал почти невероятные усилия, чтобы обладать ею вдали от Батиса. Однажды я увёл её с собой в лес, и потом мы задремали на нашей постели из мха. В тот день стали явными все неловкости нашей тайной любви. И не только это.

Я — марионетка без нитей, мои силы на исходе, словно их не осталось вовсе. Сознание блуждает в каких-то иных мирах, полных тихой грусти. И вдруг, когда мне хочется зевнуть, я

чувствую, что она зажимает мне рот своей рукой, похожей на живую присоску, и вынуждает молчать. Я открываю глаза. Что такое?

Слышатся резкие звуки какой-то немецкой песенки. Совсем недалеко от нас кожаные сапоги Батиса топчут траву и мох. Он ищет материал для ремонта маяка. Когда ему попадаетея подходящее деревце, он безжалостно обрушивает на него свой топор. Потом ощупывает ствол, проверяя его на прочность, и смеётся в одиночку. Я вижу только его ноги за деревьями, совсем недалеко. Он подходит ещё ближе, настолько, что щепки дождём падают на наши тела. Моя возлюбленная сохраняет удивительное спокойствие. Она не дышит, не мигает, и её рука приказывает мне следовать её примеру. Я повинуюсь. У неё гораздо больше опыта: сколько раз ей приходилось прежде скрываться от китов-убийц и тысяч других подводных опасностей? Батис прочищает глотку, в этом клёкоте слышно удовлетворение. Потом он уходит, напевая. Через несколько часов, когда Кафф вошёл на маяк, он встретил нового человека. Батис сел напротив меня в некоторой рассеянности, и я сначала ничего ему не сказал. Он говорил о том же, о чём всегда: его занимали только боеприпасы и повреждённые двери.

— Батис, — прервал я его. — Это не чудовища.

— Простите, что?

Я выдержал длинную паузу, потом повторил:

— Мы сражаемся не с животными, я в этом абсолютно уверен.

— Камерад! Здесь, на маяке, любой может свихнуться. А вы — особенно. Вы слабый человек, Камерад, очень слабый. Не всякий может вынести жизнь на маяке.

Но я больше не мог следовать за ним. Наши взгляды были подобны двум дорогам, которые идут рядом, но в какой-то точке расходятся в разные стороны. Я устало покачал головой и стал медленно ронять слова. Каждое из них имело свой вес.

— Нет, Батис, нет. Вы ошибаетесь. Мы должны остановиться. Нужно послать им знак доброй воли.

— Я не желаю вас слушать.

— Мы должны сделать какой-то жест. Может быть, тогда они поймут, что эта война нас не интересует. — Мной овладело отчаяние. — Наверняка теперь уже поздно. Но другого выхода у нас нет.

Естественно, я не мог рассказать ему всей правды. Я не мог объяснить, что звери не знают тайных страстей и не скрывают измены. Я не мог сказать, что все его доводы опровергаются этой рукой, которая заткнула мне рот. Поэтому пришлось говорить менее конкретно, пока Батис не стукнул своей ручищей по столу так, что все стоявшие на нём предметы полетели на пол. Зрачки его глаз сузились до размера булавочной головки и горели чёрным огнём.

Он не желал меня слушать и встал из-за стола. Я считал бессмысленным продолжать эту бойню. Наши враги не были животными, и простая констатация этого факта не позволяла мне стрелять в них. Зачем им было убивать нас? Почему они готовы отдать свои жизни на этом ничтожном островке в Южной Атлантике? Разумного ответа на эти вопросы я не знал, но сделал жест, моля выслушать меня с пониманием.

— Сделайте небольшое усилие, Батис. Они могут предъявить нам множество претензий.

Посмотрите на ситуацию с этой точки зрения: мы — захватчики. Это их земля, единственная земля, которая у них есть. А мы заняли её, построили своё укрепление и держим вооружённый гарнизон. Не кажется ли это вам достаточным поводом для их нападений? — Тут меня против моей воли охватило негодование. — Я не могу обвинять их в том, что они сражаются, чтобы освободить свой остров от захватчиков! Не могу!

— Где вы были сегодня после обеда?

Неожиданная смена темы разговора вынудила меня сменить мой резкий тон.

— Я спал в лесу. Где мне ещё быть?

— Ясно, ясно, — сказал он с отсутствующим взглядом. — Тихий час. Сон после обеда всегда бодрит. А сейчас готовьтесь: наступает темнота.

Батис протянул мне мой ремингтон. Я не взял его. Это была лишь поза, результат предшествовавшего спора. Мой отказ возмутил его. Но он не сказал ни слова. Я тоже. Кафф вышел на балкон. Немного спустя я последовал за ним, но без оружия. Мои руки замёрзли, и мне пришлось дышать на них, чтобы согреть. Батис взял горсть снега с перил и кинул в меня.

— Держите! Может быть, вы сумеете отпугнуть их снежками.

— Заткнитесь.

Она пела. Из леса, чёрного в сумерках, донеслись металлические голоса. Долгий вой, ровный и нежный. Эта нежность вызывала в нас смертельный страх. Батис зарядил свой ремингтон с таким знакомым звуком: щёлк, щёлк.

— Не стреляйте! — сказал я.

— Она поёт, — возразил он.

— Нет.

По выражению лица Батиса было совершенно ясно, что он окончательно считал меня полоумным. Я прошептал:

— Это не песня, они разговаривают. Послушайте.

Мы обернулись. Наша заложница сидела на столе. Её голос перелетал через балкон и уносился вдаль. Мне казалось, что я слышал, как голоса из леса отвечали её песне. Прожектор не высвечивал ничего, кроме хлопьев снега, которые, кружась, падали с неба. Я вошёл в комнату. Но когда до стола оставалась пара шагов, она замолчала. Лес тоже затих.

Их разговор ещё звучал в моём мозгу. Я смог только заметить, что отдельные выражения повторялись чаще, чем остальные звуки. Слова, похожие на что-то вроде „омохитхи“. И особенно „Анерис“ или нечто подобное. Но любая попытка записать буквами эти звуки была изначально обречена на провал, ничего, кроме мёртвой партитуры, у меня бы не вышло. Мои голосовые связки столь же похожи на их речевой аппарат, как сапожная щётка на скрипку. Несмотря на это, я всё же попытался сделать жалкую попытку подражать ей, используя всё своё воображение:

— Анерис.

Она взглянула на меня. Этого было достаточно, чтобы я высказал своё предположение.

— Омохитхи, Батис. Так они себя называют, — сказал я, весьма вольно подражая их звукам. —

И у неё тоже есть имя: её зовут Анерис. У них одно имя, а у неё — другое. Вы каждую ночь занимаетесь любовью с женщиной, которую зовут Анерис. — Я понизил голос и заключил: — Её зовут Анерис. Кстати, очень красивое имя.

Батис видел в них безымянную массу. Мне казалось, что, если я дам им имена, его взгляды непременно изменятся. „Омохитхи“, „Анерис“ — неважно. Слова, которые я пытался воспроизвести, которые я почти что выдумывал, были лишь слабым отражением произносимых ими звуков. Но это не имело большого значения; важно было подобрать для этих существ имя. Несмотря на мои усилия, я добился результата, прямо противоположного ожидаемому. Батис взорвался, подобно бомбе:

— Вы что, хотите говорить на языке лягушанов? Я вас правильно понял? Тогда держите свой словарь! — И он резко кинул мне мой ремингтон, который пролетел расстояние, разделявшее нас. — Вы знаете, сколько патронов у нас осталось? Вам это известно? Они там, снаружи, а мы здесь, внутри. Выйдите и отдайте им свою винтовку! Мне очень хочется увидеть, как вы это сделаете. Да, да, любопытно будет наблюдать, как вы будете вести переговоры с лягушанами! Я ничего не сказал, а он распался всё больше, угрожая мне кулаком:

— Убирайтесь отсюда, Камерад-нытик, чёрт бы вас побрал! Идите вниз, на площадку! Спуститесь по лестнице и защищайте дверь! И как вы смели называть меня убийцей? Это по вашей вине гибли люди! Вы — убийца мечтателей! По вашей милости нас растерзают! Они сожрут наше мясо, обгложут наши косточки, а потом, сытые и довольные, посмеются над вашими идиотскими идеями там, в глубинах своего мокрого ада! Вон с моих глаз!

Никогда ещё я не видел его таким. Он был разъярён не меньше, чем в дни самых страшных боёв; и на какой-то миг мне показалось, что он видел во мне одного из ненавистных ему лягушанов. В течение нескольких секунд я вынес его взгляд, но потом предпочёл прервать разговор. Я вышел из комнаты.

Меня удивляли не столько доводы Батиса, сколько его непоколебимость. Конечно, нам следовало предпринять меры предосторожности. Мы уничтожили сотни их собратьев и не могли рассчитывать на то, что выброшенный нами белый флаг немедленно решит все проблемы. Однако Батис пресекал любую попытку обсудить ситуацию. Он не хотел слышать ни одного слова на эту тему.

Остаток ночи прошёл спокойно. Через бойницу в двери мне удалось разглядеть несколько фигур, но их было мало, и они избегали луча прожектора. Там, наверху, разъярённый Батис посылал им проклятия. Он здорово нервничал. Лиловые сигнальные ракеты взлетали вверх без всякой надобности. Зачем ему была нужна вся эта пиротехническая демонстрация?

Постепенно Кафф совершенно замкнулся в себе и избегал встреч со мной. Когда вечером мы неминуемо оказывались рядом, неся нашу вахту, он говорил не переставая. Это был разговор ни о чём, но он болтал и болтал, не замолкая ни на минуту. Таким образом, заполняя всё жизненное пространство своей болтовнёй, он душил любую попытку завести разговор на единственную действительно интересную тему для обсуждения. Я старался проявлять максимальную терпимость. Мне хотелось верить, что рано или поздно он сдастся.

Поскольку я совершенно не мог рассчитывать на его помощь, то решил действовать по собственной инициативе. Мне бы хотелось, чтобы Батис участвовал в деле вместе со мной, но привлечь его на свою сторону я никак не мог. По иронии судьбы именно Кафф навёл меня на эту мысль: во время нашего спора он высказал предложение сдать наше оружие омохитхам. Как раз это я и сделал. Естественно, приняв меры предосторожности. У нас уже давно кончились патроны для старого ружья Батиса, а потому оно нам было совершенно не нужно. Кафф вряд ли бы о нём вспомнил.

Я пошёл на тот самый берег, на который высадился когда-то на остров. По моим наблюдениям, омохитхи часто появлялись здесь. Я с силой воткнул приклад ружья в песок и выложил вокруг него кольцо крупной гальки, желая таким примитивным способом подчеркнуть свои намерения. Возможно, они поймут этот знак. В любом случае, терять нам было нечего.

* * *

Медленно протянулись ещё три дня, и ради справедливости следует отметить, что Батис не пытался встать между мною и Анерис. Мне кажется, он действовал так намеренно. Кафф всегда избегал решения важных задач. Совершенно естественно, наблюдая за нашими отношениями, он кое о чём догадывался. Но это были очень туманные подозрения, гораздо менее чёткие, чем можно было ожидать в подобных обстоятельствах.

Люди, чья жизнь проходит на море, обычно грубоваты и столь же практичны. Из опыта нашего совместного проживания, а также из-за того простого обстоятельства, что мне довелось прочитать больше книг, чем ему, он решил, что рядом с ним оказался сбившийся с пути библиотекарь. Совершенно очевидно, единственная разница между нами заключалась в том, что в жизни мне встретился такой удивительный человек, как мой наставник. Однако Батис разделял распространённое мнение о том, что книги являются неким противоядием от искушений плоти, а потому был убеждён, что наши желания не имеют ничего общего. Вероятно, более всего его смущал тот факт, что я не оспаривал его прав на обладание Анерис. Если бы мне пришло в голову сделать это, нам бы пришлось начать настоящее пиратское сражение, и вот тогда его натура оказалась бы на привычной для него территории. Но я никогда бы не стал оспаривать у него право на вагину. Я хотел, чтобы он понял нечто большее и гораздо более важное: наши враги не были животными. Человек более сообразительный непременно бы осознал, что эта мысль опасна для его интересов, так как неизбежно сближала меня с Анерис. Но он этого не понимал. Примитивные мозги Батиса Каффа воспринимали очевидность происходящего, но вместо просветления это вызывало у него полный ступор сознания. Отвергая идею в целом, этот человек был не способен осмыслить ту её часть, которая непосредственно затрагивала его жизнь. Вместо ответа он поворачивался спиной и делал вид, что проблемы не существует.

Дело было в том, что теперь Кафф находился в двойном кольце осады: снаружи маяка и внутри него. И не то чтобы Батис, Батис Кафф, был не способен понять происходящее. Просто у него не было ни желания, ни возможности взглянуть на нашу жизнь по-иному. Он по-своему приспособился к обитанию на острове. Кафф обладал примитивными моральными устоями и не был убийцей. Или не хотел им быть. На протяжении этих дней Батис чаще обычного повторял свою историю об итальянце, которого сочли содомитом, или наоборот. И это был не простой анекдот, а обрывок прошлого, о котором я ничего не знал, несчастный случай, непредумышленное убийство, его более или менее осознанные действия, которые превратили его в парию общества. Возможно, именно так, скрываясь от правосудия, он попал на остров. Это меня не волновало. В конце концов, решать вопрос о том, был ли Батис хорошим или дурным человеком, я не собирался. На маяк попадали лишь те, кому приходилось от чего-нибудь скрываться, — мой собственный опыт подтверждал это. Оказавшись здесь, Кафф был вынужден найти в этом безумии какой-то смысл и предпочёл взять за точку отсчёта ночи, а не дни. Он представил противника зверем, увидев в нём только чудовище, не смог понять

существовавшего конфликта и встал на путь варварства. Парадокс состоял в том, что его точка зрения сохранялась, несмотря на всю её ущербность. Борьба за жизнь заставляла забыть обо всём. Ужасная опасность вынуждала нас подождать с обсуждением идей, которые казались Каффу абсурдными. Как только железная логика Батиса укрепилась, каждый новый штурм лишь делал её несокрушимее. Страх, внушаемый омохитхами, был его надёжным союзником. Чем ближе они подступали к маяку, тем больше возникало аргументов в его пользу. Чем яростнее оказывались атаки, тем меньше сил оставалось на рассуждения о противниках. Однако я не обязан был следовать за ним. В сущности, это являлось единственным проявлением свободы моей личности, которое было доступно мне там, на маяке. И если бы обстоятельства доказали, что наши противники не были простыми хищниками, порядок жизни, установленный Батисом, взорвался бы с силой, значительно большей, чем та, которую скрывают все арсеналы Европы. Это стало ясно немного позднее. А в те дни я видел перед собой только Батиса Каффа, который был не в состоянии рассуждать здраво. Ну кому могло прийти в голову отказываться изменить свою точку зрения, когда от нашего взгляда на противника зависели наша жизнь и будущее?

13

Это был самый заурядный день, просто ещё один день на маяке. Утро наполнило наши сердца предчувствиями. Тёмно-серые пузатые облака ползли по небу. Каждое из них словно не желало дотрагиваться до своих собратьев, и они образовывали на небе странную мозаику — небосклон от этого казался ещё необъятнее. За облаками виднелся розоватый тюль рассветного неба, подсвеченный матовым солнцем. Невидимые руки унесли двуствольное ружьё с пляжа. Я провёл большую часть утра в размышлениях о том, что бы это могло означать. Но ни к какому выводу так и не пришёл. Что это было: акт доброй воли или выражение враждебных намерений?

Мне показалось, что на протяжении следующих ночей активность омохитхов снизилась. Мы их не видели, хотя ощущали их присутствие и слышали, как они шептались между собой. Но когда мы зажигали прожекторы, они уходили от борьбы. Самым ярким доказательством изменения в их поведении было то, что Батис за это время не выстрелил ни разу.

Существовала ли какая-нибудь связь между спадом их агрессивности и исчезнувшим ружьём? Был ли этот факт реальностью или лишь отражением желания, подталкиваемого надеждой?

Настроение моё упало: проведи я в этих размышлениях хоть тысячу лет, мне никогда не удастся прийти к окончательному выводу. У меня не было уверенности ни в чём.

Погруженный в свои мысли, я пошёл прогуляться к источнику, покуривая сигарету. Там я встретил Батиса, который был занят своими бесполезными и смехотворными делами. Он работал, чтобы не думать, как обычно, и это мешало ему понять, что подобные жалкие действия были нелепы. Выглядел Кафф ужасно. Казалось, он провёл ночь, не раздеваясь. Я угостил его сигаретой, чтобы установить некое подобие нормальных человеческих отношений. Однако настроение у меня было паршивое. Батис открыл рот, и мне захотелось заорать на него, обвиняя в полной абсурдности действий.

— Мне пришла в голову неплохая мысль, — сказал он тихо, осознавая, что его предложение невыполнимо. — На корабле осталось ещё много динамита. Если мы убьём ещё тысячу чудовищ, с проблемой будет покончено.

Кафф занимал оборонительную позицию; по-своему, он шёл мне на уступки. Но мне было не до вежливости. Я всегда проявлял по отношению к нему терпение, приспособляясь к его ограниченности, и с пониманием относился к недостаткам; несмотря на отдельные выпады с моей стороны, я всегда пытался прийти к договорённости, которая бы устраивала обоих.

Предложение Батиса было абсолютно прозрачно и столь же смехотворно. Какое идиотское упрямство! Мы были двумя утопающими, а он в качестве решения проблемы предлагал выпить всю воду из моря. Это бесило меня как никогда; он принадлежал к тем людям, которые способны улучшить добрые начинания, но ухудшают дурные. Продолжая убивать омохитхов, он уничтожил бы последнюю надежду на диалог, если таковая ещё существовала, и увековечил бы насилие. Несмотря на мизерные шансы найти общий язык с противником, она казалась куда

более привлекательной, чем преступная и бесполезная борьба. Почему я должен был участвовать в войне, которую изобрёл для себя Кафф? Я не собирался больше убивать омохитхов и поступал так исключительно в порядке законной самозащиты.

— Откуда в вас столько ослиного упрямства? Раскройте глаза, Кафф! Мы воображали, что это осаждённые Сиракузы, а себя, с нашими винтовками и динамитом, считали Архимедами двадцатого века. Но всё указывает на то, что они сражаются за свою землю и другой у них нет. Кто может осудить их за это?

— Вы что, белены объелись? — ответил он мне, сжимая кулаки. — Вы ещё не поняли, что это Богом забытое место? Вам хочется видеть огни соборов там, где земля покрыта пеплом. Это самообман, Камерад! Вы ещё живы только благодаря тому, что я открыл вам двери маяка! Если мы их не уничтожим, они уничтожат нас. Это так. Нам нужно спуститься на затонувший корабль! Я помог вам тогда. А вы теперь отказываете мне в помощи?

Наш разговор превратился в спор фанатичных византийцев. В нём отражались моё отчаяние, его упрямство и страшное одиночество, в котором мы жили на маяке. Нас может спасти только разум, считал я; на пути насилия мы уже зашли в тупик. Вместе мы сильны, не стоит разделяться — к этому сводились его аргументы. Однако на этот раз мне не хотелось идти у него на поводу, я просто не мог сдаться. Батис надеялся на свою силу аргонавта, я же противопоставлял ему ловкость фехтовальщика. Когда он в очередной раз повторил свои доводы, я закричал:

— Это я пытаюсь вам помочь! И смогу это сделать, если только вы перестанете упираться, как осёл!

Тут Кафф начал хохотать, как сумасшедший. Он забыл о вёдрах, которые пришёл наполнить, посмотрел мне в глаза и засмеялся ещё громче.

— Я осёл, конечно, осёл, — говорил он кому-то невидимому. Батис хохотал и повторял: — Лягушаны — почтенные господа, а я осёл!

Кафф смеялся, глядя в небо, и при этом ходил по кругу, как игрушечный паровозик. Он был возмущён до крайности или совсем рехнулся; а может быть, и то и другое вместе. Я услышал, что он бормочет себе под нос историю об итальянце, которого ошибочно сочли содомитом, и зажал уши обеими руками:

— Замолчите же вы наконец, Кафф! Заткнитесь! Забудьте о своих итальянцах и содомитах!

Кого волнуют ваши занудные истории? Рано или поздно нам придётся понять, что единственный разумный шаг — договориться с ними, заключить мир, чёрт возьми! Неожиданно Батис притворился, что не слышит меня, как будто я исчез, а он остался у источника один. Это ребяческое поведение возмутило меня.

— Очень возможно, что в их головах мозгов побольше, чем в вашей! — сказал я, тыча пальцем себе в лоб. — И, вероятно, единственные звери на этом острове — это мы с вами! Мы, с нашими ружьями и винтовками, патронами и взрывчаткой! Убивать куда проще, чем договориться с противником!

— Я не убийца! — прервал он меня. — Я не убийца.

И, каким бы противоречивым это ни показалось, бросил на меня такой уничтожающий взгляд, какого я ещё не разу не видел.

Потом взял в каждую руку по ведру и ушёл. В эту минуту я понял, что Батис когда-то убил человека и терзался из-за этого. Я предполагаю, что не выслушать его признания было огромной ошибкой. Правда, он прятал свою душу под такой слоновой кожей, что понять его было нелегко.

Я продолжил свою прогулку. Пошёл дождь. Его капли пачкали белизну снега и растапливали ледяную корку на стволах деревьев. Сосульки, свисавшие с веток, надламывались с сухим щелчком и падали на землю. На дорожке появились лужи, и мне приходилось через них перепрыгивать. Сначала дождь мне не мешал. Капли просачивались через шерстяной капюшон, и я его снял. Но вскоре дождь усилился настолько, что потушил огонёк моей сигареты. В этот момент я был гораздо ближе к дому метеоролога, чем к маяку, и решил укрыться там. Жалкая лачуга показалась мне дворцом для нищих. Тучи застилали всё небо. Я нашёл огарок свечи и зажгёт его. Пламя дрожало, заставляя тени плясать на потолке.

Я курил, ни о чём не думая, когда появилась Анерис. По всему было видно, что Батис избил её. Я усадил её на кровать рядом с собой и спросил, не рассчитывая на ответ:

— За что он тебя так?

В эту минуту я готов был убить его. Мне начинала открываться одна истина: величие любви, которую мы чувствуем к одному существу, может явиться нам через величие ненависти, которую мы испытываем к другому. Анерис промокла до нитки, но это лишь подчёркивало её красоту, несмотря на следы побоев. Она сняла с себя одежду.

Грань между животной и человеческой сутью никак не влияла на то наслаждение, которое она мне доставляла. Мы так долго и страстно отдавались друг другу, что в глазах у меня поплыли жёлтые круги. Наступил момент, когда я перестал ощущать, где заканчивается моё тело и начинается её; где граница дома или всего острова. Потом я лежал, вытянувшись на кровати, и чувствовал её холодное дыхание на своей шее. Я выплюнул сигарету, так что она отлетела далеко в сторону, и стал одеваться, думая о самых обыденных вещах. Застегнув пряжку на ремне, я вышел из дома и вздрогнул от холодного воздуха.

Драма разыгралась, когда мне оставалось каких-нибудь сто метров до маяка. Чтобы хоть как-то разнообразить свои действия, я решил пройти северным берегом, вместо того чтобы двигаться по дорожке в лесу. Путь по берегу был нелёгким. Справа от меня простирался океан, слева стеной стоял лес. Корни деревьев выглядывали из-под земли, кое-где скрываясь среди мусора, выброшенного на берег волнами. Иногда мне приходилось прыгать с камня на камень, чтобы не упасть в море. Я распевал студенческий гимн и, когда дошёл до третьего куплета, вдруг увидел дым на горизонте. Тонкая чёрная нить пригибалась под напором ветра совсем низко над морем. Корабль! Наверное, по какой-то причине он отклонился от своего маршрута и сейчас оказался совсем близко от острова. Да, да, это был корабль! Спотыкаясь и падая, я добежал до маяка. — Батис! Корабль! — и, не переводя дыхания: — Помогите мне включить прожектор!

Кафф рубил дрова. Он равнодушно взглянул в сторону моря.

— Они нас не увидят, — таково было его заключение, — слишком далеко.

— Помогите мне передать SOS!

Я взбежал вверх по внутренней лестнице. Кафф не спеша последовал за мной. „Слишком далеко, слишком далеко, они вас не увидят“. Батис был прав. Прожектор маяка был подобен огоньку светлячка, который вообразил, что может переговариваться с Луной. Но моё страстное желание вызвало у меня оптические галлюцинации, и на протяжении нескольких минут мне казалось, что корабль стал двигаться в направлении острова и что крошечная металлическая точка становилась виднее с каждым мигом. Естественно, я ошибался. Корпус судна провалился за горизонт. Ещё некоторое время можно было различить дым из трубы, ниточка которого становилась всё тоньше и тоньше. Потом и он исчез. Не осталось ничего.

До последней минуты я лихорадочно передавал морзянкой SOS, Save Our Souls, SOS, Спасите Наши Души. Никогда ещё молитвы и просьбы о помощи не сливались вместе с такой силой. И никогда не был явлен столь очевидный довод для атеизма. Они не придут. На этом корабле были люди, множество людей. Их где-то ждали семья, друзья, возлюбленные, судьбы, которые сейчас, именно сейчас, должно быть, казались им бесконечно далёкими. Но что они могли знать о расстояниях? Обо мне, о маяке? О Батисе Каффе и об Анерис? Для них мир, зажавший меня своими щупальцами, был не чем иным, как силуэтом вдали, ничего не значившим и бесплодным пятном Земли.

— Они вас не видят, — сказал Батис совершенно безразличным тоном, в котором не было ни сожаления, ни злорадства. Он до сих пор держал в руках топор и провожал корабль бесстрастным замороженным взглядом, мигая изредка, как большая сова.

Я поступил несправедливо по отношению к нему. Но поскольку никого другого поблизости не было, я сорвал на нём своё раздражение:

— Посмотрите на себя! У вас ни один мускул на лице не дрогнул! Во что вы превратились здесь, Кафф? Не желаете помочь мне ни с омохитхами, ни с людьми. Своими действиями или бездействием вы саботируете любую мою попытку поступать разумно или попытаться позвать на помощь. Если бы у потерпевших кораблекрушение были профсоюзы, вы бы стали отличным штрейкбрехером!

Батис направился вниз по лестнице, избегая стычки со мной. Но я побежал за ним по ступенькам, осыпая упрёками его спину. Он делал вид, что не слышит меня, и только бормотал проклятия на каком-то немецком диалекте. Я потянул его за рукав. Он поднял руки вверх, жестикую так, словно я был ненавистной ему тещей. Иногда ему удавалось отойти от меня, но я снова хватал его за локоть или за приклад винтовки, которая висела у него за плечами. Он остановился лишь на площадке перед маяком. Мы осыпали друг друга взаимными

обвинениями. Силуэт корабля сломал тонкие шлюзы, которые до сих пор удерживали нас на грани, за которой начинается открытая враждебность. Мне понадобилось довольно много времени, чтобы понять, что Батис уже давно молчит.

Он стоял с раскрытым ртом и не произносил ни единого слова, лишь поворачивал голову то направо, то налево. Оба берега, южный и северный, кишели крошечными омохитхами. Они стояли до пояса в воде или прятались между скал у моря, как крабы. Перепонки на их руках и ногах были почти прозрачными. Батис раздул ноздри и выпустил из них пар, как жеребец. Он посмотрел на небо, на яркие лучи солнца, а потом на маленькие фигурки, которые прятались на границе моря и суши. Он казался человеком, заблудившимся в пустыне, который пытается понять, что перед ним, мираж или реальность. Он сделал шаг в северном направлении. Детёныши скрылись за камнями. Рост большинства из них не превышал и метра. Вид этих существ вызывал чувство нежности. Даже волны, казалось, старались выкатываться на берег с большей осторожностью, словно умеряя свою силу, чтобы случайно не поранить их. Малышня раскачивалась на них, словно на надувном матрасе, и с интересом наблюдала за нами. Неожиданно Кафф снял с плеча винтовку и резким движением взвёл курок.

— Вы не сделаете этого, правда? — сказал я.

Он слотнул сплону. Его взгляд не мог констатировать никакой опасности. Перед нами были дети, всего лишь дети, которые не ждали наступления темноты, чтобы убить нас. Они появились именно сейчас, когда дни стали длиннее. В конце концов Батис развернулся и потрусил к маяку, исполненный недоверия ко всему и совершенно забыв обо мне.

Кафф мог спугнуть их одним выстрелом в воздух, но стрелять не стал. Почему он этого не сделал? Если перед нами были безмозглые твари, которые являлись источником наших бед и страданий, почему он их не убил? Мне кажется, что он сам не понял всей значимости своего отказа от насилия. А может быть, как раз понял.

С робостью воробышков и осторожностью мышат маленькие омохитхи приближались к сердцу острова, а значит, к маяку. В первые дни они не отваживались даже отойти от берега. Их присутствие заставляло нас чувствовать себя животными, выставленными напоказ в зоопарке. Сотни глаз цвета зелёного яблока следили за нами часами, не пропуская ни одного, даже самого незначительного нашего движения. Мы не знали точно, как нам следовало себя вести. Особенно трудно приходилось Каффу. Теперь, когда противник был таким безобидным, он не знал, какую позицию ему следует занять. Его недоумение в точности отражало обуревавшие его противоречия. Угрызения совести заставляли его не давать воли упрямству.

Он превратился в какого-то человекоподобного паука и покидал маяк только рано утром. Через пару часов появлялись первые ребятишки, всегда исполненные любопытства. Кафф делал вид, что не замечает их, и почти сразу прятался в своей комнате. Иногда он уводил с собой Анерис и привязывал её за шиколотку к ножке кровати. Однако порой действовал так, словно она была пустым местом. Его поведение становилось ещё более непредсказуемым.

Кафф был из тех людей, которые распространяют вокруг себя крепкий запах своего тела, — я отнюдь не хочу сказать, что от него воняло, просто это являлось его особенностью, — и сейчас вся комната пропиталась характерным для него духом. Ни одному европейскому носу не дано было установить происхождение сего аромата. Чтобы избежать воображаемой опасности, он закрывал бронированные ставни на балконе, и его комната погружалась в темноту. Однажды я решил зайти туда и обнаружил его скорее благодаря обонянию, чем зрению. Тень возникла около одной из бойниц: он наблюдал за плавучим детским садом, в который превратился наш остров. Солнечный свет проникал через узкую горизонтальную щель, рисуя на его лице, на уровне глаз, подобие карнавальной маски. Комната из спальни превратилась в логово зверя. — Это дети, Кафф, только дети. Дети не убивают, они просто играют, — начал я разговор, протискиваясь через люк. Но он даже не взглянул на меня. Вместо ответа приложил палец к губам, предлагая мне замолчать.

Я тоже постоянно был начеку. Но моя тревога была скорее благотворной. Наши противники были выходцами из другого мира, я их не понимал. Они вели с нами войну, а потом вдруг посылали своих детей на поле сражения. Возможно, они считали нас чем-то вроде сифилиса, который поражает только взрослые особи. Как бы то ни было, не надо иметь большого ума, чтобы обнаружить некую связь между воткнутым в песок ружьём и появлением их детёнышей. Что скрывалось за этим: решение гениальных стратегов или полная безответственность? С другой стороны, если они хотели сообщить нам о своём решении, какими способами они

располагали? Пока мы использовали огнестрельное оружие, они всегда противопоставляли ему свои сильные обнажённые тела. Я попросил их о перемирии, оставив на пляже разряженное ружьё, и они ответили, послав к нам безобидные создания. Было ли это выражением извращённой логики или, напротив, гениальной мыслью?

Детёныши очень быстро поняли, что я не причиню им никакого вреда. В последующие дни они смело выбирались на сушу, но до поры до времени держались на почтительном расстоянии. Несмотря на то что я старался казаться серьёзным, мне иногда не удавалось удержаться от улыбки: они разглядывали меня очень пристально, всё смотрели и смотрели. Глаза их были невероятно широко открыты, рты разинуты, словно их заворожил фокусник на ярмарке. Однажды утром я углубился в лес, чтобы отдохнуть. Меховая шуба служила мне матрасом, толстые штаны не пропускали холода, руки я скрестил на груди, чтобы не замёрзнуть. Но спокойно отдохнуть мне не удалось. Хор голосов где-то поблизости заставил меня открыть глаза.

Их было пятнадцать, а может быть, двадцать. Они висели на ветках на разной высоте от земли, разглядывая меня своими совиными глазами. Я пребывал в том состоянии полусна, который только усиливал ощущение нереальности происходящего. Деревья не были для них привычной средой, поэтому они карабкались по веткам крайне неловко. От этого их крошечные тела казались необыкновенно хрупкими. Стоит мне резко подняться, как они, испугавшись, бросятся врассыпную и могут ушибиться. Я протёр глаза.

— Ну-ка, давайте отсюда, — сказал я, стараясь не повышать голоса. — Идите обратно в воду. Они не двинулись с места. Я поднялся в полный рост в окружении толпы маленьких соглядатаев. Большинство из них не говорили ни слова и не шевелились. Некоторые тихонько что-то бормотали или хватали стоявшего рядом товарища за плечи, то ли начиная шуточную борьбу, то ли выражая братские чувства; но и эти ни на минуту не сводили с меня глаз. Я не смог удержаться от искушения и потрогал ступни малыша, который был ближе всех ко мне. Он сидел на толстой горизонтальной ветке и болтал ногами. Стоило мне дотронуться до маленькой пятки, как дружный смех разнёсся по лесу.

Очень скоро они совсем перестали меня бояться. Настолько, что даже стали надоедливими. Куда бы я ни шёл, эти маленькие лысоголовые существа следовали за мной. Они напоминали стаи голубей, обитающих на площадях больших городов. Оборачиваясь, я видел прямо за собой, на уровне пупка, целый ковёр круглых голов. Иногда какое-нибудь резкое движение пугало их, но малыши отступали лишь на несколько метров. Им страшно нравилось трогать меня. Самые дерзкие проказники щипали меня за локти и за колени, потом отбегали и снова нападали, смеясь своим резким, похожим на утиное кряканье, смехом. Стоило мне где-нибудь присесть, и сотни крошечных пальчиков принимались перебирать мои волосы на затылке. Пару раз я даже дал оплеуху какому-то озорнику. Однако потом мне самому становилось стыдно. По правде говоря, я очень быстро к ним привык. Малышня играла вокруг маяка с раннего утра и до вечера. Единственная предосторожность, которую следовало неуклонно соблюдать, состояла в том, чтобы плотно закрывать входную дверь, иначе они таскали всё, что попало. Проказники заходили внутрь и уносили со склада самые разнообразные предметы: свечи, стаканы, бумагу, трубки, расчёски, топоры и бутылки. Однажды воришка ухитрился даже утащить аккордеон, который был гораздо больше его самого; мне удалось перехватить его, когда он убежал со своим грузом, как муравьишка с огромным зерном. В другой раз в их руках оказалась динамитная шашка. Кто знает, откуда они её только взяли. К моему ужасу, я застал их за игрой, которая напоминала регби: только вместо мяча у них была взрывчатка. Однако не имело смысла обвинять их в воровстве, потому что они даже не подозревали о значении слова „кража“. Если какой-нибудь предмет попадался им на глаза, это было достаточным поводом для того, чтобы его себе присвоить. Когда я громко их ругал, они даже не реагировали, словно воспитали: эти вещи здесь, значит, мы можем их просто взять, они же ничьи. Любые попытки воспитать их, используя притворные угрозы или ласки, ни к чему не приводили. И если дверь на склад ещё можно было закрыть, то наши наружные оборонные сооружения спасти не представлялось возможным. Стекляшки, обкатанные волнами, которые мы с Батисом воткнули в щели, привлекали их своим жёлтым, красноватым или зелёным блеском. Малыши их отколупывали, чтобы сделать себе ожерелья. В один злосчастный день они обнаружили, что верёвки и жестянки возле стен представляют собой великолепную игрушку. Озорники таскали их за собой, бегая толпой взад и вперёд: всем известно, что дети подвержены стадному чувству

даже больше взрослых. Я тратил половину дня на ремонт наших укреплений. Если мне удавалось застать их за какими-нибудь проказами, то я ревел, как страшный дракон из своей пещеры, но они уже убедились в моей безобидности и в качестве ответа только тянули сами себя за уши двумя пальчиками. Вероятно, у омохитхов этот жест означал то же самое, что у нас показывать нос.

Я начал воспринимать малышей, как некий барометр насилия. Пока они здесь, считал я, омохитхи не нападут на нас. Мне было страшно не столько за себя, сколько за эту ребятню. Я не мог себе представить реакцию Каффа, если какие-нибудь проказники попробовали бы открыть люк, ведущий на его этаж. Самым большим озорником был очень некрасивый заморыш, туловище которого напоминало треугольник. Именно треугольник, потому что у него были очень широкие плечи и удивительно узкие бёдра, гораздо менее развитые, чем у его собратьев, словно природа ещё не решила, каким полом наделить это существо. Его некрасивость подчёркивалась ещё и тем, что он постоянно кривлялся; его рожища летучей мыши ни на минуту не приобретала спокойного выражения. Другие малыши никогда не приближались ко мне поодиночке, они предпочитали выступать сообща. Этот же часто шёл один прямо передо мной. Малыш чеканил шаг, высоко поднимая локти и колени с высокомерием молодого офицера. Я не обращал на него внимания. Задетый моим пренебрежительным отношением, он устраивался прямо возле моего уха и начинал произносить длинные речи. В таких случаях я брал его за плечи и разворачивал на сто восемьдесят градусов. Он удалялся, откуда пришёл, двигаясь, словно заводная игрушка. Но однажды он переборщил. Как-то вечером я сидел на скале, пытаясь зашить свитер, на котором и так не было живого места. Малышня уже отправилась в свой подводный мир. Остался только Треугольник. Каждое утро он появлялся первым, а каждый вечер уходил самым последним. Малыш стал теревить моё ухо. Я и так был не весьма искусным портным, а тут ещё его пальчики раздражали меня. Неожиданно я почувствовал, что он прижался ко мне всем телом. Его руки обвили мою грудь, а ноги обхватили бёдра. Более того: он принялся сосать мочку моего уха. И, конечно, сразу получил затрещину.

Господи, как же он плакал! Треугольник бегал с воплями, страшно подвывая. Я было засмеялся, но тут же в этом раскаялся. Нетрудно было догадаться, что он отличался от своих сверстников. Продолжая плакать, Треугольник побежал к северному берегу, но прямо у линии волн замер, словно решив, что здесь не найдёт себе утешения. Не теряя ни минуты и не прекращая рыдать, он направился к южному берегу, но на этот раз даже не опустился на песок. Плач перемешался с безутешными стонами, и малыш начал кружиться на одном месте, как юла.

Иногда сочувствие открывается нам, как вид цветущей долины за последним холмом. Я спросил себя, насколько этот подводный мир отличался от нашего: вне всякого сомнения, там были отцы и матери, а поведение Треугольника и взвалило, что были и сироты. Я не мог больше выдерживать рыданий Треугольника и взвалил его себе на спину, как мешок с мукой. Я отнёс его на скалу и устроился шить снова. Он опять припал ко мне всем телом, принялся сосать мочку моего уха и так и заснул. Я пытался оставаться равнодушным.

14

Я понимал, что эти спокойные дни были лишь хрупким перемирием, что каждый час без воя и выстрелов являлся бесценной отсрочкой. Я изо всех сил гнал от себя мысли о том, что произойдёт дальше, рано или поздно, каким бы ни было это будущее. Человеческая слабость в том и состоит, что мы создаём себе надежду, провозглашаем её раз, и другой, и третий — до бесконечности, и само это настойчивое повторение приводит к стиранию границ между желаемым и действительным.

С каждым днём появлялись новые приметы ухода антарктической зимы, которая уступала место бурной весне. Солнце улыбалось нам с каждым разом всё дольше; каждый день отвоёвывал у тьмы драгоценные минуты. Снег теперь шёл не так часто, редкие снежинки становились всё мельче и прозрачней. Иногда нельзя было понять, то ли шёл снег, то ли дождь. Туман нас уже не обволакивал, как раньше. Облака поднялись выше над горизонтом.

Я отказался от ночных дежурств на балконе с Батисом. В этом теперь не было нужды. Но мне представлялось, что время нам подарено не зря: присутствие малышей не только означало перемирие, но и давало обеим воюющим сторонам возможность передышки.

Я сказал ему:

— Они не нападут на нас, Кафф. Эти детёныши — наш щит: пока они здесь, нас никто не тронет. Ни днём, ни ночью. Отдыхайте.

Батис пересчитывал пули.

— Если однажды утром малыши не вернуться на остров, вот тогда нам надо будет волноваться. В тот день, вероятно, что-нибудь произойдёт, но я не знаю, что именно.

Кафф развязывал шёлковый платок, считал пули и снова завязывал узелок. Он обращался со мной так, словно я никогда и не жил на его маяке.

Кроме того, присутствие Треугольника осложняло ситуацию. С того самого дня, когда я разрешил ему приблизиться ко мне, он не отходил от меня ни на минуту. По ночам даже спал рядом со мной, ничего не ведая о наших заботах и тревогах. Этот малыш был настоящим клубком нервов, он возился под одеялами, как огромная мышь. Бедняга долго не мог успокоиться, а потом принимался сосать моё ухо и засыпал, прижавшись ко мне и свернувшись клубочком: его нос издавал звуки, подобные шуму в засорившихся водосточных трубах. Но я благословлял его. Когда взрослые сталкиваются с ребяческим эгоизмом, их боли и невзгоды отступают: наверное, не выдерживая сравнения. Я: Чем кончится эта война миров? Он: Какая тут тёплая постель!

Однажды утром мы собрались на скале перед маяком: Анерис, Треугольник и я. Мы играли в снежки и хохотали до упаду. Кафф возник неожиданно, он напомнил мне мокрую ворону. Его длинное чёрное пальто, волосы и борода, тоже чёрные, резко выделялись на белом снегу. Он нёс винтовку, гарпун и поленья, прижимая их к себе двумя руками. Его поклажа была невероятно тяжёлой. Думаю, что не со зла, а просто по привычке он положил конец нашей игре. С неожиданной яростью он погрозил палкой Треугольнику, который убежал испуганный, и увёл с собой на маяк Анерис.

Батис, видимо, усматривал опасность нашего занятия, с первого взгляда такого безобидного. Мы просто резвились, это была игра. А в игре, даже самой наивной, проявляется общность интересов и равноправие; исчезают границы, иерархии и биографии. Игра — это пространство для всех и каждого. И этот простой мир дружелюбия не мог прийти по душе Батису Каффу. Прежде чем он исчез за дверью, я кинул в него снежок и попал прямо в затылок.

— Эй, Кафф, улыбнитесь хоть чуть-чуть, — сказал я. — Может быть, нам даже удастся выйти живыми из этой переделки.

Он бросил на меня взгляд, каким последователи основной линии партии награждают ревизионистов. Кидать в него второй снежок было бы по-настоящему опасно.

* * *

За время пребывания на острове моё восприятие мира изменилось, хотя я сам не отдавал себе в этом отчёта. С наступлением каждого нового дня солнечные лучи проводили границу между подводным и надводным мирами, и непримиримая их вражда прекращалась. Однако иногда именно в эти последние минуты ночи чудовища преподносили нам сюрпризы. Природа нашего острова была относительно безжизненной: ни птиц, ни насекомых. Все звуки, не связанные с нашей с Батисом деятельностью, доходили до нас с небесного свода или из морских глубин. Мы с Каффом ненавидели тихие дни. Когда на море был штиль, а ветер затихал, наши нервы испытывали дополнительное напряжение. В любом шорохе нам слышался противник, а потому при малейшем подозрении начинали стрелять из ракетниц. Однако теперь я видел мир по-иному. Мне стоило некоторых усилий восстановить опыт моей прошлой жизни, когда тишина не заключала в себе угрозы. Рассвет вставал над островом. Малыши всплывали на поверхность и начинали играть в окрестностях маяка. Батис удалялся в своё убежище, как слон, который спасается от назойливых moskitov. Таким образом он поворачивался спиной к реальности. Треугольник завоевал для себя царские привилегии и целый день висел у меня на шее или сидел на закорках. Это было необъяснимо: на протяжении месяцев мы своим огнём заставляли сотни омохитхов держаться на почтительном расстоянии от маяка, а сейчас я не находил в себе сил отпугнуть существо, которое едва доходило мне до пояса.

Он был озорным и не умел беречь свои силы. Целый день он носился впереди стаек маленьких омохитхов взад и вперёд по острову. Когда его товарищи уходили домой, он валился с ног от усталости и тут же засыпал где придётся, не обращая внимания на неудобства. Ближе к ночи я находил его под каким-нибудь деревом или в выемке гранита и переносил в свою постель. Там я накрывал его одеялом, хотя и сам не понимал, какой был в этом смысл: мне казалось, что омохитхи безразличны к жаре и к холоду. Но мне всё равно хотелось укутать его.

Закат принадлежал мне одному. Я привык отдыхать на берегу, на который ступил когда-то впервые на остров. Бухта была небольшая, и волны подкатывались к берегу усмирёнными. Передо мной открывалась сцена Антарктиды, и я смотрел на неё из центральной ложи. Граница вечных льдов проходила в сотне миль к югу, но скованный льдами континент представлял собой такую величественную панораму, что я мог наслаждаться ею отсюда. Когда последний луч солнца умирал, на небе начинался волшебный фейерверк. Вспышки жёлтого огня и золотые весенние всполохи расцветали на небосводе. Оранжевые и лиловые лучи боролись в вышине, словно воздушные драконы, извиваясь и заключая друг друга в объятия. Когда вспыхивали последние огни, я заставлял работать своё воображение. Мне хотелось представить себе, что омохитхи шепчут мне, сливая свои голоса с шорохом откатывавшихся от берега волн: нет, мы вас не убьём сегодня, не убьём. Потом я возвращался на маяк и проводил там ночь.

Снег таял, а мои отношения с Батисом становились всё холоднее. К этому времени, как это не покажется странным, единственным элементом, укреплявшим нашу связь, была погода. Пока омохитхи сжимали вокруг нас своё кольцо, нам не приходило в голову задуматься о других опасностях: так человек, которому угрожает штык, не успевает обеспокоиться по поводу возможного приступа аппендицита. Однако теперь, когда омохитхи удалились со сцены и на нас накатила бурная антарктическая весна, вечные грозы и бури не оставляли нам ни минуты покоя. Гром гремел так, словно тысячи орудий осыпали нас снарядами. Стены дрожали, через бойницы вспыхивал ярчайший свет. Молнии заполняли горизонт, точно корни гигантских растений. Господи, какие молнии! Хотя мы и не признавались в этом друг другу, но умирали со страха. Анерис ничуть не боялась. Возможно, она просто не представляла себе реальной опасности нашего положения. Ей было невдомёк, что строители маяка не позаботились о том, чтобы установить на нём громоотвод. Мы об этом знали. В любую минуту мы могли быть испепелены, как муравьи под лупой злого мальчишки. И так, пока Анерис замороженно смотрела на молнии, мы с Батисом пригибали головы и молились как могли, подобно доисторическим людям, которые были беззащитны перед лицом стихий.

Однако наше единение ограничивалось лишь теми минутами, когда мы ощущали страх и тревогу. Когда же Батис уводил Анерис в свою комнату, мне приходилось заглушать свои чувства. Иногда я не мог уснуть всю ночь. Под сводами маяка раздавался голос Каффа, который мучил свою пленницу. Я его откровенно ненавидел и делал над собой героические усилия, чтобы не поддаваться желанию подняться по лестнице и увести Анерис с его грязного ложа. В те дни мне было гораздо проще разрядить свою винтовку в Батиса, чем в омохитхов. Он не знал о том, что самым мощным зарядом взрывчатки, которую он поднял с португальского корабля, был я сам. Теперь каждую ночь фитиль моей динамитной шашки воспламенялся, и сколько раз мне удастся задуть его до взрыва, неизвестно никому. Моя страсть к ней становилась всё больше, вырастая за пределы острова, на котором возникла.

Иные мелодии прекрасны тем, что не позволяют нам думать. Анерис, вне всякого сомнения, была воплощением одной из таких мелодий. Я мог лишь спрашивать себя о том, была ли у меня возможность противостоять этому соблазну. Теперь становилось понятно, почему Кафф так старался прикрыть её первой попавшейся тряпкой: даже у самого непорочного инокса голова бы пошла кругом, стоило бы ему только на неё взглянуть. Свитер, который она носила, казался мне оскорбительнее, чем раньше. Когда-то белый, он стал теперь желтовато-серым; волокна шерсти на рукавах и внизу висели бахромой, повсюду виднелись дыры. Иногда, когда Батис не мог нас видеть, я освобождал её от этого балахона. Нагота являлась для неё естественным состоянием, и она нисколько её не стыдилась: смысл слова „стыд“ был ей непонятен. Разглядывая Анерис с тысяч углов зрения, я никогда не переставал ею восхищаться. Когда она, нагая, шла по лесу. Когда садилась на гранитную скалу, скрестив ноги. Когда поднималась по лестнице маяка. Когда загорала на балконе в лучах нашего грустного солнца, неподвижная, как ящерка: лицо запрокинуто, подбородок поднят к небу, глаза закрыты. Как только представлялась такая возможность, я занимался с ней любовью.

Поскольку Батис добровольно превратился в узника маяка, вооружённого винтовками, а омохитхи не появлялись, улучшить момент нам было нетрудно. Правда, Кафф тиранил свою заложницу сильнее обычного, но делал это совершенно непоследовательно: он то удерживал её около себя, то, наоборот, прогонял прочь. Ночью она страдала, а днём томилась без дела. Я не раз замечал это, когда мне приходилось подниматься на верхний этаж, чтобы прихватить что-нибудь съедобное. Пока Батис нёс караул на балконе, Анерис наводила порядок в комнате. У неё были весьма своеобразные представления о том, как должны располагаться предметы. Полки казались ей местами ненадёжными, и она ими пренебрегала. Ей нравилось расставлять вещи на полу плотными рядами и закреплять каждую сверху камешком. Когда я освобождал её, мы прятались где-нибудь в лесу. Малыши несколько раз заставляли нас вместе, но, по правде говоря, не обращали на нас внимания. Всем известно, что по глазам детей можно прочесть их мысли. Им свойственно принимать как должное то, что они видят, а не следовать заученным истинам. Невиданное раньше просто кажется им новым, а вовсе не странным. Когда мне это удавалось, я потихоньку старался понять отношение Анерис к малышке: оно было практически безразличным. Она просто воспринимала их как дополнительное неудобство. Они могли бы стать связующей линией между ней и её сородичами, могли бы вызвать у неё воспоминания и принести ей новости из её мира. Однако Анерис не проявляла к ним ни малейшего интереса и уделяла им столько же внимания, сколько человек — муравьям. Однажды я увидел, как она ругала Треугольника. Если малышка вообще была назойливой, то этот стоил целой дюжины. Она распекала его, а проказник преспокойно говорил ей одно и то же, словно был глух к её брани. Эта способность моего подопечного всегда казалась мне исключительно ценным свойством, но она считала её худшим из недостатков. Любому стороннему наблюдателю было ясно, что ярость Анерис была направлена вовсе не на бедного малыша, а против её сородичей. Она отрёклась от них, так же как я отрёкся от людей. Дело было именно в этом. Нас отличало только то, что Анерис и омохитхов разделяло совсем небольшое расстояние, тогда как люди были от меня бесконечно далеко. Зачем я задавал вопросы, на которые невозможно найти ответа? Я был жив. Меня уже давно могло не быть на этом свете, а я жил. Надо удовлетвориться этим и не просить большего. Чудовища давно могли бы разорвать меня в клочья, и мой труп разлагался бы на дне Атлантического океана. И тем не менее я находился рядом с ней и мог ласкать её, не зная ограничений, забыв обо всём. Однако мои попытки стать ей ближе каждый раз заканчивались неудачей.

Мог ли я удивляться этой настороженности, зная, как она жила на маяке раньше? Как бы то ни было, её отношения с этим человеком переплетались с моими. Более того, сначала я даже стал соучастником его жестокости. С другой стороны, без сомнения, никто не удерживал её на маяке силой. Казалось, она не испытывала к Каффу ни ненависти за совершённое над ней насилие, ни благодарности за предоставленную защиту. Словно этот ограниченный человек, который грубо овладевал ею, унижал её и бил, был просто неизбежным злом и не более того.

Любовные ласки приоткрывали какую-то иную дверь, я читал это на её лице. Она смотрела на меня словно через толстое стекло, с выражением, которое легко можно было спутать с нежностью. Эти всплески желания, несмотря на всю их убогость, всё же немного приближались к какому-то подобию любви. Но это был только мираж. Даже под пыткой она бы не стала отвечать мне лаской. Когда я пытался начать с ней разговор с откровенностью, достойной нашей участи двух самых одиноких на планете любовников, когда обнимал её слишком крепко, глаза Анерис затуманивались, как у умирающей птицы.

Однако не стоило даже пытаться описать нашу жизнь, она не следовала никакому сценарию; маяк принадлежал к области непредсказуемого, и наша история потекла далее по очень извилистому руслу.

Однажды малыши не появились в обычный час.

Ближе к полудню, когда стало очевидно, что они уже не придут, Треугольник расположился на скале, как орлёнок, и стал пристально смотреть на океан. Но его тревога длилась недолго.

Вскоре он уже обнимал моё колено и извивался всем телом. Таким образом проказник выражал своё нетерпение, когда ему хотелось играть.

Больше всех переживал по поводу исчезновения малышей я. Они были единственной отдушиной на этой обожжённой порохом земле. Анерис пребывала в своём обычном непроницаемом молчании. Батис ощущал прилив энергии, он был счастлив, что могло показаться странным. Но таковым не являлось. Хотя Кафф никогда бы в этом не признался, он понимал, что малыши были каким-то сигналом. Сейчас, когда они исчезли, его порядок восстанавливался. И точка. Ему не приходило в голову, что вслед за исчезновением малышей могло произойти какое-то новое событие.

Я наблюдал за ним, когда он раскладывал боеприпасы, устраивал новые заграждения, готовил новое оружие. Батис соорудил из пустых консервных банок некое подобие органа, в трубы которого положил оставшиеся сигнальные ракеты, чтобы стрелять ими, как снарядами. Он много болтал и даже смеялся. Возможность обстрелять нападающих разноцветными ракетами чрезвычайно его вдохновляла. Кафф шутил по этому поводу, но меня несколько не радовал его чёрный юмор.

Это было воодушевление умирающего. Выиграть битву мы не могли. Держаться до последнего патрона, возможно, оправдывало его понимание жизни, но никогда бы её не спасло.

Мы пообедали вместе.

— Возможно, они не станут дожидаться ночи, — сказал я.

— Можете на меня рассчитывать, — повторял Кафф. — Я им задам перца.

И смеялся, морща нос, как кролик.

— А что, если они не собираются нас убивать? Вы всё равно будете стрелять?

— А вы? — спросил он. — Не будете стрелять, если они попытаются это сделать?

Анерис сидела на полу, скрестив ноги. Её глаза были открыты, но смотрели в никуда. Она не шевелилась, точно спала наяву. Я подумал, что наши баталии вертятся вокруг неё, как планеты вокруг солнца. Батис улёгся на кровать, заскрипели пружины. Его огромный живот то поднимался, то опускался. Кафф не спал, но и не бодрствовал, так же, как Анерис. Что делал я посередине комнаты с винтовкой в руках? Мой разум говорил, что я держал её из предосторожности, а сердце говорило, что я делал это по обязанности. Батис открыл глаза. Он смотрел в потолок не мигая и, не поднимаясь с кровати, спросил:

— Вы хорошо закрыли дверь?

Я понял ход его мыслей. Таким образом, он по-своему принимал возможность того, что омохитхи придут при свете дня. Но эта фраза вызвала у меня и иные чувства. На протяжении последних дней Кафф смотрел сквозь пальцы на моё решение опека́ть Треугольника. Где он был сейчас? Батисом руководили исключительно практические соображения: он боялся, что озорник учинит какую-нибудь глупость во время боя. Меня раздосадовало, что именно Кафф напоминал мне об этом.

Я бегом спустился по лестнице. Внизу его не было. Я выбежал с маяка, замирая от страха. Там, на границе леса, я увидел его. Свет заходившего солнца отбрасывал на снег голубоватые отблески. Треугольник сосал палец и, увидев меня, засмеялся. Несколько омохитхов стояли на коленях возле него; они обнимали его и дружелюбно говорили ему что-то на ухо. За деревьями виднелись ещё шесть или семь его сородичей. Я разглядел только их светящиеся глаза и лысые головы.

Мороз пробежал у меня по коже. Однако никакой западни тут не было. Множество рук омохитхов подтолкнули Треугольника, и он подбежал ко мне. Пошёл дождь. Крупные капли стучали — тон, тон, тон — и пробивали в снегу кратеры, как маленькие метеориты. Треугольник вцепился в моё колено, требуя, чтобы я посадил его на закорки. Все его интересы сводились к одному: во что мы будем играть.

Вероятно, омохитхи ожидали какого-то ответа на свой жест доброй воли. Но вдруг мне показалось, что их лица напряглись. Я обернулся и заметил Батиса, который наблюдал за нашей сценой. Он метался по балкону, как нервный скунс. На перилах ему уже удалось закрепить своё изобретение.

— Они пришли с миром, Батис! — крикнул я, одной рукой прикрывая Треугольника, а второй размахивая в воздухе. — Они нам не желают зла!

— Прячьтесь на маяке, Камерад! Я вас прикрою!

Он пытался привести в действие своё орудие. При помощи шнура Кафф соединил ракеты, которые заложил в жестяные трубки. Жерла этого орудия целились прямо в нас.

— Не делайте этого, Кафф! Не поджигайте фитиль!

Но он его поджёг. Стволы были недостаточно длинными, и ракеты взлетели беспорядочно.

Одни осыпали нас искрами, пролетая над головами, другие падали на землю и подскакивали несколько раз, прежде чем разорваться. Восьмицветный фейерверк горел над долиной. Я упал на землю, прикрывая своим телом Треугольника, но во время этой безумной атаки он выскользнул из-под меня, точно рыбка.

Омохитхи прыгали взад и вперёд, стараясь увернуться от ракет и пуль Батиса, которые свистели рядом с моей головой, жужжали, как пчёлы, решившие устроить себе гнездо у меня в ухе.

Треугольник плакал от страха, стоя на полпути между мной и своими сородичами. Я присел на корточки и жестом позвал его к себе, обещая защитить от любой беды. Он колебался, не зная, искать ли убежища у меня или бежать к морю. Его внутренняя борьба причиняла мне боль. Мне казалось, что нас словно разделила стеклянная стена, в которой невозможно было найти даже маленькую лазейку, чтобы снова оказаться вместе. Наконец он отступил на несколько шагов. Потом удалился в сторону моря. Я увидел, как он прыгнул в волны. Получи я удар штыком между рёбер, мне было бы не так больно.

Добравшись до маяка, я взлетел вверх, перепрыгивая через ступеньки, и в ярости схватил Каффа за грудки. Я сжал его с такой силой, что одна из пуговиц его бушлата осталась у меня в кулаке.

— Я вам жизнь спас! — протестовал он.

— Спас жизнь? — зарычал я. — Вы разрушили последнюю нашу возможность её сохранить!

Я вышел на балкон. Как этого и следовало ожидать, омохитхи растворились. Треугольника тоже не было видно. Скоро стемнеет. К дождю присоединились порывы сильного ветра. Трубки орудия Батиса — идиотские жестянки — звенели, ударяясь об ограду балкона. Сначала этот шум бесил меня, но потом заставил погрузиться в безнадежную меланхолию. „Какой ничтожный зауспокойный звон“, — сказал я себе. Батис пристально всматривался вдаль и повторял:

— Где они, где, где?

Мне не оставалось ничего другого, как сжимать в руках винтовку и плевать на ветер. Иногда я с горечью бросал ему какое-нибудь оскорбление. Мы следили друг за другом то исподтишка, то открыто. Наступила темнота. Положение стало абсурдным до крайности. Мы не произносили ни слова, сидя каждый на своём конце балкона, и уже не знали, следим ли мы за движениями в темноте или друг за другом. До самой полуночи ничего не происходило. Дождь смывал остатки снега, сбежал ручейками по выемкам гранита и уносил к морю плоты мёртвых веток.

Неожиданно луна раздвинула тучи, которые её закрывали. Это позволило нам разглядеть нескольких омохитхов. Они были у опушки леса, там же, где и раньше, и не делали никаких попыток, чтобы приблизиться к маяку. Я искал глазами Треугольника. Батис выстрелил.

Омохитхи пригнулись, некоторые опустились на четвереньки и бросились наутёк.

— Полюбуйтесь на своих друзей! — торжествующе сказал Батис. — Они уползают, как черви.

Где ещё вы могли видеть таких ничтожных созданий?

— На любом поле боя, идиот! Я и сам ползал по земле, когда надо мной свистели пули! — закричал я. — Не стреляйте! Как мы сможем найти с ними общий язык, если с маяка в них летят пули? Не стреляйте!

Одной рукой я направил дуло его ремингтона в небо. Однако Батис с яростью рванул винтовку на себя и разрядил её в сторону леса.

— Не стреляйте! Не стреляйте, проклятый австриец! — зарычал я, пытаюсь вырвать оружие у него из рук.

Кафф взбесился так, словно я хотел оторвать ему руку. Он взял винтовку наперевес и вытолкнул меня с балкона. Батис открыто объявлял мне войну, выкрикивая оскорбления в мой адрес. Красный от ярости, я опустился на стул, кусая губы. Нечего было и пытаться убедить в чём-либо человека, который потерял рассудок. Кафф последовал за мной. Он, рыча, отложил ремингтон в сторону и стал отчитывать меня: его речь то ускорялась, то неожиданно прерывалась, в ней не было ни связи, ни логики. Вместо ответа я просто наблюдал за ним, скрестив руки на груди, как это делают обвиняемые на скамье подсудимых. Он размахивал над

головой своим гарпуном, похваляясь подвигами. Анерис сидела на полу, прижавшись к стене; её кожа была гораздо темнее, чем всегда. Тоненьким голосом она затянула свою песню. Потерявший рассудок Батис пнул её ногой. Он сделал это вслепую, не думая, куда придётся его удар. В этот момент он казался мне страшнее омохитхов; я испытывал к нему такую ненависть, какой никогда не питал к ним. Град ударов Батиса повалил на пол мебель. Одной рукой он схватил Анерис за горло и прокричал ей прямо в ухо какую-то гадость на немецком языке. Его ручища душила её. Я подумал, что он свернёт ей шею, точно птице. Но этого не случилось. Он ещё плотнее прижал свои губы к её уху и стал шептать ей нежные слова. Батис говорил тоном, который был для него необычен. Более того: веки его глаз неожиданно набухли, ещё чуть-чуть — и он бы разрыдался. Кафф, это воплощение человеческой грубости, был готов расплакаться. Из упавшего шкафчика выглядывала книга. Я подобрал её. Это был том Фрейзера, который Батис от меня спрятал.

— Господи, вы это знали? — сказал я, стирая пыль с обложки. — Вы всегда это знали.

Снаружи слышался вой омохитхов, в нём слышалось скорее негодование, чем ярость. Каффом овладело крайнее напряжение. Мне казалось, что оно должно было как-то разрядиться, и, вместо того чтобы продолжать говорить, я замолчал. Лучшего способа показать ему, что он не в состоянии привести ни одного довода в свою пользу, мне придумать не удалось.

Выдержав паузу, я назидательным тоном предложил ему выход:

— Батис, нам надо предложить им что-нибудь взамен мира. Это вам не прусские войска: они не потребуют безоговорочной капитуляции.

Мне казалось, что Кафф был обезоружен. Но мои слова неожиданно придали ему силы для нападения. Яростно грозя мне пальцем, он заговорил. В его голосе я услышал иронию, на которую раньше считал его неспособным:

— Вы с ней переспали, это ясно как день. Вы с ней спите. В этом-то всё и дело!

Я хотел лишь предложить ему разумный выход: пойти на мирные переговоры, чтобы сохранить себе жизнь. Но обстоятельства складывались так, что он делал правильные выводы посредством ложных построений.

— Мои любовные интересы не совпадают с вашими, — сказал я самым дипломатичным тоном, на который был способен.

— Вы её заполучили! — сказал он, вспыхнув от ярости. — Вы её сделали своей. Я это чувствовал с того самого дня, когда впервые вас увидел, с того дня, когда вы переступили порог маяка. Я знал, что рано или поздно вы нанесёте мне удар в спину!

Наша любовная история в самом деле так волновала его? Маловероятно. Подобное обвинение было лишь клапаном, через который он направлял свою ненависть. Нет, он не просто обвинял меня в адюльтере. Я был достоин более жестокого порицания, как человек, поднявший свой голос против построенного им примитивного мира, в котором не было места оттенкам; я мог продолжить своё существование только при условии сохранения чёткой границы между чёрным и белым. Прикладом, наносившим мне удары, подобно дубине, двигала не ненависть, а страх. Страх понять, что лягушаны подобны нам. Страх перед тем, что они могут предъявить вполне выполнимые требования. Страх, что нам придётся опустить оружие, чтобы выслушать их. Винтовка, от которой я с трудом уворачивался, говорила об этом красноречивее любого оратора: Батис, Батис Кафф, в своём намерении уйти как можно дальше от лягушанов превратился в существо самой отвратительной породы, какую только можно себе представить, в чудовище, с которым невозможно вести какой бы то ни было диалог.

В какой-то момент я совершил роковую ошибку: мне не следовало испытывать его терпение до такой степени. Сейчас он был готов убить меня. Сам не знаю, как мне удалось добраться до люка. Спотыкаясь и падая, я спустился по лестнице и оказался на нижнем этаже. Однако Батис последовал за мной, рыча, как горилла. Его кулаки двигались с невероятной силой. Они опускались на мои плечи, словно удары молота. К счастью, толстая одежда немного смягчала удары. Кафф понял это, схватил меня за грудки обеими руками и с силой прижал к стене.

Голосом, который извергался из самых недр его биографии, он выплёвывал слова:

— Вы-то не итальянец, нет, не итальянец, на ваш счёт я никогда не ошибался. В том-то и беда, что я вас насквозь видел с самого начала и не помешал вам! Предатель, предатель, предатель! В его руках я казался беспомощной куклой. Кафф тряс меня и ударял об стену. Рано или поздно он расколот бы мне череп или сломал позвоночник. Его жестокость вызвала во мне ярость пойманной крысы: мне не оставалось ничего другого, как выколоть ему глаза. Но как только

Батис почувствовал на лице мои пальцы, он повалил меня на пол и стал топтать своими слоновыми ножищами. Я ощутил себя ничтожным тараканом и постарался отползти подальше, но, обернувшись, увидел в руках у Каффа топор.

— Батис, не делайте этого! Вы же не убийца!

Он не слушал меня. Я оказался на пороге смерти; моя голова отказывалась работать. Передо мной проплывали картины какого-то далёкого и бессмысленного сна. Но вдруг, когда Батис уже занёс надо мной топор, с ним произошло что-то странное. В его глазах отразился какой-то внутренний излом, внезапная вспышка мысли осветила его лицо, подобно метеору, пересекающему небосвод. Всё ещё держа топор над моей головой, он смотрел на меня с отчаянной радостью учёного, который взирал на солнце, желая проверить, как долго человеческий глаз способен выносить солнечный свет, пока лучи не сожгли ему сетчатку.

— Любовь, любовь, — произнёс он.

С тихой грустью Кафф опустил топор. Для него сейчас звучали скрипки, в этот миг он стал человеком, который тихонько прикрывает дверь комнаты, где спят его дети.

— Любовь, любовь, — повторил Батис, и на его лице появилось выражение, отдалённо напоминавшее улыбку.

Но вдруг он снова превратился в Батиса-дикаря. Только я для него уже не существовал. Он отвернулся от меня и открыл дверь. Зачем он это сделал? Господи, он открыл дверь! Избитый и оглушённый, я едва верил своим глазам.

Один из омохитхов тут же решил проникнуть на маяк и получил удар топора, который предназначался мне. Кафф схватил в другую руку полено и выскочил наружу.

— Батис! — позвал я, подбежав к порогу. — Вернитесь на маяк!

Кафф бежал по гранитной скале. Потом раскрыл руки и прыгнул в пустоту. Прыжок был так прекрасен, что мне на миг показалось, что он летел. Омохитхи напали на него со всех сторон. Они появлялись из темноты с криками кровожадного восторга, каких мы ещё никогда не слышали. Два противника хотели прыгнуть ему на спину, но Батису удалось от них избавиться, прокатившись по земле. Потом он вдруг превратился в центр кричащего круга. Омохитхи хотели приблизиться к нему; он размахивал топором и поленом так яростно, что они казались крыльями мельниц. Одному из нападавших удалось вспрыгнуть ему на спину, и гомон усилился. Кафф попытался ранить его, но не смог. В этой попытке он упустил жизненно важную секунду: круг сжался ещё больше. Страшная картина. Не обращая внимания на раны, которые наносил вцепившийся в спину противник, Батис продолжал рассекать воздух оружием, стараясь удержать на расстоянии остальных. Они не пожалеют его.

Я не мог более ждать. Цепляясь одной рукой за перила, а другой потирая правый бок, который страшно болел из-за полученных ударов, я поднялся по лестнице наверх. Одна из винтовок оказалась у меня под рукой. Я вышел на балкон. Внизу никого не было. Ни омохитхов, ни Каффа. Тишина. Только ледяной ветер.

— Батис! — всё-таки прокричал я в пустоту. — Батис! Батис!

Мне ответила тишина. Ему не суждено было вернуться.

С момента появления на маяке я пережил все несчастья, какие только можно себе представить. Дни, которые последовали за гибелью Батиса, принесли новые мучения. Сложность и противоречивость наших отношений только усиливали смятение моей души. Я испытывал упадок духа, это странное чувство разъедало меня, как морская соль. В нём сочетались грусть и потерянности, словно мои переживания не могли найти себе подходящего русла. Порой я плакал, подвывая, как ребёнок, порой смеялся дерзко, но ещё чаще смеялся сквозь слёзы. Мне было не под силу понять самого себя.

Можно ли тосковать о человеке, о котором в жизни не сказал доброго слова? Да, но только на маяке, где качества потерпевших кораблекрушение оцениваются по мелким трещинкам в монолите их недостатков. Там, на маяке, даже самые далёкие человеческие существа становились близки друг другу. Батис был для меня бесконечно далёким человеком. Но других людей мне не придётся увидеть. Теперь, когда Каффа не было рядом, на ум приходили его

каменная невозмутимость и верность товарища по оружию. Под тяжестью горя, такого смутного, безысходного и отчаянного, мне не удавалось согласиться с его смертью. Пока я работал — чинил укрепления и латал дыры в нашей обороне, — я говорил с ним вслух. Словно мне всё ещё надо было терпеть его грубые окрики, невоспитанность, его „zum Leuchtturm“ по вечерам. Иногда я начинал обсуждать с ним планы дежурства или какого-нибудь сооружения, но говорил в пустоту. Когда я наконец понимал, что его больше никогда не будет рядом, что-то внутри меня обрывалось.

Не знаю, сколько дней, а может быть, даже недель я прожил в этом оцепенении, скорее умственном, чем физическом. Мне кажется, я существовал по инерции. Батис был мёртв, а у меня не хватало сил, чтобы жить. Перед лицом опасности два человека — настоящее войско: мы доказали это. Но один человек не сможет противостоять беде. Я возлагал надежды на то, что смогу начать переговоры с противником. Однако самоубийство Батиса подрывало самые основы этого плана. Зачем им теперь искать мира, если они без труда могут уничтожить меня? Разве они захотят вести переговоры, после того как Батис стрелял в них? У меня почти не оставалось боеприпасов. Потери нашего гарнизона составляли половину его солдат. Ещё два-три штурма — и маяк рассыплется в прах. Я был одинок и практически беззащитен, поэтому меня так пугало поведение омохитхов.

За смертью Каффа последовала тишина. Они не штурмовали остров. Я не мог поверить своим глазам, глядя на необычайно тихую гладь океана. Ночи следовали чередой, не принося никаких новостей. Я сидел на балконе, оперев дуло винтовки на изгородь балкона; слава Богу, мне не в кого было стрелять. Когда наступал рассвет, я чувствовал себя опустошённым, как выпитая бутылка.

На протяжении этих дней моего одинокого траура я отделился от Анерис и даже не дотрагивался до неё, хотя мы спали вместе на кровати Батиса. Мой кризис одиночества усугублялся её холодным и безразличным поведением. Это приводило меня в недоумение. Она жила так, словно ничего не произошло: собирала дрова и приносила их в дом, наполняла корзины и таскала их. Смотрела на закат. Спала. Просыпалась. Её деятельность ограничивалась лишь самыми простейшими операциями.

В повседневной жизни она вела себя подобно рабочему, управляющему токарным станком, который раз за разом повторяет одни и те же движения.

Однажды утром меня разбудили новые звуки. Лёжа в кровати, я стал наблюдать за Анерис, которая сидела на столе, поджав под себя ноги. В руках у неё было деревянное сабо Батиса, и она предавалась занятию, которое показалось мне совершенно идиотским: поднимала башмак в вытянутой руке, а затем разжимала пальцы. Когда под действием земного притяжения сабо падало на деревянный стол, раздавался звук: хлоп. Её не переставало удивлять, что плотность нашего воздуха значительно ниже, чем плотность среды её мира.

Пока я наблюдал за этой игрой, смутное облако мыслей постепенно обретало форму. Оно становилось всё больше, приобретая угрожающие очертания. Проблема заключалась не в том, что она делала, а в том, чего она не делала. Батис был мёртв, а Анерис не выражала по этому поводу никаких чувств: ни радости, ни горя. В каком измерении она жила?

Не надо обладать даром провидения, чтобы понять, что она жила независимо от Батиса Каффа и будет жить так же независимо от меня. Тирания Батиса казалась мне шлюзом, который сдерживал сущность Анерис. Но когда шлюз разрушился, поток не вырвался на свободу. Я даже сомневался в том, что пережитый ею здесь, на маяке, опыт был подобен моему. И наконец, мне пришёл в голову вопрос: не была ли ей приятна эта борьба, не тешила ли её самолюбие мысль о том, что она являлась призом, за который сражались два мира?

Я выбросил сабо с балкона и взял её лицо в свои ладони. Я гладил её по щеке, не давая ей вырваться из моих объятий. Мне хотелось заставить её понять, что она доставляла мне боль сильнее той, что могли причинить все омохитхи вместе взятые. „Посмотри на меня, ради святого Патрика, посмотри. Быть может, ты увидишь человека, который не хочет достичь ничего особенного в жизни. Он лишь хотел жить в мире, вдали от всего и вся, вдали от жестокости и жестоких людей“.

Ни она, ни я не выбирали условий этого острова, такого некрасивого, холодного, а теперь ещё и обугленного. Но нравился нам этот остров или нет, другой родины у нас не было, и мы обязаны были сделать его по возможности приятным для жизни. Однако, чтобы добиться этого, она должна была увидеть во мне нечто большее, чем просто две руки, сжимающие винтовку.

Не знаю, когда я перестал кричать на неё и бить по щекам. Мной овладела такая ярость, что граница между оскорблениями и рукоприкладством стала тоньше папиросной бумаги. Анерис ответила. Когда она била меня по лицу своими перепончатыми руками, мне казалось, что меня стегали мокрым полотенцем. Мной двигала не ненависть, а бессилие. Последний удар отбросил её на кровать. Она замерла там, свернувшись в клубок.

Я не стал продолжать. Зачем тратить силы? Чего бы я добился, избивая её? Пренебрежение, которое она мне выказывала, её молчание — всё говорило о том, что она меня просто использовала и мне не суждено никогда приблизиться к ней. Наконец-то передо мной открылась разделявшая нас пропасть: я искал убежище у неё, а она — на маяке. Никогда ещё интересы двух существ так не совпадали и не были настолько противоположны. Быть может, осознав это, я уже не желал её так сильно? Нет. К несчастью, нет. Вулкан для Помпеи сделал то же самое, что Анерис — для моей любви: она разрушала её и одновременно сохраняла навеки. Надо признаться, что эта бурная сцена прочистила мне мозги. В первый раз после гибели Батиса я вырвался из уединения. Ноги вывели меня с маяка. Несколько глотков холодного воздуха оказали живительное действие. Я почувствовал, как щёки окрашиваются румянцем. Я долго не замечал, что за мной следят.

Они снова были у опушки леса. Шесть, семь, восемь, а может быть, больше. Им ничего не стоило воспользоваться случаем и наброситься на меня, но они этого не делали. Я предался их воле. Несмотря на то что Батис стрелял в них во время перемирия, несмотря на нашу измену, они давали мне ещё один шанс.

История маяка не отличалась логичностью. Можно было предположить, что теперь я, просясь от счастья, пойду к ним, чтобы наконец претворить в жизнь свои планы переговоров. Так и случилось. Однако, когда я увидел их, моим первым чувством была надежда снова встретить Треугольника. Я поднял руки вверх и медленным, но решительным шагом направился к опушке леса: единственным звуком, нарушавшим тишину мира, был хруст снега под моими подошвами.

Какие мысли приходили им в головы? Любопытство горело в их глазах. В этом блеске я увидел нечто подобное тому искреннему интересу, который испытывали их дети. Одни разглядывали мои глаза, другие — руки. Я мог найти тысячу объяснений каждому выражению их лиц и подумал, что обоюдное любопытство может послужить хорошим противоядием от насилия. Однако маяк был царством страха. Представим себе какое-нибудь насекомое с острым жалом, которое залетело к нам в ухо. Точно так же на меня вдруг напало сомнение, причиняя резкую боль. Я стал задавать себе вопросы, и они тотчас перевесили моё доверие к партнёрам: а что, если они борются не за этот островок в океане, а за что-то ещё? В конце концов, на что им далась эта бесплодная земля, жалкая растительность и острые скалы? Возможно, хотя это было только моим предположением, они желали получить нечто большее: то же, о чём мечтал я. Мне показалось, что внимание омохитхов уже не было направлено на меня. Я обернулся. За моей спиной на балконе показалась фигура Анерис. Омохитхи смотрели на неё, а не на меня. Я уловил её тревогу. Она вцепилась в перила обеими руками, растерянно глядя на происходящее. Вероятно, она думала, что связь, которая существовала между нами, была недостаточно прочной и я отдам её омохитхам. Разумеется, она ошибалась.

Сама возможность того, что они потребуют отдать им Анерис, разрушала мою решимость продолжать переговоры. Чем ближе я подходил к ним, тем тяжелее мне было шагать. Ноги перестали двигаться даже раньше, чем мозг отдал им такой приказ. Снег перестал скрипеть. Солнце сияло над нами; облака превращали его в маленький золотистый диск. Я был совсем близко к лесу, в двух шагах от них. Толстый корень змеёй выползал из-под земли и снова скрывался в ней. Я придавил его башмаком. Неподалёку несколько омохитхов стояли на том же корне. Ещё никогда мы не оказывались так близко. Но этим всё и кончилось.

Довольно долго я стоял столбом на одном месте. Омохитхи не двигались. Чего они ждали? Чтобы я выдал им Анерис? Но я не мог этого сделать. В чём бы ни заключался конфликт между ними и Анерис, не мне было разрешать его. Я готов был обсудить с ними любой вопрос, даже свою жизнь. Но о жизни без Анерис речи быть не могло. Я смог бы жить вечно без любви, если это было неизбежно, но не мог жить без Анерис. Что мне сулит будущее, если я потеряю её? Смерть без жизни, жизнь без смерти. Что хуже? Мороз среди лета или обжигающая жаром зима? И так до скончания дней.

Она помогла мне увидеть то, что скрывали лучи маяка; она показала мне, что враг может быть кем угодно, только не зверем. Он не может быть зверем никогда и нигде, а там, на острове, наверное, меньше, чем где бы то ни было. Без неё мне никогда не открылась бы эта истина, только она могла научить меня этому. Но на пути к истине рядом с Анерис я неизбежно воспылал к ней страстью, полюбил её так, как могут любить жизнь только терпящие кораблекрушение: безнадежно. Поэтому мной овладевала такая грусть: маяк помог мне понять, что познание истины не изменит жизнь.

Если бы в этот миг я поднял палец, на наши головы низверглись бы молнии всей Вселенной. Но я, естественно, не поднял палец; я пошёл назад.

Я обратил внимание на незначительную деталь: снег не скрипел так сильно, как раньше, когда я шёл по направлению к ним. Причину этого явления нетрудно было понять. Снег уже был спрессован: мои ноги наступали в те же самые ямки, которые оставили мои башмаки.

Остаток дня я провёл, наводя порядок в доме, который после нашей ссоры с Анерис стал похож на склад старьевщика. Я прибрался как смог. Её не было. Она скрылась сразу после того, как я вошёл на маяк, но непременно вернётся.

Ещё до наступления темноты Анерис поднялась в комнату через люк, робко и боязливо. Если она боялась, что я побью её снова, то глубоко ошибалась. Не обращая на неё внимания, я продолжал возиться с пилой и молотком. Потом сел за починенный стол и стал курить и пить джин, словно в комнате больше никого не было. Анерис спряталась за железной печкой. Виднелась только часть её фигуры: ступни, колени и руки, обнимавшие ноги. Изредка она высывывала из укрытия голову и следила за мной.

Бутылка опустошилась. Спиртное у нас хранилось в огромном сундуке, который мы превратили в винный погреб и установили рядом с прожекторами. Омохитхи могли напасть этой же ночью; несмотря на это, я не боялся напиться. Но когда я шёл по лестнице наверх, то вдруг передумал. Я вытащил Анерис за ногу из её тайника. Потом заставил её встать, чтобы затем свалить на пол такой сильной пощёчиной, что даже на следующий день у меня ещё горела рука. Она плакала и извивалась.

Господи, как я желал её. Но в ту ночь я не мог нанести Анерис более сильного оскорбления, чем не дотрагиваться до неё.

Я пьянствовал три дня и три ночи. А может быть, и дольше. Время и алкоголь играли в прятки. Опынение стало для меня не чем иным, как областью, где какие-то незначительные события водили свой хоровод. И только. Я пил и благодаря этому жил за кулисами, как будто представление не должно было начаться никогда. Порой, когда солнце садилось, я пытался нести караул на балконе, но засыпал среди винных паров. К утру мои пальцы становились тёмно-лиловыми. А указательный палец чуть было не пришлось ампутировать, потому что он всю ночь пролежал на железном курке. Я жил только благодаря тому, что омохитхи старательно готовили свой последний штурм; я жил только благодаря тому уважению, которое мы внушили им своими выстрелами. Какое жалкое утешение.

Однако опынение имело больше преимуществ, чем недостатков. Самое главное — ощущение того, что я уже не так сильно желал Анерис. С этой целью я надел на неё чёрный шерстяной свитер, весь в заплатках из мешковины, чтобы не видеть её ослепительную наготу. Рукава свитера, который закрывал её до колен, были длиннее её рук. Не раз, когда Анерис приближалась ко мне, я награждал её пинком, не вставая со стула.

И тем не менее прилагаемые мной усилия были тщетны. Мои издевательства над ней лишь подчёркивали ложность власти, более хрупкой, чем мощь империи, которую защищают стены из дыма или войска оловянных солдатиков. Когда я был слишком пьян или, возможно, слишком трезв, все мои ухищрения переставали действовать. Она не противилась моим домогательствам. Зачем ей было это делать? Чем больше я изображал, что обладаю ею безгранично, тем явственнее становилось моё ничтожество. Я понимал, что жил в тюрьме, где вместо решёток была пустыня. И если бы мне нужно было просто совоккупление... Часто ещё прежде, чем

овладеть ею, я разражался идиотскими рыданиями. Да, я пьянствовал не три дня, а дольше, гораздо дольше.

В последний из этих дней, утром, Анерис отважилась разбудить меня. Она тянула за ногу изо всех сил, но добилась лишь того, что я приоткрыл глаза. Крылья носа у меня привычно ныли из-за неумеренного употребления джина. Дыхание было пропитано сахаром. Не очнувшись до конца, я всё-таки сообразил, что мне легче не обращать на неё внимания, чем прогонять. Однако она продолжала настаивать и вцепилась в мои волосы. Боль смешалась с яростью, и я попытался ударить её, не открывая глаз. Она увёртывалась от моих ударов, треща, как возбуждённый телеграфный аппарат. Я швырнул бутылку в её неясный силуэт, потом ещё одну. Наконец она скрылась в люке, а меня охватило оцепенение, исполненное горечи и отвращения ко всему.

Сон не шёл, но и проснуться до конца мне тоже не удавалось. Сколько времени прошло зря? Мой мозг превратился в городскую площадь, где собралась толпа пророков и краснобаев. Стройные мысли перемешались с банальными глупостями, никакого порядка в этой куче не было, и я не мог отделить одни от других. Постепенно в моей голове выкристаллизовалась одна простая мысль: у Анерис, наверное, были достаточно веские причины, чтобы беспокоить пьяного с таким вспыльчивым характером.

Рассвет поднимался над балконом осторожно, словно солнце впервые видело остров. Сейчас я уже мог слышать их там, внизу, внутри маяка. Разноголосый хор приближался, поднимаясь по лестнице. Хуже всего мне подчинялись язык и губы. Я лепетал какие-то слова, как умирающий: винтовка, ракета, цепи... Но не мог тронуться с места. Лишь смотрел на крышку люка, точно замороженный.

Рука подняла крышку. Две золотые нашивки на рукаве. Потом показалась фуражка капитана с кокардой Французской республики. Затем недружелюбный взгляд человека, который не поступаетя принципами, длинный и мясистый нос в обрамлении светлых бакенбард, также очень длинных. Во рту дымилась сигара. Когда почти всё его туловище оказалось в комнате, бутылка в его кармане упёрлась в край люка. Он отреагировал на это рёвом:

— Техник морской сигнализации! Почему вы не отвечаете, когда вас зовут? Что творится на этом чёртовом острове? Катастрофа? Землетрясение? Я думал, что это не сейсмоопасная зона. Борода цвета наждачной бумаги портила его внешность. Над синевато-серым бушлатом, казалось, потрудились полчища грызунов, словно капитан долгие годы не заходил ни в какой порт. В целом его вид наводил на мысли о дезертире, оставившем службу на флоте, чтобы заняться пиратством. Команда пахла хлоркой казармы или чем-то похуже. Она состояла из уроженцев колоний, в большинстве своём азиатов или метисов. У каждого был свой цвет кожи, к тому же их наряд мало чем напоминал униформу, и это наводило на мысли о войске наёмников. Им не дано было понять, какое волнение вызывало во мне их присутствие. Больше года я жил в изоляции; все мои чувства настроились на повторение одних и тех же событий. И вдруг меня окружило множество новых лиц, я слышал десятки разных голосов, на меня нахлынули забытые запахи. Пришельцы начали рыться в моих вещах, желая утащить что-нибудь. Среди них выделялся молодой человек, совсем мальчик, определённо семитской наружности, с чёрными вьющимися волосами и в очках с металлической оправой. Моё имущество его совершенно не интересовало. На моряка он не походил да и одет был гораздо лучше, чем остальные. Цепочка, которая исчезала в кармашке жилета, выдавала спрятанные там часы. В чертах остальных моряков просматривался отпечаток постоянного бунта. У этого еврея, напротив, было кроткое лицо человека, прочитавшего слишком много несерьёзных книг. Он сильно кашлял.

— С кем я разговариваю? Каков ваш чин? — допытывался капитан. — Вы немые, ранены, больны или не понимаете меня? Как вас зовут? Отвечайте! Или вы тут совсем сошли с ума? — Он замолчал и принялся. — Откуда эта вонища? Если бы рыбы могли потеть, то воняло бы именно так. Во всём доме этот запах.

Некоторые моряки расхохотались. Они смеялись надо мной. Обнаружив, что красть здесь практически нечего, они обратили всё своё внимание на меня. Еврей перелистывал какие-то пожелтевшие старые бланки. Наконец он произнёс:

— Перед отъездом из Европы я попросил в министерстве копию международных регистрационных списков служащих в различных зонах. Здесь значится некий Кафф, Батис Кафф. — Он поднял глаза в некотором сомнении. — По крайней мере, это должно быть так.

— Кафф? Техник морской сигнализации Кафф? — спросил капитан.

— Мне кажется, это так, но я совсем в этом не уверен, — признался еврей, поправляя очки. — В списке не указано больше никаких имён. Здесь ничего не говорится ни о его национальности, ни о должности. Не указано даже, какая организация направила его сюда, когда и с какой конкретной целью. Тут только значится, что он был направлен на этот остров. Это вина навигационной корпорации, которая взяла на себя работу по предоставлению в государственные органы списков перемещаемых технических специалистов, но делает это неохотно и из рук вон плохо. Когда я вернусь, то заявлю протест. Такая политика наносит ущерб её служащим. В частности, мне. Какая глупость! Все страны обмениваются информацией о своих международных станциях. А корпорация скрывает имена служащих, когда ей это выгодно. Но здесь речь идёт о крошечном метеорологическом пункте!

Однако интересы еврейского юноши и капитана были совершенно противоположны и сходились только в этот момент. Капитан был человеком практичным. Подробности его не интересовали, и он настойчиво продолжил:

— Техник морской сигнализации Кафф, этот человек приехал, чтобы сменить метеоролога, который работал на острове. Но мы не знаем, куда он запропастился. Если вы не предоставите убедительной информации, нам останется лишь предположить, что вы виновны в его исчезновении. Вы понимаете, в чём вас обвиняют? Отвечайте! Отвечайте же, чёрт возьми! Дом метеоролога недалеко отсюда, этот остров маленький, так что вы непременно должны знать, что с ним случилось! Вы что думаете, такие маршруты — приятная прогулка? Я направлялся из Индокитая в Бордо, но корпорация обязала меня сделать крюк в тысячу морских миль, чтобы забрать с острова одного человека. Только одного. И вдруг оказывается, что я не могу его разыскать. И это происходит здесь, на клочке земли размером с почтовую марку!

Он бросил на меня разъярённый взгляд, ожидая, что выражение его лица меня испугает или что пауза, которую он сделал, заставит меня говорить. Но он не достиг своей цели. Капитан безнадежно махнул рукой. Сигара помогла ему не уронить свой авторитет. Он выпустил изо рта плотный клуб дыма и обратился к молодому еврею:

— Молчание говорит о виновности тех, кто не хочет оправдаться. Я считаю этого человека виновным и увезу его отсюда, чтобы его повесили.

— Молчание может также служить человеку защитой, — сказал юноша, перелистывая какую-то книгу. — Вспомните, капитан, вы получили задание привезти меня сюда, потому что тот корабль, на котором я должен был приплыть, потерпел крушение во время бури. Я задержался на несколько месяцев. Кто знает, как переносил одиночество прежний метеоролог? И если здесь случилось какое-то несчастье, то этот человек является скорее свидетелем события, нежели виновником.

Неожиданно капитан обратил внимание на моряка с азиатской внешностью, который рылся в ящиках. Прежде чем тот успел понять, что за ним наблюдают, на него обрушились три крепкие затрещины. Капитан отобрал у него украденный серебряный портсигар, осмотрел его, не вынимая сигары изо рта, и тут же спрятал в глубине кармана своего кителя. Еврейский юноша не моргнул и глазом. Вероятно, подобные сцены были ему привычны. Он любезно протянул мне книгу Фрейзера и сказал:

— Вы не имели возможности читать какие-нибудь иные книги всё это время? Вам должно быть известно, что республика словесности сейчас живёт иными, более возвышенными идеями.

Он глубоко ошибался. Ничего в мире не изменилось — стоило только взглянуть на этих грязных людей, которые наводнили маяк, словно толпа клиентов публичного дома. Пока он говорил об интеллектуальных вершинах, они оскверняли всё, до чего ни дотрагивались. А перед ним был я, человек, который не боялся виселицы, которого гораздо больше страшила жизнь рядом с подобными существами. Перед ним был человек, который предпочёл изгнание хаосу и который не перенёс бы путешествия в обратном направлении. Бедный мальчик. Он так самоуверен. Если бы у нас были подходящие весы, я бы предложил ему положить на одну чашу все его книги, а на другую — Анерис.

Все угрозы капитана не имели никакого значения. Я был для него просто помехой, и он поступил со мной соответственно. Чуть позже он сорвал с головы фуражку и стал кричать. Он размахивал ею и орал на своих моряков на смеси французского и китайского или на каком-то ещё языке; не прошло и двух минут, как они исчезли. Потом я услышал их голоса на лестнице. Приказания, оскорбления и ответная брань весело перемешивались в равных пропорциях.

Потом наступило молчание. Они исчезли так же, как появились. Море волновалось сильнее обычного; волны то и дело разбивались о стены маяка, и в их шуме звучал то львиный рык, то шум камнепада. Многим в жизни доводилось встретиться с привидением, но мне казалось, что я был первым в мире человеком, которому явился целый отряд. Впрочем, возможно, привидением был я сам.

Я провёл весь день на балконе. Предметом моего наблюдения было моё собственное любопытство. Мне так давно не доводилось видеть группу людей, что все их действия казались необычными. До отъезда они починили дом метеоролога. Работали матросы неохотно, просто подчиняясь приказам. Когда ветер дул в мою сторону, до меня доносился стук топоров и яростные крики капитана. Но и он распорядился нехотя, поэтому ругань казалась наигранной: необходимость выполнения служебных обязанностей сталкивалась с желанием отплыть с острова как можно скорее. Я мог разглядеть дымок над крышей и человеческие фигуры возле него. Капитан то и дело прикладывался к фляжке, он пил больше, чем курил, и не обращал внимания на просьбы молодого еврея, поворачиваясь к нему спиной, когда тот слишком настаивал.

Что такое наши чувства? Новости, которые мы получаем о нас самих. Шлюпки отчалили от берега ещё до наступления темноты, а я не испытывал никаких чувств, ничего, даже печали. Корабль уходил за горизонт. Из трубы дома метеоролога шёл дым. За моей спиной со скрипом поднялась крышка люка. Мне не надо было оборачиваться, чтобы понять, кто вошёл. Не знаю, где она пряталась всё это время.

Я подкрепился консервированной фасолью. Анерис подчинилась моментально, стоило мне только приоткрыть губами. Она убрала со стола и быстро разделась, по-своему радуясь восстановлению привычного порядка. Казалось, моё пьянство смутило и обескуражило её. Однако ничего не изменилось. Ей не надо было сомневаться в моей верности; никто не станет требовать от неё большего, чем она хотела дать мне. Я начал раздеваться, но, когда хотел снять свитер, она вдруг напряглась. Лицо её на миг исказилось. Анерис села, скрестив ноги, и запела. Кровь с новой силой побежала по моим жилам. Надо забаррикадировать дверь, зажечь огни маяка, распределить остатки боеприпасов. Я положил рядом с собой сигнальную ракету: Господи, как мало их у меня осталось. Всё готово? И да и нет. Все предметы — в полном порядке. Всё было так отлажено, что я сам оказывался лишним.

Омохитхи вторглись на остров одновременно с востока и с запада. Две небольшие группы стягивались к лесу до начала штурма. Потом они вприпрыжку побежали к маяку. Иногда свет прожектора отражался в их глазах зелёным металлическим блеском. Пока я в них целился, мне пришли на ум рекомендации из старого учебника для партизан. Повстанцы должны атаковать укрепления противника только ночью и в том случае, если превосходят его числом, особенно если не располагают достаточно мощным оружием. Если противник укрепился в двух точках, следует выбирать для штурма менее укреплённую. Это может показаться обычными доводами здравого смысла, но партизанам именно его часто и не хватает.

Омохитхи растворились в темноте и через минуту уже были на другом конце острова. События теперь не требовали моего вмешательства. Я преспокойно чистил свою винтовку, когда вдали раздавались выстрелы. Я был глух к той борьбе, которую вело другое человеческое существо за свою жизнь там, совсем неподалёку. В самом деле, что я мог сделать? Сообщить французскому капитану, что остров окружают миллионы омохитхов? Выйти с маяка сейчас, в ночи? Я насчитал девять выстрелов, и мне пришло в голову, что не следует трогать патроны попусту.

* * *

На следующий день он пришёл ко мне. Из-за густого тумана я смог увидеть его тогда, когда юноша оказался почти у самой двери. Он выглядел более или менее невредимым. Волосы взлохмачены, глаза распухли. Он по-прежнему был одет как страховой агент. Никогда ещё остров не видел столь неподходящего наряда. Если бы у меня оставалась хоть капля чувства юмора, я бы рассмеялся. На белой рубашке не хватало пуговиц. Чёрный пиджак и брюки помяты и разорваны в борьбе. Узкий галстук болтался петлёй на его шее. Одно из стёкол очков треснуло и казалось подёрнутым паутиной. Ботинки заляпаны грязью. За одну ночь юноша из мелкого буржуа превратился в бездомного парию. В правой руке он сжимал ещё дымящийся револьвер. Как это ни парадоксально, но оружие делало его фигуру ещё более хрупкой, возможно, из-за своих ничтожных размеров. Молодой человек подбежал ко мне из тумана:

— Слава тебе Господи! Господин Кафф, я уже думал, что мне никогда не доведётся увидеть людей.

Мне не хотелось ему отвечать, для меня он был лишь привидением из крови и плоти. Пока я рыскал в его сундуках в доме метеоролога, он ходил за мной, как собачонка. Есть люди, которые становятся не в меру разговорчивыми, побывав на краю пропасти. Юноша говорил не переставая, но я его совсем не слушал. Два ящика с боеприпасами оказались под большими мешками с фасолью. По форме они напоминали маленькие гробы. Я вскрыл первый из них железным ломиком, и наступила тишина, словно мы нашли святые мощи. Мои руки перебирали патроны.

— О Господи! Это правда, — сказал он, становясь рядом со мной на колени. — Наверняка во втором ящике лежит винтовка. Устав обязывает метеорологов международной службы иметь оружие. Вчера вечером я об этом не вспомнил, но, к счастью, у меня был при себе этот револьвер, которым я защищался от содомитов на корабле. Кто бы мог подумать, что этот остров — обитель дьявола?

— Никто не может знать, куда занесёт его судьба. Поэтому никогда не мешает проверить, что в твоём багаже, — поучительно заключил я.

— Принимаю к сведению. Вы с толком использовали свой багаж. — И робким голоском добавил: — В противном случае вам бы не удалось выжить.

Он был прав. Несмотря на это, в его словах мне послышалось неясное оскорбление. Я не спускал глаз с бронзовых гильз, перебирая их пальцами.

— Теперь вам тоже следует с пользой употребить свой. Я со своей стороны с радостью уступлю вам половину острова. У вас два ящика патронов. Вы наверняка с удовольствием уступите мне один из них.

Юноша заморгал, ничего не понимая, потом встал и ногой захлопнул крышку ящика, едва не прищемив мне пальцы.

— Вы хотите унести патроны на маяк? Что вы такое говорите? На маяк вы должны взять меня! Тон его голоса изменился. Я впервые удостоил его взглядом. Юноша был из породы тех людей, которые и перед смертью не теряют надежды.

— Вам этого не понять, — сказал я. — Здесь всё не так ясно.

— В этом у меня уже была возможность убедиться! Глубины этих мутных вод кишат двуногими акулами!

— Так я и думал, вы меня не понимаете.

Я схватил его за шиворот и выволок на берег. У меня было не слишком много сил, но юноша пребывал в крайней растерянности, а мои мускулы прошли хорошую тренировку. Я обхватил его голову обеими руками и повернул в сторону моря.

— Глядите, — зарычал я. — Сегодня ночью они на вас напали, правда? Теперь смотрите внимательно: перед вами океан. Что вы видите?

Он застонал, упал на песок, как сломанная кукла, и разрыдался. Я мог себе представить, что он видел ночью. Конечно, мог. Если бы он был из тех людей, которые способны разглядеть то, что скрыто от глаз, он бы не очутился на острове. Ледяной ветер унёс туман. Солнце стояло ниже, чем я думал. Юноша перестал плакать:

— Я ничего не понимаю с тех пор, как оказался на этом острове. Но дело в том, что я не хочу здесь умереть. — Он сжал кулаки. — Не желаю.

— Тогда убирайтесь отсюда, — ответил я. — Этот маяк — лишь мираж. Внутри него вы не будете в безопасности. Не заходите туда. Убирайтесь отсюда, отправляйтесь домой.

— Убираться? Как же мне отсюда выбраться? — он развёл руками. — Посмотрите вокруг! Где вы видите корабль? Мы на самом краю земли.

— Не верьте маяку, — настаивал я. — Люди, которые приезжают на этот остров, потеряли веру и цепляются за миражи. Но миражи недостижимы. — Мой голос дрогнул. — Если бы вы действительно могли верить, то пошли бы по воде и вернулись туда, откуда пришли.

— Вы что, смеётесь надо мной? Или я говорю с сумасшедшим?

— После ночи, проведённой здесь, вы всё ещё думаете, что я свихнулся? — Кости у меня ныли. — Я устал.

Он посмотрел на меня в полном недоумении. Я произнёс эти слова, как медиум; внутренние цепи не позволяли мне верить в то, что произносили губы. К моему крайнему удивлению, в его глазах зажёгся провидческий огонь. Юноша не мигал. Он выпрямился в порыве дикой энергии

и скинул башмаки. Потом резкими движениями закатал брюки и снял пиджак и свои смешные очки.

Он и вправду пошёл к воде. Не сомневаясь, не раздумывая. Я смотрел в спину этого молодого и такого решительного юноши, и в моём сердце зародилась надежда. Он замер на неясной границе между морем и сушей. Волна, более сильная, чем другие, лизнула его ступни; и я сам вздрогнул от холода, который передался мне по каким-то невидимым проводам. Я засомневался. А что, если у него получится?

Винтовка выпала у меня из рук. Я не верил своим глазам. Он действительно шёл по морю: делал шаг, затем другой, и вода расстилалась у него под ногами жидким ковром. Он уходил, отрицая маяк и предрассудки, на которых зиждилась наша борьба. Ему открывалась истина, что с миражами не стоит вступать в спор, надо просто не обращать на них внимания. Он разрушал все страсти и извращения, потому что отвергал их с самого начала. Ещё несколько шагов — и страшный сон развеется.

Он в негодовании обернулся ко мне.

— Что за глупость я делаю? — закричал он, широко раскрывая руки. — Вы что, вообразили, что я Христос?

И юноша пошёл обратно. Когда он оказался на берегу, в нём проснулся воинственный дух. Он хотел сражаться до последнего вдоха. Он говорил об „акулхомах“, предлагал отравить воды мышьяком, окружить берега острова сетями, полными битых ракушек с острыми, как ножи, краями, придумывал тысячи смертоносных планов. Я подошёл к воде. На глубине двух сантиметров можно было разглядеть плоские камни, по которым он только что шагал.

Я сел на берегу и обнял свою винтовку, как ребёнка. Потом стал запрокидываться назад, пока спина не коснулась песчаного матраса. Решительно, в этом мире не существует никаких неожиданностей, всё предсказуемо. Я задал себе один из тех вопросов, на которые мы находим ответ раньше, чем успеваем их произнести: где он теперь, мой Треугольник, где? Солнце садилось.

Albert Sanchez Pinol
LA PELL FREDA

Альберт Санчес Пиньоль
В ПЬЯНЯЩЕЙ ТИШИНЕ

Перевод с каталонского языка — Нина Аврова Раабен
Перевод данного произведения осуществлён на средства, выделенные Институтом Рамон Льюль.
Institut Ramon Hull

МИР книги
МОСКВА 2006

Примечания

1

Сказано и сделано
(лат.)

2

Фермопилы

— горный проход в Греции, где в 480 г. до н. э. малочисленный отряд спартанского царя Леонида два дня противостоял натиску персидских войск. Все бойцы отряда погибли.

3

Шатобриан, Рене

(1768–1848), французский писатель и государственный деятель, которого называют „отцом романтизма“ во французской литературе.

4

Лафорг, Жюль

(1860–1887), французский поэт, оказавший большое влияние на школу символизма.

5

Сраная жопа

(нем.)

.

6

Речь идёт об Англо-бурской войне в Южной Африке (1899–1902 гг.)

7

Миямото Мусаши (Мусаси)

(1584–1645) — знаменитый японский воин-самурай, художник и автор книг о фехтовании.

8

Майкл Коллинз
(1890–1922) — борец за независимость Ирландии.

9

Всё идёт хорошо
(итал.)

10

Святой Антоний
(IV в., Египет) — один из первых отшельников в истории Христианской Церкви. Он провёл 20 лет в пустыне и не поддавался искушениям дьявола, который являлся ему в виде змей, драконов и других фантастических существ.

/9j/4QP/RXhpZgAASUkqAAgAAAALAA8BAgADAAAASFAAABABAgARAAAkgAAABIBAwABAAA
A
AQAAABoBBQABAAAAowAAABsBBQABAAAAqwAAACgBAwABAAAAAgAAADEBAgAcAAAAsw
AAADIB
AgAUAAAazwAAABMCAwABAAAAQAAABQCBQAGAAAA4wAAAGmHBAABAAAAEwEAAAA
AAABIUCBT
Y2FuamV0IEczMDEwAMgAAAABAAAyAAAAEAAAABBQ0QgU3lzdGVtcyBEaWdpdGFsIEltYWdp
bmcAMjAxMzowNjowMCAxMT0lMjowNAAAAAAAAQAAAP8AAAABAAAAGAAAAEAAAD/AAAA
AQAA
AIAAAAAABAAA/wAAAAEAAAAMAACQBwAEAAAAMDIyMAOQAgAUAAAAqQEAAAGRbwAEA
AAAAQID
AJCSAgAEAAAANjA5AACgBwAEAAAAMDEwMAGgAwABAAAAAQAAAAKgBAABAAAAkAEAAA
OgBAAB
AAAAcQIAAAWgBAABAAAAvQEAAAmkAwABAAAAAAAAAAAAqkAwABAAAAAAAAAAAAukBwAYA
gAA2wEA
AAAAAAyMDEzOjA2OjMwIDExOjQ5OixAAIAAQACAAQAAAABSOTgAAgAHAAQAAAAwMTAw
AAAA
AAEAewAgICAwQTAgICA3QTAgICA4QTBIUFNJMDAwMgAAICAxMUEwICAgMEEwICAgMEEwICA
g
ICAgIDAAACAgMjFBMCAgIDBBMCAgIDBBMCAgICAgICAwAAAIDMxQTAgICAwQTAgICAwQTA
g
ICAgICAgMAAAICAzMkEwICAgMEEwICAgMEEwICAgICAgIDAAACAgNDFBMCAgIDBBMCAgIDB
B
MCAgICAgICAwAAAIDQyQTAgICAwQTAgICAwQTAgICAgICAgMAAAICA0M0EwICAgMEEwICAg
MEEwICAgICAgIDAAACAgNDRBMCAgIDBBMCAgIDBBMCAgICAgICAwAAAIDUxQTAgICAwQTA
g